

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

О.Е. Чернова

ТЕКСТ И ДИСКУРС

*Утверждено Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного пособия*

Магнитогорск
2021

УДК 070
ББК 76.0

Рецензенты:

корреспондент редакционного отделения телепрограмм,
АНО ТК «ТВ-ИН»
Н.В. Кинаш

кандидат филологических наук,
доцент кафедры права и культурологии,
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова»
Е.В. Малек

Чернова О.Е.

Текст и дискурс [Электронный ресурс] : учебное пособие / Оксана Евгеньевна Чернова ; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». – Электрон. текстовые дан. (1,67 Мб). – Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC, любой, более 1 GHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD ; MS Windows XP и выше ; Adobe Reader 8.0 и выше ; CD/DVD-ROM дисковод ; мышь. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-9967-2233-4

Настоящее учебное пособие включает разнообразные дидактические материалы, обеспечивающие организацию учебного процесса по дисциплине «Текст и дискурс». Оно построено так, чтобы теоретические знания обучающиеся могли закрепить практическими навыками.

Предназначено для студентов направления подготовки 42.03.02 «Журналистика».

УДК 070
ББК 76.0

ISBN 978-5-9967-2233-4

© Чернова О.Е., 2021

© ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова», 2021

Содержание

Предисловие.....	4
РАЗДЕЛ I. ПЛАНЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ.....	6
ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 1 Место функционализма в современной лингвистике. Становление дискурсивного подхода к анализу коммуникации	6
ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 2 Феномен дискурса в современных научных исследованиях. Соотношение понятий текст и дискурс.....	7
Практическое занятие № 3 Основы теории дискурса	8
ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 4 Основные направления и аспекты текстовых исследований	18
ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ № 5-6 Основы теории текста.....	22
ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ № 7-9 Особенности анализа текстовых категорий. Текстовая категория информативности	25
ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ № 10-11 Особенности анализа текстовых категорий. Текстовая категория модальности	34
ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ № 12-13 Разграничение устных и письменных текстов как специфическая лингвистическая проблема	36
ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 14 Исследовательский инструментарий. Филологический анализ текста	47
ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 15 Исследовательский инструментарий. Концептуальный анализ текста	52
ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ № 16-18 Методика дискурсивного анализа	54
РАЗДЕЛ II. ТЕКСТОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ АНАЛИЗА	61
РАЗДЕЛ III. ХРЕСТОМАТИЯ.....	88
РАЗДЕЛ IV. КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	188
РАЗДЕЛ V. ТЕЗАУРУС.....	198
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	200
ПРИЛОЖЕНИЕ	204

Предисловие

Лингвистов и ученых других специальностей всегда интересовал вопрос: как функционирует язык? В конце XX века представители разных научных направлений пришли к мнению, что понять природу общения можно, если выйти за пределы самой языковой системы и связать ее со всем тем, что мы знаем о восприятии, о памяти, о поведении человека и т.д. Новые научные интересы привели исследователей к необходимости более детального изучения специфики таких многоплановых явлений, как текст и дискурс.

Постановка в центр внимания ученых проблем дискурсивной и текстовой деятельности обусловила включение в блок общепрофессиональных учебных дисциплин вузовской программы самостоятельного курса «Текст и дискурс».

Новый курс осознается сегодня как обязательная составляющая в системе подготовки журналистов, поскольку предполагает:

- знакомство с различными подходами к трактовке ключевых для журналиста понятий *текст* и *дискурс*;
- формирование целостного представления о процессе общения и производства текстов;
- овладение некоторыми частными методиками текстового и дискурсивного анализа.

«Текст и дискурс» нацелен на системное изложение результатов, полученных при изучении *текста* и *дискурса* в современной науке. Данная цель предопределила композицию учебного пособия.

Раздел «**Планы практических занятий**» призван, с одной стороны, сориентировать студентов в многообразии современных подходов к тексту и дискурсу, с другой стороны, сформировать представление о сущности текстовой и дискурсивной деятельности. В совокупности эти два аспекта изучения курса способствуют усвоению научных достижений, которые позволили по-новому взглянуть на языковое общение.

Раздел «**Текстовые материалы для анализа**» содержит подборку публицистических и художественных текстов, помогающих быстро усвоить алгоритм проведения различных частных методик текстового и дискурсивного анализа.

Для облегчения подготовки к практическим занятиям в разделе «**Хрестоматия**» даны фрагменты из монографий, учебников, статей современных ученых, работающих в данной сфере.

Проконтролировать свои знания по курсу помогут тесты в разделе «**Контрольно-измерительные материалы**». В нем также содержится перечень вопросов к зачету по всему курсу.

Успешное овладение понятийным аппаратом всегда являлось одним из важных показателей усвоения теоретических знаний по дисциплине. Этот момент учтен в учебном пособии. В разделе «**Гезаурус**» представлены важнейшие термины курса, понимание которых сделает подготовку к практическим занятиям несложной.

«Приложение» дает возможность ознакомиться с рабочей программой, которая отражает цели и задачи курса, формирует общее представление о совокупности знаний и умений, которыми необходимо овладеть в процессе его изучения.

Желаем успешной работы!

РАЗДЕЛ I. ПЛАНЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 1

Место функционализма в современной лингвистике. Становление дискурсивного подхода к анализу коммуникации

План

1. Направления лингвистических исследований, определившие современное понимание текста и дискурса.
2. Дискурсивный подход к исследованию коммуникации.

Задание 1.

Познакомьтесь с фрагментом монографии М.Л. Макарова «Основы теории дискурса», касающимся научных тенденций XX века. Как противопоставление функционализма формализму изменило взгляды на природу языка? (См.: «Хрестоматия», №. 1.)

Задание 2.

Современное понимание организации коммуникативной деятельности (и двух ее форм – дискурсивной и текстовой) возникло на почве синтеза достижений многих лингвистических и социальных дисциплин. Изучите описание теоретических моделей коммуникации, данных в хрестоматии (см.: «Хрестоматия», №. 2), и заполните таблицу.

Теоретические модели коммуникации	Информационно-кодовая	Инференционная	Интеракционная
Характеристика			
Достоинства			
Недостатки			

Задание 3.

Понятию **дискурс** сегодня дается множество определений – оно оказывается актуальным для разнообразных исследований процесса коммуникации. Прочитайте фрагменты из монографии О.Л. Михалевой «Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия» (см.: «Хрестоматия», №. 3) и осмыслите следующие аспекты:

- история становления термина «дискурс»,
- обоснованность появления дискурсивного подхода к описанию сущности коммуникации,
- реализация принципов функционализма в теории дискурса,
- особенности изучения коммуникации в дискурсивном аспекте.

Подумайте, какая модель коммуникации легла в основу дискурсивного подхода ее исследования.

Список литературы

1. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003. – С. 33 – 40; 83 – 85.
2. Михалева, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – Иркутск, 2005. – С. 17 – 27.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 2

Феномен дискурса в современных научных исследованиях. Соотношение понятий текст и дискурс

План

1. Современные подходы к толкованию понятия дискурс.
2. Текст в пространстве дискурса.

Задание 1.

Выделите основные научные направления в изучении дискурса, отметьте особенности каждого (см.: «Хрестоматия», № 3.: Михалева, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – Иркутск, 2005. – С. 17 – 27; № 4.: Борисова, И.В. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.В. Борисова. - Екатеринбург, 2001. – С. 179 – 182;). Результаты анализа поместите в таблицу.

Научное направление исследования дискурса	Дефиницирование термина «дискурс»	Специфика изучения дискурса в рамках научного направления
...	...	...

Задание 2.

В современной лингвистической литературе термины «текст» и «дискурс» часто используются параллельно и недостаточно четко разграничиваются. Опираясь на материалы монографии И.В. Борисовой (см.: «Хрестоматия», № 4.), выделите сущностные признаки дискурса и текста. Какие из них будут разграничивать дискурс и текст, а какие объединять? Скажите, как, на ваш взгляд, соотносятся эти феномены?

Задание 3.

Общие свойства дискурса и текста определяются тем, что текст вербально запечатлевает в себе образ, «вербальный след» той деятельности, в ходе которой он создается. Какие «следы» дискурса присутствуют в отрывке из романа «Мастер и Маргарита» (см.: «Текстовые материалы для анализа», текст

1.)? Покажите на примере данного фрагмента характер проявления сущностных признаков текста и дискурса.

Список литературы

1. Борисова, И.В. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.В. Борисова. – Екатеринбург, 2001. – С. 179 – 182.
2. Михалева, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – Иркутск, 2005. – С. 17 – 27.
3. Чепкина, Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995 - 2000) / Э.В. Чепкина. – Екатеринбург, 2000. – С. 5 – 9.

Практическое занятие № 3 Основы теории дискурса

План

1. Типы дискурсов.
2. Проблема выделения и описания единицы дискурса.
3. Категории дискурса.

Задание 1.

Рассмотрите типологию дискурсов, предложенную А.В. Оляничем. Отметьте ее сильные и слабые стороны.

Соответствие потребностей и типов дискурсов

Потребности	Тип дискурса
Потребность в продолжении рода	Бытовой альковно-интимный дискурс (ухаживания, любовные послания, признания в любви и т.д.).
Потребности в поддержании жизни (в пище)	Глуттонический дискурс как инструкция о добыче, обработке, и приготовлении пищи.
Потребности в материальных благах	1) Деловой дискурс как коммуникация в процессе трудовой деятельности, направленной на получение легальных доходов; 2) Воровской дискурс в деятельности, направленной на получение нетрудовых доходов.
Потребности в информированности	1) Информационный (массово-информационный) дискурс как коммуникация, имеющая целью социальную ориентацию 2) Компьютерный дискурс как коммуникация посредством электронных инструментов общения
Потребности во власти	Политический дискурс как коммуникация, направленная на руководство (управление) социумом
Потребности в вере	Религиозный дискурс
Потребности в равенстве социальных прав и в обеспечении собственной безопасности	1) Юридический или правовой дискурс 2) Военный дискурс
Потребности в передаче знаний и	1) Педагогический дискурс

информации	2) Научный дискурс
Потребности эстетические	1) Художественный дискурс 2) Дискурс этикета 3) Фикциональный (сказочный, фантастический) дискурс
Потребности в охране здоровья	Медицинский дискурс
Потребности в обеспечении социального порядка и управления социумом	1) Ритуальный дискурс 2) Управленческий дискурс
Потребности в снятии индивидуального и социального психологического напряжения	1) Инвективный дискурс 2) Юмористический дискурс
Потребности в аргументации	Риторический дискурс
Потребности в самопрезентации	1) Презентационный дискурс, 2) Педагогический дискурс
Потребности в передаче историко-духовных и культурных ценностей	1) Историко-культурный дискурс 2) Педагогический дискурс

Задание 2.

В современных научных исследованиях вопрос о выделении единицы описания дискурса не имеет однозначного ответа. Как вы могли видеть в теоретических материалах, изученных ранее, в качестве возможной единицы описания дискурса ученые называют текст, речевой акт, речевой поступок. Прочитайте главу «О единице описания дискурса: речевой поступок и речевой акт» из книги И.В. Борисовой (см.: «Хрестоматия», № 5.), выявите все «за» и «против» по поводу каждой «кандидатуры», предложенной в качестве единицы дискурса. Что, по вашему мнению, можно считать единицей дискурса? Свою позицию аргументируйте.

Задание 3.

Познакомьтесь с данным ниже теоретическим материалом. Какие категории дискурса вы можете выделить? Как они взаимосвязаны друг с другом?

Дискурс – протекающая в реальных координатах пространства и времени, ситуативно и социально обусловленная коммуникативная деятельность, одним из продуктов которой в результативной сфере является текст. Он намного шире коммуникативной ситуации, поскольку включает в себя мыслительные механизмы порождения и восприятия речи.

Процесс производства речи включает в себя намерение, отбор информации, которая должна быть выражена, упорядочение информации, ее увязывание со сказанным ранее. Для производства сообщения говорящий должен иметь доступ к нескольким типам информации. Во-первых, это процедурное знание (типа «если – то»/ «знаю, как...»). Во-вторых, это декларативное знание (типа «что содержит что»/ «знаю, что...»). В-третьих, ситуационное знание – информацию о наличной ситуации, о собеседнике и об окружении, в контексте которого происходит говорение. Помимо этого,

говорящий должен следить за тем, что он сам и другие сказали в ходе коммуникативного взаимодействия.

Выстраивая общение, говорящий должен учитывать, что коммуникация в рамках дискурса построена по определенным правилам. Эти правила еще не сформулированы, не описаны в учебниках. Их мы знаем интуитивно, или усваиваем в процессе приобщения к дискурсу. В общем смысле эти правила можно сформулировать в виде положения: «нельзя говорить что угодно, где угодно, когда угодно и кому угодно».

По мнению многих исследователей, дискурсивные правила связаны не только с социальной, но и когнитивной деятельностью человека. Таким образом, понимание дискурса предполагает осмысление ряда представлений, сложившихся в рамках современных – прагматингвистическом и когнитивном – направлений лингвистики и отраженных в таких центральных для них понятиях, как *концепт*, *фрейм*, *сценарий*, *ментальное пространство*, *речевая стратегия и тактики* и др.

Как показали психолингвистические исследования, при восприятии речи для человека не всегда важно, в какой синтаксической форме предъясняется фраза. Главное для него – это смысл, стоящий за этой фразой. При восприятии фраз слушающие соотносят смысл с ситуацией. Именно ситуация оказывает основное влияние на понимание и запоминание речевой информации. Таким образом, при производстве и восприятии речи значимыми являются знания о ситуациях действительности. Обобщенные знания о типах ситуаций и знания социально-культурных контекстов хранятся в памяти человека в виде концептов, фреймов, сценариев.

Концепт – мыслительная единица, содержание которой, а также ее взаимодействие с другими концептами зависят от изменений в культуре и, соответственно, массовом сознании.

Концепт состоит из следующих компонентов: понятийная составляющая, культурная составляющая, ценностная составляющая. Понятийная составляющая представляет собой понятие слова-имени концепта. Например, у концепта «солнце» понятийная составляющая представлена смыслом «небесное светило». Культурная составляющая содержит осмысление этого предмета или явления действительности человеком или группой людей в синхроническом (сейчас) или диахроническом (в нескольких временных периодах) аспекте. Применительно к концепту «солнце» следует изучить, например, как осмыслили этот феномен в русской культуре на разных этапах ее развития. Ценностная составляющая соотносится с каким-либо ценностным представлением. Так, ценностная составляющая концепта «солнце» связана с тем, что солнце воспринимается как источник, средоточие чего-нибудь ценного, высокого, жизненно необходимого (например, данное утверждение объективировано в выражении *Солнце правды*).

Считается, что наше сознание состоит из концептов, которые в совокупности формируют определенную ментальность.

А.В. Олянич выделяет следующую **систему концептов современных СМИ**.

1. Политика: лидер, партия, благополучие, нищета, правительство, парламент, жизнь, война, выборы, претенденты, пиар, провокация, обещание, реформа, закон, народ, президент, история, экономика, культура, гласность, открытость, цензура, слово, власть, мир, страна, государство.

2. Экономика: деньги, капитал, акции, биржа, производство, торговля, бизнес, менеджмент, маркетинг, банк, финансы, индустрия, бартер, валюта, облигации, акции, директор, хозяин, прибыль, рост, бухгалтер, девальвация, инфляция, дефляция, ревизия, реклама, реструктуризация, альянс, сделка, контракт, договор, банкротство, должник, компания, ООО, фишки, позиционирование, недвижимое имущество, рынок, индекс деловой активности, корпорация, акционер, дефолт, трейдер, брокер, богатство, бедность.

3. Культура: театр, кино, телевидение, искусство, литература, архитектура, дизайн, мода, стиль, шедевр, фестиваль, конкурс, книга, режиссер, актер, продюсер, журналист, писатель, репортер, статья, журнал, знание, артефакт, образ, культуртрежер, оператор, статист, монтажер, художник, скульптор, график, графика, живопись, масло, акварель, гуашь, пастель, дискуссия, диалог, критик, интерпретация, альбом, богема, элита.

4. Образование: учитель, педагог, директор, школьник, наглядное пособие, учебник, парта, доска, знание, предмет (школьный), школа, институт, профессор, лектор, семинар, лекция, зачет, экзамен, билет (студенческий), студент, доцент, библиотека, аудитория, деканат, ректорат, ректор, проректор, родители, стипендия, расписание, программа, оценка (знаний), столовая.

5. Бытие: мораль, житейские правила, общежитие, потребление, торговля, покупки, нищета, богатство, уровень жизни, транспорт, квартира, дом, налоги, услуги, соседи, органы правопорядка, экология, реклама, телевидение, радио, слухи, сплетни, кладбище, похороны, свадьба, юбилей, магазин, продукты, ателье, слесарь, водопроводчик, почтальон, уборщица, мусоропровод, подъезд, лифт, окно, улица, бульвар, двор, домино, лото, дикторы, ведущие, популярный артист, телефон (мобильный), компьютер, электронная почта, Интернет.

6. Религия: вера, Бог, Иисус, возмездие, грех, искупление, благо, рай и ад, чистилище, апокалипсис, церковь, священник, иерархи церкви, ересь, служба, литургия, икона, идол, мессия, паломничество, канон, молитва, конфессии, миссионерство.

7. Война: Чечня, Ирак, Палестина, Израиль, конфликт, госпиталь, террористический акт, боевик, солдат, бандит, зачистка, операция, войска. Армия, командование, генерал, штаб, оружие, бомба.

8. Спорт: игра, соревнование, спортсмен, тренер, победа, поражение, тренировка, выступление, травма, публика, болельщик, тотализатор, счет, борьба, воля, сила, здоровье, подкуп, трансферт, клуб.

9. Погода: атмосфера, облако, дождь, гроза, гололед, пасмурно, солнечно, ветрено, мороз, метель, град, холод, жара, сырость, гром, молнии, землетрясение, наводнение, шторм, ураган, смерч, температура, воздух, вода,

заморозки, аномалия, глобальное потепление, парниковый эффект.

10. Экология: *природа, животные, растения, вода, почва, лес, загрязнение, опустынивание, мелиорация, заболачивание, пожар, засуха, наводнение, катастрофа.*

11. Частная жизнь: *приватность, скандал, папарацци, публичность, эскапизм, «скелет в шкафу», светскость, прием, семейство, семьянин, добропорядочность.*

12. Технологии: *виртуальная реальность, компьютер, технологии, прогресс, наука, наукоемкость, техника, достижение, телекоммуникация, хайтек.*

13. Наука: *ученый, исследователь, диссертация, знание, информация, открытие, теория, практика, сенсация, вред, польза.*

14. Здоровье: *болезни, образ жизни, курение, алкоголь, наркотики, врач, больница, медсестра, уколы – инъекции, операция, органы, чувство, боль, жизнь и смерть.*

15. Работа: *зарплата, хозяин, босс, секретарша, мастер, труд, план, менеджмент.*

16. Глуттония: *пища, ресторан, повар, приготовление, рецепт, меню, кухня, продукты, официант, метрдотель, сомелье, обед, завтрак, ужин, банкет.*

17. Коммуникации: *связь, телефон, мобильник, телеграф, телетайп, компьютер, Интернет, почта, транспорт.*

18. Смерть: *похороны, церковь, кладбище, священник, могила, венок, отпевание, погребение, поминки, поминовение, гроб, памятник, ограда, трагедия, исповедь, отпущение грехов, самоубийство.*

19. Право: *закон, преступление, воровство, убийство, детектив, полиция, суд, адвокат, прокурор, папарацци, проституция, казнокрадство, взяточничество, коррупция, nepotизм.*

20. Мироустройство: *государство, президент, парламент, царь, король, монарх, вождь, строй, правительство, чиновники, страна, транспорт, путешествие, заграница, родина, дом, семья, реформы.*

21. Социальный статус личности: *начальник, подчиненный, глава, должность, звание, статус, богатство, бедность, класс, сословие, элита, быдло, мещанство, филистерство, деклассированность, безработица.*

22. СМИ как информационный инструмент: *новость, информация, факт, событие, ньюсмейкер, полисимейкер, сюжет, сенсация, конфликт, скандал, персона, хроника, реклама, язык, речь.*

23. Гендер: *мужские игры, женская логика, гендер как политика, гендер как экономика, гендер как культура, гендерно-ролевые отклонения, сексуальные девиации, сексуальные меньшинства), гражданские права и гендер.*

24. Этнос: *свои – чужие, национальная гордость, национальная идея, обычай, традиция, этнокультура, национальный характер, национальный стереотип, национальные предубеждения, национальная идентификация и*

самоидентификация, национальное самоопределение.

Фрейм – это мыслительная типовая структура, предназначенная для упорядочения, организации некоторых данных, информации. Ученые, например А.П. Бабушкин, считают фрейм типом концепта. Об их взаимосвязи свидетельствует следующее: если рассматривать концепт как единицу ментальности, то фрейм – способ представления этой ментальности, способ ее организации, способ упаковки этого знания, а следовательно, способ его структурирования.

Фрейм состоит из тела (названия ситуации) и слотов. **Слоты** – элементы фрейма, содержащие некоторый тип информации, релевантной для соответствующего объекта действительности. При восприятии и понимании слова или фразы в сознании человека возникают ассоциации, которые соотносятся с определенными знаниями человека. Эти знания уточняются при последующем восприятии речи. Так, в сознании реципиента активизируется слот, причисление которого к конкретному фрейму осуществляется после актуализации других типов информации, касающейся предмета речи.

Фрейм-структура проявляется на языковом уровне. Фрейм может быть вербализован при помощи разных единиц: от слова до текста. Однако даже в тексте фрейм представлен не полностью. Текст отражает лишь некоторые слоты фрейма, формирующие сценарий фрейма. Изучение совокупности текстов позволяет увидеть структуру фрейма полностью.

Сценарий – это упорядоченная последовательность действий, контролирующая как выбор специфического набора слотов фрейма, так и последовательность их активизации. Другими словами, сценарий – это фрейм в действии, поскольку фрейм имеет статическую структуру, несмотря на то, что отражает ситуацию, а сценарий имеет динамическую структуру, которая позволяет представить данную ситуацию развернутой во времени.

Понятия *концепт, фрейм, сценарий*, по мнению многих ученых, являются определяющими при рассмотрении процесса планирования общения и структурирования высказывания в виде речевого жанра.

Рассмотрим процесс планирования речи.

Любой фрейм реализуется в процессе создания текста, при этом он задействует единицы уровня планирования речи. Такими единицами являются речевые стратегии и тактики.

Начиная общение, журналист руководствуется определенной мотивацией (осознаваемой или неосознаваемой). Мотивация связана с понятием «установки» на определенное поведение. Установка же есть готовность субъекта определенным образом воспринимать, оценивать, трактовать объект восприятия и реагировать на него. Мотивация лежит в основе всех действий субъекта в процессе коммуникации и предполагает выбор субъектом стратегий и тактик его речевого поведения.

Речевая стратегия – это мыслительный план общения, направленный на достижение общей коммуникативной цели в речевом событии.

Речевая тактика – это конкретное речевое действие, направленное на решение одной задачи в рамках одной стратегической цели.

Достижение этой цели осуществляется через решение определенной совокупности задач, т.е. через использование целого ряда тактик. При таком подходе тактики являются единицами стратегии.

Существует множество классификаций стратегий и тактик. (См.: Тимонина, И.В. Коммуникативные стратегии и тактики: учебно-методический комплекс/ И.В. Тимонина, О.Е. Чернова – Магнитогорск, 2006.– 200с.).

Рассмотрим взаимодействие понятий речевого жанра и фрейма (сценария).

Речевые жанры, вне всякого сомнения, коммуникативно значимые явления в том смысле, что служат коммуникации. «Даже в самой свободной и непринужденной беседе, – отмечает М.М. Бахтин, – мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим». Причем такого рода речепорождение осуществляется по законам культурной коммуникации, содержательная сущность которой заключается не просто в передаче знаний, а во всей совокупности взаимодействия культурного сознания с внешним и внутренним миром общественного организма, называемым этнокультурным социумом.

Следовательно, речевой жанр как способ культурной коммуникации – это типовая модель общения, которая, реализуясь в определенном этнокультурном дискурсивном пространстве, предполагает актуализацию всех процессов, связанных с порождением, организацией, переработкой, хранением, трансформацией и передачей сообщений.

По справедливому замечанию В.В. Дементьева, первая попытка осмысления жанров в составе общей культурно-языковой картины мира принадлежит Г.Г. Слышкину. Исследователь реконструирует картины мира внутри ряда жанров: в каждой выделяется один или несколько системообразующих концептов, а также ряд более частных концептов, которые являются средством конкретизации системообразующих концептов (в жанре мелодрамы это концепт «любовь», в жанре детектива – «тайна», в трагедии – «несчастье»).

Идею Г.Г. Слышкина активно развивают другие исследователи. В качестве системообразующих концептов предлагаются и концепты-фреймы, поскольку в основе жанра часто лежит ситуация. Так, Е.В. Акулова пишет: «Речевой жанр «Объявление о знакомстве» вербально оформляет следующую ситуацию: через средства массовой информации лицо одного пола ищет лицо другого пола с целью создания семьи или с целью знакомства» (Акулова 2007; 424). Л.В. Неудачина, анализируя жанр «застолья» на материале английского языка, отмечает: «Ситуацию «застолья» мы соотносим с понятием фрейма, что подразумевает встречу группы лиц по какому-либо поводу (или без такового) в определенном месте и в определенное время» (Неудачина 2007; 10-11).

Проиллюстрируем теорию на примере жанра «скандал». Материалом для анализа послужили записи программы «Максимум» (НТВ). За речевым жанром «скандала» также стоит определенная ситуация общения. *Скандал* – непристойные действия, которые имели место в прошлом и которые в

настоящем стали достоянием гласности, что привело к дискредитации совершителей этих действий.

Ситуация СКАНДАЛА включает трех участников: S (субъект-агрессор, тот, кто осуществляет скандал); O (объект-пострадавший, тот, кого опозорили); Z (наблюдатель, пассивный, но обязательный участник ситуации). При этом S обладает определенным знанием относительно O. Как показал анализ записей телевизионной передачи, фрейм «телевизионный скандал» состоит из следующих слотов.

1. Представление ситуации скандала;
2. Подробности скандала;
3. Характеристика действий участника-агрессора (S);
4. Характеристика действий участника-пострадавшего (O);
5. Интервью с участником-агрессором;
6. Интервью с участником-пострадавшим;
7. Интервью со свидетелем скандала;
8. Интервью с авторитетным лицом;
9. Отношение окружающих к участнику скандала;
10. Оценка субъектом-наблюдателем скандала;
11. Пример случая, в котором некоторое лицо пострадало от аналогичных действий участника-агрессора;
12. Характеристика действий некоторого лица, пострадавшего от скандала;
13. Последствия скандала;
14. Планы участника-агрессора;
15. Планы участника-пострадавшего;
16. Авторитетное лицо о последствиях скандала;
17. Совет: как избежать скандала;
18. Детали альтернативного («нескандалного») развития событий.

Таким образом, рассказ о скандале начинается со слота «представление ситуации скандала». Данный слот является одним из ключевых при формировании фрейма. Актуализируя его, ведущий, как правило, всегда дает оценку участникам скандала и самой ситуации.

Стоит отметить, что оценка вообще является главным критерием в процессе отнесения некоторого события к скандалу. В когнитивном сценарии отмечалось, что «скандал – непристойные действия, которые имели место в прошлом и которые в настоящем стали достоянием гласности, что привело к дискредитации совершителей этих действий». Именно оценивая действия определенного участника скандала, зритель (роль наблюдателя) относит их к разряду скандала или не-скандала. Восприятие ситуации через призму оценки делает тактику оценки самой частотной. Однако стоит отметить, что тактика оценки при своей вербализации активизирует не всю аксиологическую шкалу, но только два ее полюса: «плохо» и «хорошо». Оценивая определенного участника, авторы программы представляют его нам как положительного или отрицательного, промежуточных оценок, как показал анализ, просто не существует. Это обуславливает особое восприятие скандала зрителем:

неразборчивый зритель, соглашаясь с автором сюжета, участвует вместе с ним в искажении реальности.

Второй постоянный слот – «Подробности скандала». После сообщения сути скандала (первый слот) идет интригующая информация о героях скандала, к которой зритель, скорее всего, не сможет остаться равнодушным. Нельзя забывать, что главной целью и ведущей стратегией телевизионных сюжетов жанра «скандал» является привлечение и удержание внимания зрителя; стратегия, реализуемая с помощью тактик оценки, интриги, драматизации, сообщения компрометирующих фактов, придания значимости скандалу. Причем эти тактики используются авторами осторожно и в строго определенном порядке: данные тактики реализуются, как правило, в начале, середине и конце текста сюжета. Это, на наш взгляд, связано с законами восприятия: известно, что человек лучше запоминает и принимает ту информацию, которая находится в начале и в конце текста. Риторика также советует: для наилучшего воздействия на адресата самые сильные аргументы должны ставиться в начале, середине и конце текста. Таким образом, можно говорить, что использование названных тактик в таком порядке способствует созданию манипулятивного эффекта.

Продолжим рассмотрение слотов фрейма «телевизионный скандал». После представления ситуации скандала, как правило, следует описание основных участников скандала, их действий. Эту информацию отражают слоты «Характеристика действий участника-агрессора» и «Характеристика действий пострадавшего участника скандала», а также «Интервью с пострадавшим участником скандала» и «Интервью с участником-агрессором». Используемые при этом тактики оценки ситуации, описания личных ощущений участника, косвенной оценки, констатации фактов позволяют наиболее полно представить участников скандала.

Заметим, что характеристика участника, даваемая Наблюдателем, часто неадекватна, субъективна и способствует «переворачиванию» оценок.

№ слота	Микроцель	Тактика	Текст * курсивом выделены реплики, содержащие интегральный смысл-интенцию
1. представление ситуации скандала	привлечь внимание зрителя	тактика именованья / тактика оценки	Но <i>настоящим блокбастером</i> уходящего года стали « <i>жмурки</i> » с Алексеем Паниным. В этой <i>любовной схватке</i> ребенок оказался и <i>главным оружием, и целью войны.</i>
2. подробности скандала	заинтриговать	тактика интриги	Они были вместе почти два года, <i>но игры в любовь закончились</i> , когда Юле оставалось всего <i>несколько недель до родов.</i>

3. интервью с пострадавшим участником скандала	представить зрителю пострадавшего участника	тактика описания личных ощущений участника скандала	СХ: «Я просто сказала, что я не хочу больше, мне все это не нужно – такая жизнь, веселье, какие-то женщины непонятные, низкопробные».
4. подробности скандала	заинтриговать	тактика интриги	После родов Юля сначала заберет маленькую Нюсю у отца, потом папа выкрадет дочку у мамы.
5. последствия скандала	информировать о последствиях скандала	тактика сообщения компрометирующих фактов	Новый 2009-й год Юля встретит у пустой детской кровати – после последнего похищения она больше не видела свою дочь. Суд состоится в январе.
6. интервью с участником-агрессором	представить зрителю мнение участника-агрессора	тактика интриги	СХ: «Юля не знает, сколько у меня еще козырей в кармане».

Итак, особое расположение слотов и реализуемых в их рамках тактик (таких, как тактик интриги, драматизации, сообщения компрометирующих фактов) оказывает воздействие на зрителя, привлекая его внимание, вынуждая его смотреть сюжет до конца и соглашаться с мнением автора. Данное воздействие на зрителя можно считать манипулятивным.

Таким образом, ментальные модели являются основой для создания текстов, посредством которых осуществляется коммуникация. В итоге складывается следующий ряд зависимостей: дискурс есть вербализация ментальности: ментальность – это совокупность концептов, способом структурирования которых являются фреймы; актуализация того или иного слота фрейма обеспечивается действием когнитивного сценария. Способ структурирования концепта определяет выбор языковых средств, выражающих позицию говорящего.

Дискурс обладает набором системообразующих признаков, в число которых входят (а) цель общения; (б) участники общения; (в) способ общения: избираемые стратегии и тактики.

Список литературы

1. Акулова, Е.В. Русские и немецкие объявления о знакомстве: трехкомпонентная фреймовая модель/ Е.В. Акулова // Жанры речи: Сборник научных статей / Е.В. Акулова. – Саратов, 2007. С. 424 – 429.
2. Борисова, И.В. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.В. Борисова. – Екатеринбург, 2001. – С. 179 – 182; 192 – 197.
3. Дементьев, В.В. Аспекты проблемы «жанр и культура» / В.В. Дементьев // Жанры речи: Сборник научных статей. – Саратов, 2007. С. 5 – 21.
4. Михалева, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – Иркутск, 2005. – С. 27 – 39.
5. Неудачина, Л.В. Прагматика языка «застолья» (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук./ Л.В. Неудачина. – СПб, 2007. – С. 10 – 11.
6. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса / А.В. Олянич. – М., 2007.
7. Тимонина, И.В. Коммуникативные стратегии и тактики: учебно-методический комплекс/ И.В. Тимонина, О.Е. Чернова. – Магнитогорск, 2006.
8. Чепкина, Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995 - 2000) / Э.В. Чепкина. – Екатеринбург, 2000. – С. 31 – 56.
9. Чернова, О.Е. Язык в контексте культуры: учебно-методический комплекс / О.Е. Чернова. – Магнитогорск: МаГУ, 2006. – С. 51 – 68.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 4

Основные направления и аспекты текстовых исследований

План

1. Современные подходы к изучению текста.
2. Неоднозначность предлагаемых в лингвистике толкований понятия «текст».

Задание 1.

На сегодняшний день в гуманитарных науках предлагается несколько подходов к изучению текста. Познакомьтесь с фрагментами учебного пособия Л.Г. Бабенко (см.: «Хрестоматия», № 6.) и выделите особенности каждого научного направления. Свои выводы помещайте в таблицу.

Название подхода к изучению текста	Дефиницирование текста в рамках данного подхода	Специфика изучения текста в рамках данного подхода

Задание 2.

На сегодняшний день нет единого определения текста, так как многоаспектность самого феномена текста диктует и многоаспектность его характеристики. В этом пункте плана вашему вниманию представлены лишь некоторые (из существующего многообразия) толкования текста. Прочитайте их, а затем выполните следующие задания.

- Проанализируйте предложенные дефиниции и постарайтесь разбить их на несколько групп, отражающих подход к определению текста.
- Выделите набор признаков текста, включаемых в его дефиниции. Какие из этих признаков можно считать обязательными, какие – отличительными?
- В чем вы видите основные причины расхождений в определении текста различными авторами? Какая из дефиниций текста кажется вам наиболее удачной? Почему?

(1) «Текст как сложное семантическое образование обладает рядом психолингвистических характеристик, отсутствующих у слова, словосочетания или фразы. К их числу относятся цельность, связность, эмотивность, креолизованность, прецедентность. Кроме того, в тексте сохраняются следы невербального поведения участников коммуникации, и он обладает большой степенью интерпретативности (реципиенты могут извлечь из него много смыслов)» (В.П. Белянин).

(2) Текст – «рассматривается лишь как некоторое связующее звено в коммуникации говорящего и слушающего. При этом сам текст не может характеризоваться непременно большими размерами (он может быть любых размеров, в том числе и минимальных) и сложной структурой» (Л.В. Сахарный).

(3) «...естественный осмысленный диалог, имеющий определенную, хотя и не осознаваемую говорящим цель, ...есть такой же целостный текст, как монолог. Но при условии: если он действительно является целостным текстом, т.е. если он имеет содержательную организацию, функцию, направленную на достижение определенной цели, решение определенной внеречевой задачи» (А.А. Леонтьев).

(4) «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (И.Р. Гальперин).

(5) «Если термин «текст» понимать в широком, семиотическом смысле, (...) то можно сказать, что культура воплощается в текстах, она в них опредмечивается. Но вместе с тем культура выходит за пределы совокупности или даже системы текстов и растворяется в социуме. Она нуждается в столь

многих и разнообразных » «...текст можно рассматривать как произведение, как нечто сконструированное, специально созданное человеком. Но и культура характеризуется этим же свойством – быть произведением. Произведение культуры. Правда вовсе не обязательно должно быть семиотическим по форме. Оно должно быть материализовано в виде какой-либо практически значимой вещи – артефакта, который используется обществом вне зависимости от процессов коммуникации. Речь идет о так называемой материальной культуре. Но материальная культура потому и называется культурой. Что в основе ее лежит духовная культура, ибо каждый артефакт есть плод человеческой мысли, ему всегда предшествует знаковая, духовная деятельность. Поэтому-то можно утверждать, что культура вообще существует в форме текстов – знаковых произведений духовной деятельности человека» (Л.Н. Мурзин).

(6) «... текст как нечто целостное (цельное) есть некоторый концепт, то ментальное образование, которое в лингвистической литературе именуется цельностью текста» (Ю.А. Сорокин).

(7) «под текстом понимается любая организованная совокупность знаков, развертывающаяся во времени и пространстве, например, обряд как текст, культура как текст, танец как текст» (Краткий словарь лингвистических терминов).

(8) «Текст – это языковое выражение замысла его создателя» (Д.С. Лихачев).

(9) «Текст как лингвистический феномен является продуктом целенаправленной речевой деятельности, он складывается как результат зависимости от конкретной цели общения, преследуемой участниками коммуникативного акта» (Т.В. Матвеева).

(10) Текст – «реальная реализация речевого замысла» (О.Б. Сиротина).

(11) «Текст – это не сумма компонентов, а цельное произведение, имеющее целеустановку, функциональное назначение и обладающее авторской модальностью» (Н.С. Валгина).

(12) «Организованный на основе языковых связей и отношений отрезок речи, содержательно объединяющий синтаксические единицы в некое целое, называется текстом» (Русская грамматика–80).

Задание 3.

Познакомьтесь с определениями особого типа текста – журналистского текста. В чем, на Ваш взгляд, состоят особенности интерпретации журналистского текста? Назовите основные значимые составляющие журналистского текста.

(1) «Журналистский текст – это система выразительных средств: вербальных (словесных) и невербальных (оформление)» (Е.В. Черникова).

(2) «Журналистский текст, являясь особым видом информационного продукта, в реальности существует как некоторое множество его разновидностей, именуемых жанрами. Как данный факт сказывается на идее конкретно, надо смотреть, когда дело касается жанровых характеристик

материалов. Но суть в том, что при всем при этом направляющий, подсказывающий характер идеи выступает как устойчивый признак журналистского текста. (...) характерная черта идеи журналистского произведения заключается в том, что она выступает как указатель пути к решению проблемы, подсказывает тот тип поведения или то отношение к действительности, благодаря которым адресат информации может чувствовать себя в этой жизни несколько уверенней» (Г.В. Лазутина).

(3) «Журналистский текст состоит из высказываний, констатирующих какие-то признаки реальности, которые можно проверить и доказать их соответствие действительности. Выразительность, наглядность, ситуативность, драматизм, конфликт, интрига – все это создает своеобразие формы журналистского текста» (Г.С. Мельник, А.Н. Тепляшина).

(4) «Журналистский текст имеет функциональную специфику и представляет собой особый акт коммуникации: это продукт социально направленной деятельности журналиста, процесса взаимодействия автора текста с аудиторией. Журналистский текст – это связанная единица высшего уровня языка массовых коммуникаций, порождаемая реальным миром на основе реализации актов волевых решений, потенциалов авторов-журналистов, востребованных открытой системой – социумом – на принципах синергетики и триединого свойства неопределенности – дополнительности – совместности» (В.В. Богуславская).

(5) Журналистский текст, в общем случае, осмысляет реальную проблемную ситуацию и выдвигает программу разрешения этой проблемной ситуации. Логическим инвариантом журналистского текста является рабочая идея, общественно необходимая для успешного действия читателя в реальных обстоятельствах социальной практики. Она может быть и не сформулирована вербально, но тем не менее понимается, как бы извлекается из текста читателем и, более того, используется им в практической деятельности. Инвариантность рабочей идеи обеспечивается тем, что журналистский текст, анализируя проблемную ситуацию, во-первых, указывает цель, которой может и должен достигнуть читатель; во-вторых, определяет средства, с помощью которых читатель может ее достичь; в-третьих, имеет прямое обращение к тем читателям, которые обязаны и способны личными усилиями разрешить проблему; в-четвертых, апеллирует к тем социальным силам и структурам, которые могут гарантировать осуществление рекомендуемой рабочей идеи. Выступая как своего рода логически обусловленный комплекс элементов: цель – средство – исполнитель – гаранты, рабочая идея предстает как выводная логическая конструкция (умозаключение), которая охватывает все произведение, содержит действительную программу разрешения описываемой проблемной ситуации и обеспечивает идеологическую целостность публикации (Е.И. Пронин).

Задание 4.

Обобщите определения термина «журналистский текст», рассмотренные на занятии. Предложите свое толкование журналистского текста.

Список литературы

1. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М., Екатеринбург, 2004. – С. 10 – 27.
2. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н.С. Болотнова. – Томск, 2006. – С. 123 – 128.
3. Чурилина, Л.Н. Лингвистика текста: учебно-методический комплекс / Л.Н. Чурилина. – Магнитогорск, 2007. – С. 17 – 21.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ № 5-6 Основы теории текста

План

1. Проблема выделения и описания единицы текста.
2. Текстобразующие категории.

Задание 1.

Рассмотрите теоретический материал, касающийся выделения единиц текста. Что ученые предлагают считать единицей текста?

Можно назвать следующие основные подходы к выделению единиц текста:

- 1) функционально-лингвистический (структурно-языковой);
- 2) текстовый (структурно-семантический).

Функционально-лингвистический подход

Основан на следующем исходном положении: каждый текст ориентирован на языковую систему и представляет собой отбор языковых средств из имеющегося в языке набора, осуществленный автором в соответствии с его замыслом и отражающий его знания и представления о мире.

При таком подходе единицами текста являются традиционные для языковой системы единицы (фонемы, морфемы, лексемы, словосочетания и предложения), функционирующие в тексте и имеющие текстовую значимость, т.е. участвующие в формировании текстовой семантики или текстовой синтагматики, но они рассматриваются при этом принципиально по-новому, в аспекте их текстовых функций, что позволяет говорить об уникальности организации языковых единиц в тексте.

Текстовый подход

Основан на представлении о тексте как об уникальном структурном целом, имеющем собственную единицу – сложное синтаксическое целое (ССЦ) – и как бы замкнутом в самом себе, рассматриваемом без учета среды его функционирования и авторства, в отвлечении от них.

Главная особенность ССЦ – относительная тематическая самостоятельность и законченность некоторой совокупности высказываний, которую они сохраняют при извлечении из текста, а также особый характер межфразовых связей, существующих внутри ССЦ. Учитывая тематическое, композиционное и синтаксическое единство высказываний в тексте, можно выделить ССЦ, раскрывающие частные микротемы и тем самым участвующие в раскрытии основной темы произведения. Таким образом, основные принципы выделения ССЦ – единство микротемы и определенное его композиционное устройство, что позволяет считать ССЦ особой единицей текста.

Сложным является вопрос о границах ССЦ. ССЦ может совпадать с целым текстом, если это текст малой формы (микротекст): сообщение, заметка в газете, рассказ-миниатюра и т. п. Однако в большинстве случаев ССЦ выполняет функцию составной части более крупного отрезка текста.

ССЦ не всегда легко выделяемо. В настоящее время существуют две противоположные точки зрения на соотношение абзаца и ССЦ:

1. ССЦ равно абзацу,
2. ССЦ не равно абзацу.

Действительно, границы ССЦ и абзаца нередко пересекаются в зависимости от содержания сообщения и особенно от прагматической установки. Нельзя не учитывать и того, что абзац присущ только *письменной речи*, понятие же ССЦ как связного высказывания, состоящего из ряда предложений, распространяется в равной мере на *письменную и устную речь*.

Пограничным сигналом между двумя ССЦ служит *начальное предложение второго из них* (оно же определяет конечное предложение первого ССЦ). Л.М. Лосева определяет некоторые основные признаки первых предложений ССЦ:

- в них нет таких слов, семантика которых определялась бы на основе предыдущей части текста (местоимений, местоименных наречий, соотносящихся с именами существительными, прилагательными и числительными, находящимися в предыдущем ССЦ);
- они являются обычно полными предложениями;
- в смысловом отношении первое предложение ССЦ характеризуется тем, что оно начинает изложение новой микротемы;
- состав первых предложений ССЦ характеризуется не только наличием полных наименований и отсутствием слов-заместителей, но и наличием в начале первого предложения нового ССЦ обстоятельства времени и места, а также слов, обозначающих количественные отношения.

В устной речи пограничными сигналами ССЦ выступают:

- и интонационная завершенность ССЦ сверхдолгой паузой,
- и высота тона в начале другого ССЦ,
- и нарушение преемственности темы.

Задание 2.

Прочитайте монографию И.Р. Гальперина «Текст как объект

лингвистического исследования». Как вы понимаете его утверждение: «Формально-структурные категории имеют содержательные характеристики. А содержательные категории выражены в структурных формах»? Назовите категории, относимые ученым к разряду текстообразующих.

Задание 3.

Охарактеризуйте каждую из категорий текста, придерживаясь плана, данного ниже. Для лучшего понимания теоретического материала постарайтесь найти текстообразующие категории в публикации «Приворот «леди Ю»: Юлия Тимошенко идёт ва-банк» Татьяны Нетреба (см.: «Текстовые материалы для анализа», текст 2.). Отметьте особенности проявления каждой текстовой категории в журналистском тексте.

1) Определите виды текстовой информации в концепции И.Р. Гальперина.

2) Покажите на текстовом материале отличие содержательно-фактуальной информации от содержательно-концептуальной и подтекстовой; отличие содержательно-концептуальной информации от содержательно-подтекстовой.

3) Охарактеризуйте категорию модальности. Определите, в чем суть понятий «фразовая модальность» и «текстовая модальность», «объективная модальность» и «субъективная модальность». Отметьте средства выражения модальных значений.

4) Назовите базовые составляющие временного и пространственного континуума.

5) Истолюйте понятия «ретроспекция» и «проспекция»; опишите, каковы средства выражения данных феноменов в тексте.

6) Выделите виды членения текстов в концепции И.Р. Гальперина.

7) Изучите основные виды автосемантизации отрезков текста.

8) Рассмотрите, как И.Р. Гальперин описывает категорию связности, что он понимает под термином «когезия».

9) Охарактеризуйте категории интеграции и завершенности. В чем, по мнению И.Р. Гальперина, состоит сходство и различие понятий «интеграция» и «завершенность».

Список литературы

1. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М., Екатеринбург, 2004. – С. 34 – 39.

2. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н.С. Болотнова. – Томск, 2006. – С. 229 – 240.

3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М., 1981.

4. Чурилина, Л.Н. Лингвистика текста: учебно-методический комплекс / Л.Н. Чурилина. – Магнитогорск, 2007. – С. 47 – 70.

5. Шевченко, Н.В. Основы лингвистики текста / Н.В. Шевченко. – М., 2003.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ № 7-9

Особенности анализа текстовых категорий. Текстовая категория информативности

План

1. Категория информативности.
2. Особенности анализа категории информативности.

Задание 1.

В настоящее время в связи с изучением способов воплощения содержательно-фактуальной информации в тексте начинает разрабатываться денотативный подход, который нацелен на выявление отображенного в тексте объективного мира. Познакомьтесь с приведенным ниже теоретическим материалом, касающимся особенностей денотативного подхода к анализу СФИ в тексте.

Способы воплощения содержательно-фактуальной информации.

По мнению ученых, содержательно-фактуальную информацию можно выделить и изучить при помощи денотативного анализа. (*Денотат* – это объект действительности, знания о котором выражаются различными языковыми и речевыми единицами, в том числе и текстом.) Данный анализ предполагает, что в любом тексте СФИ воплощена в «глобальной» (для данного текста) ситуации. Сигналом этой «глобальной ситуации» служит слово или словосочетание, именуемое денотат текста и содержащееся в лиде, первом абзаце или заголовке текста. В большом по объему тексте глобальная ситуация распадается на несколько макроситуаций, каждая из которых содержит некое знание о событиях и их героях, иными словами – макропропозицию (*пропозиция* – часть содержания высказывания, непосредственно связанная с описываемым положением дел и отвечающая за истинность и ложность высказывания). Детализация ситуации может идти и далее и быть воплощенной в микроситуациях и микропропозициях. Установление характера и значимости микроситуаций с микропропозициями для макроситуаций с макропропозициями, а также макроситуаций с макропропозициями для глобальной ситуации способствует пониманию содержательно-фактуальной информации, отраженной в тексте.

Графически СФИ текста можно изобразить следующим образом. Условные обозначения: макроситуация – МаКС, макропропозиция – МаКП.

План денотативного анализа

1. Найти сигнал глобальной ситуации текста, его местонахождение и характер, эффект для всего текста.
2. Выделить макроситуации.
3. В каждой макроситуации выделить макропропозиции, которые содержат некие знания (информацию) о макроситуации. Определить характер и значимость каждой макропропозиции.
4. Определить, возможно ли существование микроситуаций и микропропозиций. Способ их реализации в тексте и значение для макроситуаций и макропропозиций.
5. Определить, каким образом все ситуации и пропозиции связаны между собой, и чем они являются для денотативного пространства текста.

Образец денотативного анализа

Вера Рыклина, Варвара Бабицкая «Из ряда вон выходящие» («Русский Newsweek». – 30 апреля-13 мая 2007. – №18.)

Те, для кого обычные модные бутики чересчур гламурны, ходят в «концептуальные магазины». А те, для кого и они – гламур, ищут для себя «антиконцептуальные».

Мимо заводской проходной по небольшому двору, по бетонному пандусу под мрачные кирпичные своды – открываете дверь и попадаете в помещение, которое грозит стать самым модным местом сезона. Внутри – голая кирпичная кладка, стеклянные стены, металлические стеллажи с тетрадиками в кожаных переплетах и шкаф, обитый плюшем. Это не клуб, не кафе и не подпольная библиотека – это новый бутик для особо продвинутых модников.

Sara & Co – один из немногих российских «концептуальных магазинов», называемых на Западе concept stores и недавно появившихся у нас. Концепция не столько в особом дизайне, сколько в необычности услуг, которые предлагают своим клиентам подобные бутики. Концептуальные магазины продают не просто вещи, они продают целый образ: наряду с одеждой здесь можно найти музыку, фильмы, альбомы с фотографиями, косметику, вино, кофе и даже мебель. Все неординарное и очень редкое – большая часть ассортимента «умных магазинов», эксклюзив, которого больше нет нигде в Москве.

«За тем, что мы продаем, стоит какая-то общая философия, – рассказывает хозяйка Sara & Co Розалия Каменева. – Мы хотим быть таким cultural fashion club («культурный клуб моды». – Newsweek). Люди приходят

сюда за определенным советом». И советы получают – продавцы готовы общаться с вами часами, пока не подберут по вашему вкусу уникальное платье Chanel из коллекции 60-х годов, а к нему туфельки от какого-нибудь неведомого австралийского модельера, «непопсовые» духи, дизайнерские ароматизированные свечи и несколько дисков для соответствующего настроения.

Concept stores появились на Западе около 10 лет назад: в феврале 1997 г. первый бутик подобного толка, Colette, открылся в Париже. Именно тут придумали брать покупателя разномастным эксклюзивом – это было единственное место, где одновременно продавались необычные украшения от Prada, кроссовки от Nike, выпущенные ограниченным тиражом, мебель дизайнера Рона Арада и, скажем, интеллектуальные книжные новинки.

Colette почти сразу стал меккой для модниц со всего мира, сюда до сих пор приезжают из Голливуда, Лондона и даже Милана. Сейчас в одном только Париже около 80 концептуальных магазинов.

По словам Андрея Бурматикова, директора консалтинговых программ Fashion Consulting Group, появление таких бутиков – в рамках развития модной индустрии. «Сейчас основным направлением розничного бизнеса является так называемый *retainment* – от двух слов: *retail* и *entertainment* (розничная продажа и развлечение. – *Newsweek*), – говорит он. – Для покупателей среднего класса это выражается, прежде всего, в развитии гипермаркетов и мегамоллов, где очень много не только магазинов, но и фастфудов, ресторанов, развлекательных центров». Здесь не просто занимаются шопингом, здесь проводят свободное время, уверен Бурматиков. Но ведь покупатели эксклюзива не ездят в «Мегу» или «Атриум», поэтому продавцам товара класса люкс пришлось искать свои способы привлечения и развлечения клиентов.

Концептуальный маркетинг сродни концептуальному искусству – интересно, местами привлекательно и очень дорого. Недаром бутик Cara & Co расположился в здании новоиспеченного центра современного искусства – «Винзавода».

«И это тоже работает на концепцию, – уверена дизайнер Екатерина Гомиашвили. – Галереи вокруг, интерьер, аксессуары, музыка – все очень соответствует, и понятно, почему эту одежду нельзя больше нигде купить». По словам модельера, хоть магазин и открыли всего пару недель назад, ее смело можно записывать в постоянные покупатели: «Он имеет свое лицо, а для Москвы это такая редкость».

Concept stores в столице раз-два и обчелся. Первый и самый главный появившийся у нас бутик – LeForm. Сразу назвав себя концептуальным, он действительно стал таковым только через 6 лет после открытия. С 1997-го и вплоть до 2003 г. там просто продавалась одежда не самых раскрученных дизайнеров: бельгийцев Дирка Биккемберга и Анн Демельмейстер, японцев Джуния Ватанабе, Йошики Хишинума и австралийца Хельмута Ланга. Постепенно в ассортименте LeForm стали появляться всевозможные аксессуары и обувь, а в 2003 г. в бутике открылось два дополнительных зала – теперь тут можно найти еще и аксессуары для дома, парфюмерию и забавные

сувениры-подарки. Правда, к 2003 г. одежда уже перестала быть эксклюзивной, да и дизайнеры приелись столичной богеме, так что успеха Colette LeForm так и не видел.

Среди нескольких бутиков, претендовавших на звание концептуальных, – «Гардероб», рядом с витринами, которого расположился уютный бар и магазинчик английской органической пищи. Но все они, как и LeForm, страдают тем, что их одежду никак нельзя назвать эксклюзивной: Galiano, Paul Smith, Barbara Vui, Gaetano Navarra давно можно купить и в других местах.

По мнению Розалии Каменевой из Cara & Co, до последнего времени в Москве существовал только масс-маркет люксовых марок: одни и те же марки, более-менее похожие модели. Для concept stores это невозможно: например, в самом известном парижском парфюмерном бутике Parfumerie Generale представлено всего 35 брэндов со всего мира, но 90% из них можно увидеть только тут.

В концептуальные магазины приходят не за статусным ярлыком, а за вещью, способной, наоборот, подчеркнуть индивидуальность: если говорить про одежду – то за нестандартным кроем и оригинальной цветовой гаммой. Магазин «Траффик», появившийся в Москве в 2002 г., пожалуй, единственный, который в этом смысле действительно можно назвать concept stores. «Там концептуальная одежда концептуальных дизайнеров – та одежда, которая мне нравится, – говорит режиссер Дмитрий Месхиев, постоянный клиент «Траффика». – Она неординарная и негламурная. Таких магазинов мало, более того, в таких магазинах в основном одни и те же клиенты: люди, любящие именно такую одежду – нестандартную, не то, что носят все».

По словам Ирины Казаковой, владелицы «Траффика», когда какая-нибудь из их марок появляется в других местах, они даже идут на сокращение заказов и ищут новых, еще не раскрученных дизайнеров.

Постоянное обновление – одно из основных правил западных «концептуалистов». Такой же метод восприняли и появившиеся недавно «антиконцептуалисты»: они называют свои магазины партизанскими и провозглашают борьбу с излишней пафосностью и коммерциализацией concept stores. Предводителем «партизан» стала, дизайнер Рей Кавакубо, чьи вещи с успехом продаются и в наших бутиках. Она открыла магазины сразу в Берлине, Барселоне, Хельсинки, Сингапуре, Стокгольме, Любляне и Варшаве. Все они – на окраине города, со скромным оформлением и вещами из старых коллекций. По замыслу Кавакубо, такие магазины могут существовать только год: за это время концептуализм – или антиконцептуализм – перестает быть таковым.

Денотативный анализ текста

Заголовок «Из ряда вон выходящие», рассматриваемый в отрыве от текста, является семантически неопределенным, многозначным, поскольку отражает знания о некоем понятии, предмете или ситуации, отличных от других. Отсутствие конкретики создает эффект напряжения у читателя, эффект загадки, которую нужно разгадать. В то же время традиционный смысл этого выражения все-таки содержит в свернутом виде некоторые намеки на тип

изображаемой ситуации, в которой ожидается существование предмета, отличающегося от обычных норм.

Лид вносит уточнения в смысл, воплощенный в названии текста. Он содержит словосочетание *модные бутики*. Становится понятным, что речь пойдет и необычных модных магазинах. Данный смысл повторяется и в первом абзаце текста, который содержит словосочетание *модное место*. Выделенные словосочетания являются сигналом глобальной ситуации, отраженной в тексте. Взятые в совокупности, смыслы позволяют говорить, что фактуальная информация текста касается эксклюзивных магазинов модной одежды.

Выделим макроситуации. Все смыслы формируются вокруг двух понятий: *Concept stores* и *магазины «антиконцептуалистов»*. Соответственно, можно выделить две макроситуации: **«Концептуальные магазины»** и **«Антиконцептуальные магазины»**.

Рассмотрим каждую макроситуацию в отдельности.

Автор данного текста почти в каждом новом абзаце обогащает наши знания относительно деятельности существующих в России модных бутиков. Высказывания, отражающие авторские знания о макроситуации, описываемой в тексте, являются макропропозициями. В макроситуации **«концептуальные магазины»** таких макропропозиций три.

В первой макропропозиции содержатся знания о том, что *Concept stores* являются не просто магазинами модной одежды – они имеют собственную философию. На примере бутика *Cara & Co* журналист показывает, что концептуальные магазины продают целый образ и потому становятся соответствующими культурными клубами. Автор конкретизирует описываемую ситуацию цепочкой высказываний об истории появления *concept stores* на Западе.

Во второй макропропозиции можно узнать о том, что появление и распространение концептуальных магазинов на сегодняшний день является новым и выгодным направлением развития розничного бизнеса. Данная информация представлена в словах Андрея Бурматикова, директора консалтинговых программ *Fashion Consulting Group*, и Екатерины Гомиашвили.

Третья макропропозиция включает информацию о концептуальных магазинах Москвы: бутике *LeForm*, «Гардероб», «Траффик».

Все макропропозиции связаны логико-смысловыми отношениями. Каждая макропропозиция занимает важное место в тексте, так как с их помощью, мы получаем исчерпывающую информацию о «концептуальных магазинах».

Вторая макроситуация «антиконцептуальные магазины» содержит сведения о дизайнере и предводителе «партизан» Рей Кавакубо, которая первой открыла сеть «антиконцептуальных магазинов» в Европе. Здесь одна **макропропозиция**, которая включает знания о сути появления подобного рода магазинов.

Неравномерное соотношение макропропозиций в составе каждой макроситуации свидетельствует о том, что СФИ подана в тексте некорректно. Рассматриваемый в этом аспекте, текст характеризуется как дефектный.

Задание 2.

Попробуйте применить метод денотативного анализа к СФИ в тексте «Антикризисные меры» («Приложение к Коммерсанту». – 15 апреля 2009. – № 67.) (см.: «Текстовые материалы для анализа», текст 3.).

Задание 3.

Рассмотрите способы воплощения содержательно-подтекстовой информации, план контекстного анализа и образец контекстного анализа.

Способы воплощения содержательно-подтекстовой информации

СПИ представляет собой скрытую информацию, извлекаемую из СФИ благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения.

Обратимся к понятию «лексическая коннотация», которое большинством ученых трактуется как *объективированное словом отношение говорящего к обозначаемому*. На сегодняшний день это понятие является одним из наиболее диффузных в лингвистике. Тем не менее, постараемся охарактеризовать его.

В XX веке в лингвистике постепенно сложилась новая научная парадигма – антропоцентрическая. (*Парадигма – система взглядов на исследуемый объект.*) С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание своей деятельности в нем. Переключение интересов исследователей на изучение взаимодействия языка и личности обусловило поиск новых установок, целей, методик и т.д. Ученые разрабатывают новую модель лексического значения слова.

Лексическое значение представляется в виде системы концентрических кругов, где внутренний круг означает денотативное ядро, а следующий за ним – периферию денотата. Далее следует ряд концентрических кругов, содержащих прагматическую информацию о слове, – разнородный набор коннотаций (социальных, исторических, культурных, эмотивных и т.д.). Наиболее отдаленное от денотативного ядра место занимают семы индивидуальные, ситуативные и т.п., отражающие ассоциации некоторой части языкового коллектива и реализующиеся только при определенных обстоятельствах (к ним относятся в первую очередь идеологические прагматические компоненты). Таким образом, коннотация является частью прагматического компонента лексического значения слова.

Как появляются коннотации? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к понятиям «лингвистический контекст» и «экстралингвистический контекст». Лингвистический контекст сводится к определенным отрезкам речи. По словам И.А. Стернина, под влиянием контекстного окружения в значение слова могут «наводиться» различные новые смыслы. Например, в газетных публикациях слово *труд* является не только обозначением вида человеческой деятельности, но и несет в себе такие дополнительные смыслы, как «счастье», «благополучие», «богатство» и т.д., которые появляются в контекстах: *Счастье в труде; Вы должны знать, что все, что есть в жизни – эти прекрасные дворцы, театры – все это результат человеческого труда.*

Экстралингвистический контекст (его еще называют культурным контекстом), под который ученые подводят различные формы речевой ситуации, также активно влияет на лексическое значение слова. Благодаря ему, каждое слово накапливает и сохраняет знание об окружающем мире. Приведем пример влияния экстралингвистического контекста на значение слова. Прочитав газету «Магнитогорский рабочий»: *А теперь вот все это рушится. Люди часто сидят без дела. Простаивает дорогостоящее оборудование, автоматические линии. У нас нет заработка, естественно, падает дисциплина и настрой.* В высказывании слова *безделье*, *без дела* отражают экстралингвистическое явление «скрытой безработицы». Смысл ‘отсутствие деятельности’ актуализируется при помощи глаголов: *сидят*, *простаивает*. Труд как таковой перестает существовать. Ситуация ‘отсутствие деятельности’ провоцирует поведенческую трансформацию субъекта труда, который лишается своей основной функции – деятельности – и ее результатов (*нет заработка*). Контексты порождают отрицательные прагматические смыслы, сводимые к понятию «кризис».

Рассмотрим, каким образом можно выявить коннотации.

План контекстного анализа

1. Проанализировать лингвистический контекст и выделить возможные коннотации. Для этого надо придерживаться следующего правила: у слова X есть значение, которое дает возможность однозначно идентифицировать слово X и только его в словаре, все другие признаки, ассоциируемые с этим словом, будут его коннотациями.

Например: лексическое значение слова *тёща* – «мать жены». В речи различные контексты могут актуализировать смыслы: «длинный язык», «вредность» и т.д. В качестве примера можно вспомнить многочисленные анекдоты о теще. Эти актуальные смыслы и будут являться коннотациями.

Примечание: одним из свойств коннотаций является их трудноописуемость в четких логических понятиях, поэтому при выделении и описании коннотаций необходимо пользоваться толковыми, энциклопедическими, фразеологическими и др. словарями.

2. На основе совокупности выявленных коннотаций сделать вывод о содержании подтекстовой информации.

Образец контекстного анализа

Отрывок из интервью с Д. Рогозиным в газете «За Родину. Магнитогорск». – ноябрь. – 2004: – *Недавно в одном из своих интервью вице-спикер Государственной думы от «Единой России» Любовь Слиска посоветовала «родинцам» быть поделикатнее и высказалась в том смысле, что партию «Родина» можно размазать как «блин по сковородке»... – Жаль, что Люба так сказала, а то может сложиться впечатление, что у нас страной управляют кухарки.*

Используемое в тексте слово *кухарка*, имеющее значение *прислуга на кухне, готовящая пищу* (Ожегов), в словаре сопровождается пометой *разг.*

Минимальный контекст отсылает к прецедентному высказыванию: *В СССР каждая кухарка может управлять государством*. Широкий культурный контекст определяется процессом деидеологизации, который привел к переоценке советской системы ценностей, в результате чего изначально несущее безусловно положительную коннотацию утверждение В.И. Ленина получает отрицательную идеологическую оценку. Таким образом, в данном контексте помимо исконной сниженной стилистической окраски слово *кухарка* обретает отрицательную идеологическую, что позволяет отнести его к разряду инвективной лексики, а высказывание в целом – к оскорбительным.

Попробуйте выявить содержание СПИ в тексте В. Костикова «Дурак на стройке капитализма. Кто навязывает россиянам образ Ивана-дурака?» («АиФ». – 19 ноября 2008.) (см.: «Текстовые материалы для анализа», текст 4).

Задание 5.

Прочитайте о том, как воплощается в тексте содержательно-концептуальная информация. Познакомьтесь со способами ее анализа.

Способы воплощения содержательно-концептуальной информации

СКИ связана с отражением в тексте индивидуально-авторского видения отношений между явлениями. Различие между СФИ и СКИ можно представить себе как соотношение информации бытийного характера и информации эстетико-художественного характера, причем под бытийным следует понимать не только действительность реальную, но и воображаемую.

СКИ извлекается на основании восприятия всего текста и представляет собой творческое (субъективное) переосмысление указанных отношений, фактов, событий, процессов, происходящих в обществе.

Таким образом, одно из различий между СПИ и СКИ состоит в том, что СПИ вычленяется из предложения или высказывания, а понятие СКИ приложимо лишь к целому тексту в его завершенности.

Для декодирования СКИ требуется мыслительная работа. СКИ вычленяется при помощи когнитивного анализа.

План когнитивного анализа

1. Проанализировать заголовок, лид, первое предложение текста и выделить ключевые слова (*ключевое слово – это слово или словосочетание, которое несет основную смысловую нагрузку*). Прочитать весь текст и определить самые частотные слова. Они также будут являться ключевыми.

2. На основе обобщения смыслов ключевых слов сформулировать главную мысль текста.

3. Проанализировать главную мысль и выявить, какой приоритетный концепт лежит в ее основе.

4. Определить через какой смысл (интерпретирующий компонент) приоритетный концепт можно связать с главной мыслью и ключевыми словами. Данный интерпретирующий компонент будет являться концептом

текста, иными словами, воплощением мотива, намерений автора, приведших к порождению текста. Концепт будет отражать СКИ текста.

Образец когнитивного анализа *Двенадцать учеников отца Евгения*

С недавнего времени в Славгороде действует воскресная школа при Свято-Никольском храме. Ее посещают 12 мальчиков – учеников отца Евгения.

Они приходят сюда каждое воскресенье, хотя так много соблазнов в выходной день. Но 12 мальчиков идут к храму, к отцу Евгению, и в своих тетрадках старательно выводят азбуку церковнославянского языка, изучают книги Ветхого Завета. А впереди их ждет свет Евангелия – учения Спасителя нашего Иисуса Христа. И они уже понимают, что «не мы смотрим на икону, а икона на нас». В храм они ходят по собственному желанию, никто не принуждает их. На богослужении стоят у иконы Иисуса Христа – обычные мальчики, мало чем отличающиеся от своих сверстников.

Но что все-таки влечет их сюда, в воскресную школу? Ответ, кажется, прост: здесь их любят. Здесь отец Евгений говорит с ними на равных о том, о чем мы, издерганные суетой будней, не находим ни времени, ни настроения сказать своим детям: о Добре и Зле, о том, что гораздо ценнее всей цветной мишуры в витринах коммерческих магазинов, так притягивающих наших, в сущности, потерянных, детей, мечтающих о жвачке с цветной вкладкой...

У одного из учеников воскресной школы я был дома. У него на книжной полке стоит икона, под ней свечечка, а сбоку на стене плакаты – «Троица» Андрея Рублева и портреты «Битлз». У Ромы (так зовут этого мальчика) какие-то светлые глаза и доброе сердце. Отец его сетует: парень совсем не умеет драться, хотя физически развит – занимается баскетболом, а вот ударить человека не может...

И я знаю: ему будет трудно в этом мире, когда насилие, бездуховность неумолимо движется к своему апогею, который психологи предрекают лет через десять. Но я также знаю, что вырастет он настоящим Человеком, и сможет за себя постоять, неся «свой крест» с достоинством, до конца, как нес его почти две тысячи лет тому назад Христос. Потому что зерно, зароненное в детскую душу, прорастет.

Ключевыми словами текста являются следующие слова: *12 мальчиков, воскресная школа, отец Евгений, Рома, учение Иисуса Христа, настоящий Человек*. (Примечание: выделение ключевых слов носит субъективный характер, поэтому список слов одного реципиента может немного отличаться от списка другого реципиента). Объединив смыслы этих слов, можно сформулировать главную мысль текста: *«Двенадцать мальчиков посещают воскресную школу. Все они ученики отца Евгения. Среди них есть и Рома, который благодаря учению Иисуса Христа, Евангелию вырастет настоящим Человеком»*. В этом высказывании присутствует несколько концептов («воскресная школа», «учение Иисуса Христа», «Евангелие»), но приоритетным будет концепт «Учение Иисуса Христа». Он связан с главной мыслью и

ключевыми словами через интерпретирующий компонент «настоящий человек», который является концептом этого текста и воплощает мотив, намерения автора, приведших к порождению текста. Таким образом, концепт «настоящий человек» составляет содержание текста.

Задание 6.

Согласно плану когнитивного анализа проанализируйте публикацию «Никто из министров не упал» («Независимая газета». – 2 ноября 2009. – Алкей.) (см.: «Текстовые материалы для анализа», текст 5.) и определите СКИ текста.

Задание 7.

На материале текста А. Ковалевского «Шпион, вернувшийся с голода» («Русский Newsweek». – 23-29 октября 2006. – №41. (119)) (см.: «Текстовые материалы для анализа», текст 6.) постарайтесь описать категорию информативности (СФИ, СПИ, СКИ).

Список литературы

1. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М., Екатеринбург, 2004. – С. 95 – 255.
2. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М., 1981.
3. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж, 1985.
4. Чернышова, Т.В. Лингвокогнитивные структуры, обеспечивающие взаимодействие автора и адресата в сфере СМИ / Т.В. Чернышова. // Человек – коммуникация – текст: Сб. статей, вып. 6. / под ред. А.А. Чувакина – Барнаул, 2004.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ № 10-11

Особенности анализа текстовых категорий. Текстовая категория модальности

План

3. Категория модальности и средства ее выражения.
4. Анализ текстообразующего потенциала модальности как категории текста.

Задание 1.

Рассмотрите определение модальности как лингвистической категории. Какие виды модальности на основании данной дефиниции можно выделить?

Модальность – функционально-семантическая категория, выражающая различные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого (ЛЭС).

Задание 2.

Прочитайте в хрестоматии главы из «Русской грамматики – 80» (см.: «Хрестоматия», № 7.). Какие средства формирования и выражения субъективно-модальных значений выделяются в данной работе?

Задание 3.

Рассмотрите таблицы «Разряды частиц по функциям» и «Разряды междометий по семантическим функциям» из учебного пособия «Современный русский язык в таблицах и схемах» (см.: «Хрестоматия», № 8, 9). Скажите, какие смысловые, модальные и эмоционально-экспрессивные оттенки значения могут придавать эти языковые единицы словам, частям предложения и всему высказыванию?

Задание 4.

К исследованию модальности как специфической текстовой категории обращаются А.Н. Баранов, Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский, Ю.А. Сафонова. В данном случае их интересует анализ текста в рамках лингвистической экспертизы в судебной сфере (юрислингвистика).

Теоретическое значение имеет выдвигаемое А.Н. Барановым предположение о существовании в тексте «правил наследования модальностей». Речь идет о «взаимодействии модальностей предложения» и влиянии «модальности текста (фрагмента текста) на модальность входящих в него речевых высказываний». Высказывание в случае отсутствия выражения Я СЧИТАЮ, Я ДУМАЮ, Я СПРАШИВАЮ и под. наследует модальный статус более крупного фрагмента текста (например, заголовка). А.Н. Баранов иллюстрирует это анализом заголовка «Вторая легенда про любовь»: «Слово *легенда*, представленное в заголовке фрагмента, указывает на то, что далее идет текст, представляющий не утверждения, а предположения автора. Действительно, слово *легенда* в СРЯ имеет значение «вымышленный, приукрашенный рассказ о ком-, чем-л.». Таким образом, называя повествование легендой, журналист снимает с себя ответственность за ее достоверность, соответствие текста действительности».

Изучите материалы информационного спора по очерку «Черная вдова» (см.: «Хрестоматия», № 10.). Рассмотрите, как знание специфики категории модальности помогает проводить лингвистическую экспертизу. Помните, что применительно к анализу модальности публицистического текста надо говорить о рассмотрении:

1. Рубрики.
2. Заголовка.
3. Лида.
4. Собственно текста публикации:
  - 1) Лексического уровня.
  - 2) Морфологического уровня.

- А) частиц
- Б) междометий
- В) модальных слов
- 3) Синтаксического уровня
- А) специальных синтаксических конструкций
- Б) повторений слов
- В) словопорядка
- 4) Стилистического уровня.
- 5) Интонационного уровня.
- 6) Уровня выразительности текста (тропы и фигуры)

Задание 5.

Проанализируйте текстообразующий потенциал категории модальности в тексте «Листопадник: удушение родного», газета «Советская Россия» и высказываниях А. Гордона из передачи «Хмурое утро» (Радиостанция «Серебряный дождь») (см.: «Текстовые материалы для анализа», тексты 7,8.).

Список литературы

1. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика / А.Н. Баранов. – М., 2007.
2. Материалы информационного спора по очерку «Черная вдова». – www.rusexpert.ru.
3. Русская грамматика. – М., 1980. – С. 214-231.
4. Современный русский язык в таблицах и схемах. Ч. 3. Учеб. пособие / Р.С. Астрина, А.М. Дмитриева, Л.Г. Коротаева и др. – М., 1985. – С. 231 – 244.
5. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. М.В. Горбаневского. – М., 2002.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ № 12-13

Разграничение устных и письменных текстов как специфическая лингвистическая проблема

План

1. Типы организации речи в зоне разговорного общения.
2. Текстовый статус устного диалога.

В современной лингвистике сосуществуют две точки зрения на природу устной речи.

1. Если понимать текст как сознательно организованную речь, то большинство фактов письменной речи являются текстами (исключение – плохо организованные из-за недостаточного уровня культуры тексты малообразованных людей, т.е. речевые факты, находящиеся за пределами литературного языка; сюда могут быть отнесены и фрагменты речи

образованных людей, находящихся в особом физическом или психо-эмоциональном состоянии, снижающем уровень контролируемости речевого поведения, имеется в виду, например, невозможность организации письма из-за волнения и т.д.). С этой точки зрения, продукт акта устной коммуникации, в котором участвуют минимум двое, заведомо оказывается за пределами текста.

2. В последнее время ученые все чаще отказываются от жесткого разграничения продуктов письменной и устной речи как текстов и нетекстов. Утверждается, что **текст – это реальная реализация речевого замысла**. Такое понимание текста позволяет относить к тексту и факты разговорной речи. В настоящее время активно разрабатываются классификации устных текстов. С одной из них мы предлагаем ознакомиться в Задании 1.

Задание 1.

Рассмотрите типы устных текстов. Иллюстрируйте данную классификацию своими примерами.

1.Тексты, обладающие всеми признаками текстовой структуры. Это рассказы, неоднократно повторенные рассказчиками и потому уже отработанные с точки зрения их организации. У таких текстов есть заголовок (*Расскажу о..., Этот случай можно было бы назвать...и т.д.*), есть развитие темы, связи между отдельными частями рассказа, завершение рассказа. В устной коммуникации подобных текстов сравнительно немного, но они есть. В отличие от "стандартных" текстов для коммуникативных ситуаций подобного типа характерны отступления от основной линии рассказа с последующим возвратом к ней.

В качестве примера предлагаем вашему вниманию рассказ ветерана.

– *Дело в том, что во время отступления наших войск приходилось, конечно, часто менять штаб-квартиру и армейские газеты. И вот по пути (дело было на Украине) к нам присоединились в редакцию несколько человек (дается их характеристика). – **Что это, он оказался украинским поэтом, да?** – Нет, он не сказал, но наши товарищи некоторые с Украины говорили, что он как будто был поэт. Ну вот, когда мы переезжали с места на место (продолжается рассказ о его торбе, в которой было несколько караваев хлеба, а из розыгрыша их заменили телефонным аппаратом системы Эриксон.) – **Что большой что ли очень?** – Ну деревянный такой ящик, и в нижней части такое углубление сделали, чтобы вставлять туда батареи, приблизительно весом на килограмм. Общей сложностью этот аппарат весил, видимо, килограмм 10. – **Солидный вес.** – И вот решили вместо этих 3 буханок хлеба, больших караваев вот этих, сунуть этот аппарат (рассказ как завернули его в белье и сунули в торбу). Только мы успели сделать это, вбегает начальник издательства: «Ребята! По машинам, едем». Ну мы схватились за свои вещички. В это время вбегает – **ваш поэт** – с полузастегнутыми пуговицами наш поэт, на ходу застегивается, хватает свой мешок и натягивает на себя, и айда. Все, значит, мы в машину сели и едем. Ну по пути ни о чем не говорили, полагая, что все-таки, когда вернемся на новое место – **Выясните, если***

переедете на новое место, да? – Да переждем на новое место, видимо, ужинать уже будем, и он заглянет в свой мешок и догадается (рассказ о том, как они ехали, разместились). Ну наш поэт, но так как мы отходили, и с питанием было неплохо – С питанием? – С питанием было неплохо, мы устроились на окраине деревни, поужинали, смотрим, наш поэт до своей торбы не дотрагивается (рассказ продолжается и снова прерывается репликами и вопросами – всего 14 раз, но рассказ не отклоняется от своего плана и заканчивается). В этой шутке можно видеть, что люди, так сказать, остаются людьми и не прочь иногда пошутить".

2. «Оборванные» тексты.

Это тексты первого типа, но в процессе конкретной реализации по каким-либо причинам не завершены: причиной может стать появление нового участника ситуации, увлекшего разговор в сторону от рассказа или вызвавшего переход к новой теме (нежелательность продолжения рассказа при новом слушателе и под.); причиной может оказаться и факт истечения времени (*Ой, я уже опаздываю*) либо другие внешние причины. Можно предполагать, что в случае иной схемы развития событий, текст был бы благополучно завершен. Таких текстов тоже не очень много, но все же они встречаются чаще завершенных.

3. Текстойды (термин предложен И.А. Стерниним).

Текстойд имеет много общего с текстами двух рассмотренных типов, обладая при этом рядом отличительных особенностей:

- 1) текстойды не имеют строгого членения на части,
- 2) они принципиально не завершены (рассказчик переходит от одного впечатления к другому без выделения этого перехода),
- 3) они более спонтанны в плане композиции и в построении каждой фразы, чем тексты,
- 4) в них более активна роль слушателя и рассказчика, который регулярно обращается с какими-то вопросами к слушателю, учитывает в своем рассказе и его ответы, и его мимику, жесты.
- 5) для текстойда характерны ассоциативные вставки и перескоки с одной темы на другую; роль объединяющего начала выполняет только речевой замысел "поделиться какими-то впечатлениями". (В сущности, это калейдоскоп разных тем, логически никак не связанных друг с другом.)

Например, рассказ профессора-лингвиста о Владивостоке: сначала речь идет о деловой части поездки (лекции, проверки), затем рассказчик незаметно переходит к впечатлениям от моря, к жалобам на плохой сон из-за разницы во времени, вспоминает поездку в Находку и встречу на обратном пути с тигром, затем говорит о впечатлениях о самом Владивостоке, его климате, магазинах, гостинице, буфете, поездке в порт и т.д. Текст продолжается словами:

Я уже читала не знаю в очень многих городах Союза// Через общество "Знание"// И в Ярославле в Калинин/ ... и-и-и в Рязани и-и где-то уж я не помню/ последний мой выезд был такой по Дальнему Востоку// Владивосток

Находка// Год назад// Год назад я ездила/ и тут ну там очень после того как я серьезно вспомнила Горбачева/ когда Горбачев побывал во Владивостоке/ и после этого приковалось внимание к Владивостоку/ и ко всему Приморскому краю// И вот ээ группа выехала туда проводить семинар лекторов Приморского края (рассказ о составе группы, о том, где именно читались лекции) Значит там мы тоже читали все лекции/ очень хорошая аудитория там прекрасно просто// Ну и было просто еще очень много всякого интересного/ если надо я расскажу// Значит ээ ну во-первых я-а ээ уже дочке там говорила/ потому что я пока м-м в шестом классе слышала такие слова/ как бухта "Золотой рог"/ и-и (смеется) Японское море и так далее// А тут я открывала у меня гостиница стояла на берегу этого залива /во Владивостоке/ и-и поскольку время очень сильно отличалось от Саратовского/ потому я плохо спала никак не могла сначала там приспособиться день и ночь перепутала/ и вот я ночью вставала открывала шторы/ у себя в номере и видела сове-е-рше-нно необыкновенную бухту/ там», цвет это же океан/ там совсем другой цвет воды// Вам не приходилось бывать на океанических/ были да?// Там наверно тоже цвет воды/ другой чем у моря// А там вы знаете какой-то густо-фиолетовый цвет/ какой-то темно-темно-синий и фиолетовым отливом// Необыкновенно/ и притом то бухта/ она живая круглые сутки// вся это светится все это в огнях/ очень красиво// Ну а потом значит када мы ехали в Находку/ то-о... ну во-первых такие яркие впечатления мы останавливались на берегу уже непосредственно Японского моря/ то есть открытого водоема/ а не просто бухты/ и там собирали ракушки/ я привезла домой вот такие вот (показывает) ракушки/ значит на берегу мы собирали// А потом/ это мы на пути туда/ а оттуда м-м нам повстречался тигр//... Это было замечательно потому что мы ехали/ У нас была "Волга" полная/ мы полную "Волгу" набили народу/ и увидели как голосует солдатик// Ну уже темнело/ было уже где-то восемь вечера/ и взять его естественно не могли/ и мы поехали// И вдруг навстречу... А я сидела на первом сиденье/ и как-то все уже потом надо мной смеялись/ потому что я очень спокойно сказала тигр// значит рысцой по э... обочине шоссе ид... идет тигр// Большой настоящий тигр// И мы страшно всполошились/ потому что мы не проехали далее километра оттого места/ где тот мальчик голосовал// Значит страшно всполошились/ оста... начали останавливать встречные машины и просить чтобы они этого мальчика как-то забрали или предупредили/ что-о идет тигр// Ну потом мы заехали на КаПэ/ тоже сказали что на таком-то километре тигр идет/ они не за... мы-то так это потом ехали во Владивосток/ думали что мы щас приедем/ и скажем ах-ах-ах/ все мы видели тигра// Они нет/ они отнеслись к этому необычно спокойно (рассказ о том, как тигры заходят в город) Где еще увидишь кроме как ха-ха-ха в зоопарке/ а тут живой тигр// А мои аспиранты мне написали такие стихи на Новый год/ что я вот перед прошлым новым годом/ что вот мне очень повезло/ что я вот в год тигра встретила живого тигра// И тигр есть в значке м-м Владивостокском// Но я к сожалению значок не смогла достать// это очень трудно// Ну так вообще ээ необыкновенный город// Жить бы я там не смогла//

Во-первых очень сложный климат (рассказ о постоянных переменах погоды) просто очень тяжелый климат// И потом сопки (рассказ о расположении улиц Владивостока) Сопка такой же город// Вот// Но вот сама география/ океан/ потом значит что мы еще там видели? Ну-у условия жизни там очень хорошие// Вот магазины такие хорошие/ продуктовые в основном// Рыбы вообще (рассказ переходит на рыбные блюда, запеченные ракушки и т.д., ресторан, магазин "Дары тайги") там грибы морошка// ну то есть совсем как в другом мире// Еще было ужасно смешно/ потому что м-м что-то такое речь зашла о Ленинграде/ что это та-ак далеко// Это так далеко// Мы считали что они далеко/ оказывается-то как раз недалеко// Вообще они говорят мы-то в центре живем (идет речь о географических представлениях) Там жары никакой не было/ был октябрь/ поэтому там никакой наоборот там были дни очень пронизывающих таких ветров/ неприятных/ вот// Влажность там еще// Ну была еще интересная экскурсия/ нас возили совсем уж в такую погранзону //

Этими словами текст не заканчивается. Автор рассказывает о Находке, о порте с современным управлением, водителе такси, ресторане-паруснике на вершине сопки, дороге во Владивосток, автобусах в Домодедово, поездке в Мексику, зарубежных аэропортах, самолетах, мексиканках, поездке в Швецию, врачах, защите аспирантки, опять о Стокгольме, аэропортах, самолетах, гидах, полиглотах, шведских гимназиях, о дочери, о том, как стала филологом, преподавателях, диалектологических экспедициях, своей докторской диссертации, оппонентах.

4. Тексты-разговоры (термин Н.А. Купиной)

Они никак не соотносятся со стандартными текстами прежде всего по причине разносубъектности. В текстах-разговорах смена говорящий/слушающий происходит регулярно, и смена эта существенна для содержания текста-разговора.

Развитие темы в тексте-разговоре прослеживается с трудом; заголовок, даже если подходить к пониманию этой части текста с очень широких позиций (типа: *поговорим о...*), чрезвычайно редок.

В качестве примера приведем текст-разговор студента-физика и студента-филолога:

А. Кстати, Мишка мне в "Соколе", когда, между прочим, мы были, да, так вот, Миша этот преподобный мне знаешь что рассказывал?

Б. Что?

А. Кое-что из Белля. Кайф.

Б. Из Белля или из Бабея?

А. Из Белля.

Б. А, ой, Белль?

А. Белль какой-то новый...

Б. Белль? Я не знаю...

А. А обозвал он это так: "Поезд приходит по расписанию" (продолжается разговор о Белле).

А. Не знаю, не знаю, но Мишке я верю.

Б. Бабеля он рассказывает, вот это да.

А. Бабеля?

Б. А ты не слышал никогда, как он читал? Бесподобно! Он его читает, а потом он воспроизводит, когда вот просто на память Бабеля, вот там король там, "Беня Крик" там, "Любка-казак" – вот эти вот из серии "Одесских рассказов", у него бесподобно получается. Я даже рассказывала как-то в трамвае, ко мне мужчина какой-то подходит и говорит: "Девушка, вы что, все на память знаете?" Я говорю "Да нет, я так просто слушала это". Я Ф. слушала, он рассказывал, вернее, читал,

А. А кому ты рассказывала?

Б. Галке Р. в трамвае. И наверное громко рассказывала. Мужик прислушивался, прислушивался, потом подошел и говорит, "Поражаюсь, феноменальная память", а я просто, меня так увлекло, интересно очень пишет. Причем это вот у меня томик избранного Бабеля, вот.

А. Дай Бабеля почитать, дай?

Б. Возьми, вот. А ты знаешь, где он?

А. Не знаю.

Б. Ну и не найдешь значит, я сама найду.

А. Ладно.

(продолжается разговор о рассказах Бабеля)

Б. Там бесподобно просто, ты знаешь, таким язычком написано, я ни разу ни у одного писателя не встречала такого языка: "У приказчиков сапоги скрипели, как ново... как рождественские поросята в мешке", можно такое сравнить! Да, "лицо стало зеленым, как зеленая трава". Представляешь! Знаешь, такие сочные вроде бы.

А. Вот-вот, у меня тоже, зеленым стало, когда она мне копьём в глаз. Веселая такая женщина. Да, знаешь, кайф такой, сижу в этой несчастной штучке, которая кабинетом называется, да, там лежит большая-большая банка, да еще вторая, да.

Б. С глазами.

А. Нет, не с глазами, если бы. В одной налита какая-то жидкость, написано "Яд" и написано "Копья чистые", вторая банка – "Копья использованные", хорошо. В яде их что ли значит содержат? Я не знаю. Наверное спирт метиловый может быть. (продолжается разговор о метиловом и этиловом спирте) Все одно и то же. Зависит только от степени очищения. Ой, господи боже мой, завтра туда же. Ба!

Б. Сделают тебе операцию на глазик – будешь ты косым.

А. Прямо по анекдоту "Здрасьте, девочки"?

Б. Да.

А. Да, Татьяна, слушай, если к Мишке поехать, да?

Б. А куда именно?

А. В Киев. Мне там нужны штаны. Это реально? А если не ездить, там достанут? (продолжается разговор о штанах, затем переходит на работу почты, на желание поехать в Польшу, затем на мед, шоколад, на друзей, конфетные напитки, которые продают в кафе)

А. Как напъешься, как конфет наешься. Да, о конфетах, что это у Олега за странная мания к конфетам. Позлословим о Олеге.

Б. Ты знаешь...

А. Очень интересная тема.

(продолжается разговор об Олеге)

Б. Может быть и недостатки воспитания, кто знает.

А. Да, который час, кстати?

Б. Сейчас без пятнадцати двенадцать

А. Без пятнадцати двенадцать? Это мы с тобой так неслабо час проговорили? Да?

Б. Да, час.

А. Да, чтобы не забыть, ты все-таки посмотри Бабеля, Тань.

Б. А где Бабель-то у нас. Я его принесла ведь.

А. Мне читать нечего.

Б. Тебе нельзя читать.

А Татьяна, мне можно читать.

Б. Нет.

А. Мне нужно левый глаз тренировать. Дать организму одолеть, понимаешь. А я не знаю, я не могу без информации какой-то новой. Я газету день не прочту – это ужас.

Б. Хочешь, я тебе знаю что дам... Хочешь Жоржа Сименона почитать. Только завтра принесешь... (разговор переходит на романы Ж. Сименона)

Б. ...что-то двести, да. Плодовитый писатель.

А. Почитаем плодовитых. Ну все, ушел.

Задание 2.

Прочитайте приведенный ниже теоретический материал. Какие текстовые категории выделяют в устном диалоге? Выявите данные текстовые категории в «Разговоре матери мужа и матери жены, оставшихся в комнате после семейного обеда и затеявших разговор "по душам"» (см.: «Текстовые материалы для анализа», текст 9.).

Диалог признается текстом, когда в нем есть тематическое единство. (Например, публичная дискуссия на конкретную тему или тематически определенный устный бытовой диалог будут считаться текстами). Но при таком подходе практически каждый устный текст непринужденного характера, в норме имеющий тематическую разноплановость, политематичность, не будет считаться текстом. Чтобы доказать, что устные диалоги тоже являются текстами, ученые обратились к ключевому понятию **текст**.

При всех расхождениях, наблюдаемых в многочисленных определениях этого понятия, можно выделить общую идею: **текст как лингвистический феномен является продуктом целенаправленной речевой деятельности**. Он складывается как результат зависимости от конкретной цели общения, преследуемой участниками коммуникативного акта.

Увидеть конкретную цель общения в устном диалоге чрезвычайно трудно, так как целенаправленность действий речевого субъекта относительна: "Подлинные намерения говорящих оказываются зачастую нечеткими, не отграниченными друг от друга... Да и сам говорящий сплошь и рядом не отдает себе полностью отчета, какую именно цель он преследует своим высказыванием, зачем оно ему нужно, чего он им достигает. Двигаться к цели он может ощупью, плутая, перебирая по пути что-то лишнее, ненужное... Правда, благодаря автоматизму навыков речемыслительной деятельности, человек в конце концов без труда справляется с языковым воплощением нужных намерений" (А.А. Леонтьев).

Итак, разговорное речевое произведение характеризуется специфичностью цели по сравнению с каноническим письменным монологом. Всем известно, что в разговорной сфере коммуникативная функция языка преобладает над информативной. Поэтому цель можно обозначить как общение в целях положительного совместного психологического результата, в идеале – как общение ради удовольствия от общения. Разумеется, эта идеальная психологическая цель разговорного речевого общения осложнена в реальности множественностью иллюкативных намерений участников диалога.

Кроме того, эта цель не единственна. Разговорная речь погружена в повседневность, она в высокой степени деловита, практична, поэтому можно говорить и о наличии практической цели, определяемой человеческими потребностями в повседневной жизни. Эти две цели часто гармонично сосуществуют. Например, есть устные произведения, в которых практическая цель (узнать, проверить, предупредить и т.д.) достигается, а общение продолжается уже с психологической целью. Нередко разговор протекает бесцельно в практическом отношении, а практическая цель возникает как несущественная, случайная (*Да, забыл спросить...; Ты, кстати, не знаешь, как...*). Психологическая цель разговора не заменяется и не заслоняется практической.

Итак, сферой книжно-письменных функциональных стилей речи культивируется интеллектуальный замысел, результатом которого является "высказывание, выражающее мысль только ради нее самой". Это не свойственно устному диалогу. Ему свойствен авторский замысел с психологической (эмоционально-волевой) доминантой и замысел с социально-практической доминантой, а точнее, их сочетанием под главенством психологической цели.

Яркой чертой, отличающей устные речевые произведения от текстов в традиционном понимании, является их тематическая специфика. Дело в том, что устные диалоги в большинстве своем политематичны. Как пишет Е.Н. Ширяев: «...перебивая друг друга, развивается несколько, хотя и взаимосвязанных, но все же достаточно самостоятельных тем». Однако, такая тематическая разноплановость, по мнению ученых, еще не говорит о том, что в устном произведении нет текстообразующей категории темы, которая является одним из важнейших содержательных компонентов текста.

В устном диалоге тематическая специфика представлена объективной тематикой и субъективной тематикой. Объективная тематика – это предметное содержание (как и в любом произведении). Субъективная тематика (Я-тематика) отражает личность и ее оценочную позицию.

Выделить Я-тематику диалога возможно через нахождение тематических слов, представляющих тему на лексическом уровне. В состав тематических слов входят:

- 1) слова, обладающие максимальной смысловой значимостью;
- 2) слова, имеющие смысловую связь с другими словами текста, причем эта связь прослеживается уже при первом обращении к устному диалогу;
- 3) слова, встречающиеся в диалоге, как правило, более одного раза.

Тематические слова текста определяются путем пословного изучения линейной последовательности лексических единиц устного диалога.

Например: см. ниже (знаком <0> обозначены незанятые синтаксические позиции):

А. – Что к *вечеру* *готовить/понятия* не имею//

Б. – Не знаю//я и *подавно* не знаю//

А. – Так что *яиц* <0> что ли?//

Б. – Не знаю//

А. – *Поставь*<0> *яиц*//

Б. – Сейчас пойду *поставлю*<0><0> //

А. – *Поставь* <0><0>/*есть* ведь тоже /*хочешь*/ я так давно *хотела* <0>//

Б. – И я <0><0> //

А. – К *вечеру* если *пельменей* <0>/так мне некогда *возиться с ними*//

Б. – Да какие *пельмени*//

А. – У меня *фарш-то* *намолот*// я *вчера* *намолола фарш-то* //нет ничего *не сделаю сегодня*//

Б. – Ну что *делать*//

В группу тематической лексики входят слова: *вечер, готовить, яиц, поставь яиц, поставить* (2раза), *хотеть есть, пельмени, с ними, фарш, намолоть, намолола фарш, не сделать, возиться, вчера, сегодня.*

Тематические слова приведенного выше фрагмента находятся между собой в следующих отношениях (вертикали схемы – парадигматические связи, горизонтали – синтагматические):

возиться ----- пельмени + с ними

вечер ----- готовить

поставить -----яйца

вчера ----- намолоть -----фарш

сегодня ----- не сделать

Для фрагмента предметная тема – <приготовление ужина?> – <ужин?>.

Данный фрагмент называется **тематический фрагмент (ТФ)** диалога. ТФ – это участок, на протяжении которого некоторая частная предметная тема остается неизменной.

ТФ, как правило, в диалоге несколько. Безусловно, между этими фрагментами существует ассоциативная связь. Смена одного ТФ другим

осуществляется в соответствии с авторским замыслом (исчерпанность определенной темы, несогласие коммуникантов по какому-либо вопросу, уход одного из коммуникантов и т.д.).

Исследование диалогов показывает, что каждый тематический фрагмент, как правило, открывается фразой (далее – инициальная фраза), представляющей собой своеобразный тезис тематического фрагмента.

Для примера выделим лишь несколько инициальных фраз, сигнализирующих о начале нового ТФ, в диалоге студента-физика и студента-филолога (который был дан выше).

1. А. Кстати, Мишка мне в "Соколе", когда, между прочим, мы были, да, так вот, Миша этот преподобный мне знаешь что рассказывал? (ТФ – «о Мишке»).
2. А. Дай Бабеля почитать, дай? (ТФ – «о книге Бабеля»).
3. А. Вот-вот, у меня тоже, зеленым стало, когда она мне копьём в глаз. (ТФ – «о посещении поликлиники»).
4. А. В Киев. Мне там нужны штаны. (ТФ – «о штанах») и т.д.

Ученые считают, что с помощью инициальных фраз в разговорной речи осуществляется композиционное членение, формальное выражение которого заключается в том, что всякая предметная тема должна быть вербально задана в начале тематического фрагмента. Из инициальных фраз можно вычленить темы, которые складываются в тематическую цепочку. Тематическая цепочка – набор наименований, обозначений предмета речи, который может быть выделен в рамках всего текста либо в рамках его отдельной смысловой части. Именно тематические цепочки формируют содержание и структуру текста.

Например, в диалоге студента-физика и студента-филолога основных тем две: книги и больной глаз, – и обе находят свое завершение. Как развитие тем, так и переход к новой теме осуществляется то по воле одного, то по воле другого собеседника, оба они равно активны, но заканчивает диалог тот, кто его начал, а именно гость, речевой замысел которого оказался исчерпанным.

Итак, в диалогах нет единой предметной темы. Но отсутствие единой предметной темы не разрушает и не превращает его в простую механическую сумму разрозненных текстов, для каждого из которых существует своя отдельная предметная тема. Так как в качестве клея / скрепы служат Я-темы коммуникантов, связывающие предметные темы с личным опытом говорящих. Иллюстрируем положение следующими примерами.

1. В речи преподавателя музыки, 48 лет

Иду по коридору/...Я заглядываю в класс; Я говорю.../я говорю.../ я говорю.../ я сегодня сказала одной...; я сегодня с бухгалтером говорила; Ну я не знаю...; как... э... в школе... однажды я была... и у меня большой портфель (начало "Я-фрагмента") и т.п.;

2. В речи студентки медицинского института, 20 лет; *Я все деньги истрачу; не могу /подожди; я вообще балдею; а я умру/ я умру /дак/ блин/ А я хочу такую; че мне с ней делать;* и т.д.

3. В речи проходчика, 32 лет; *А у нас вообще ужас; короче я с Генкой ехал на работу...; вот в газете читал что...; а у меня скоро отпуск /домой поеду.*

4. В речи пенсионерки-колхозницы, 65 лет: *Я приехала в Свердловск...; мы жили.../ У нас ругани не было// Бывало идем...; квас возьмем...; А сколько у нас вишни было; и т.п.*

Как видно, единство устного текста поддерживается наличием особой тематической цепочки – тематической цепочки говорящего. Всякая предметная тема возникает неслучайно: говорящий выбирает именно те, которые различным образом связаны с его личным опытом, соотнося их с опытом и образом партнера. В создании диалогического речевого произведения принимают участие два коммуниканта, следовательно, в устном диалоге выделяются две Я-темы, взаимодействие которых и объединяет ТФ с разными предметными темами в единый диалог.

Таким образом, тематическая разноплановость предметного характера в устном диалоге компенсируется за счет второй тематической линии – "Я-тематики".

Еще одним аргументом в пользу текстового статуса устных произведений является утверждение ученых о том, что в устных текстах прослеживается присутствие категории текстового времени и пространства.

Категории текстового времени и пространства в устном диалоге строго определены ситуацией. Линия объективного времени (времени отражаемой реальности) является здесь основной, ее векторный нуль – момент речи. Пространственная структура разговорного диалога также отличается конкретностью и наличием постоянной пространственной точки – «я – здесь», которая дополняется координатой – «там»

Выведем координаты всего диалога: «я – здесь – сейчас» и дополнительно «я – там – тогда».

Обобщая сказанное, подчеркнем, что ученые причисляют к текстам устные диалоги, поскольку они характеризуются наличием категории авторского замысла, хотя и несколько специфичной, текстообразующей категории темы и категории текстового времени и пространства.

Разумеется, это иные тексты по сравнению с письменными монологами, что должно быть отражено терминологически. В противовес каноническому письменному тексту-монологу непринужденный диалог в устной форме может быть назван *неканоническим, нестандартным, наконец, разговорным* текстом.

Список литературы

1. Матвеева, Т.В. Непринужденный диалог как текст / Т.В. Матвеева. // Человек – текст – культура: Коллект. монография/ Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 125 – 140.

2. Матвеева, Т.В. Предметно-логическая тема как субъективно-модальное средство разговорного диалога / Т.В. Матвеева. // Русская

разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1996. – С. 167 – 180.

3. Сибирякова, И.Г. Стандарты тематического развертывания в разговорном диалоге / И.Г. Сибирякова. // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1996. – С. 115 – 135.

4. Сиротинина, О.Б. Тексты, текстойды, дискурсы в зоне разговорной речи / О.Б. Сиротинина. // Человек – текст – культура: Коллект. монография/ Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 105 – 124.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 14

Исследовательский инструментарий. Филологический анализ текста

План

1. Специфика филологического анализа текста.
2. Филологический анализ текста.

Задание 1.

Прочитайте отрывки из монографии Н.С. Болотновой, касающиеся методики филологического анализа текста. Скажите, в чем состоит особенность этого вида анализа?

Филологический анализ текста

Цель филологического анализа – показать через взаимную обусловленность формы и содержания текста и их соответствие замыслу автора, культурологический статус текста.

К основным особенностям *филологического анализа* текста можно отнести: *историзм, антропоцентричность, культурологическую направленность, комплексный, интегральный характер* (внимание к форме и содержанию текста в их взаимной обусловленности), *лексикоцентричность*.

В силу отмеченной специфики *филологический анализ* текста вбирает в себя *лингвистический и стилистический анализ*, а также *литературоведческий*, включая освещение культурно-исторических аспектов изучения текста. *Лингвистический анализ* текста составляет начальный этап филологического анализа. *Стилистический анализ* углубляет и дополняет лингвистический анализ текста, усиливая функциональный аспект рассмотрения *языковых средств* в системе текста на фоне стилистического узуса, т.е. принятых обществом закономерностей стилистического использования языковых единиц в рамках соответствующей сферы общения.

Стилистический анализ текста, предполагающий рассмотрение не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов в текстовой деятельности (сферы общения, ситуаций, типа мышления, адресата и т.д.), является промежуточным звеном, связывающим лингвистический анализ текста с литературоведческим. Для произведений нехудожественной

словесности стилистический анализ текста, дополненный культурно-исторической информацией о времени и обстоятельствах создания текста в проекции на историю общества и языка в его конкретной функционально-стилистической реализации, фактически приобретает статус филологического анализа.

Для понимания текстов, относящихся к художественной словесности, как явлений культуры важен *литературоведческий анализ*, в рамках которого текст рассматривается как произведение искусства в социально-историческом и литературном контексте эпохи, как отражение особенностей определенной литературной школы и направления, творческого метода, индивидуального стиля автора и т.д.

Задание 2.

Познакомьтесь с образцами лингвистического и стилистического анализов публицистического текста. Пользуясь предложенной методикой, сделайте лингвистический и стилистический анализы текста 10, данного в «Текстовых материалах для анализа».

Лингвистический анализ публицистического текста

Материал для анализа

САМЫЙ БЫСТРЫЙ В МИРЕ КОМПЬЮТЕР

У новинки очень сложное название: «Современная стратегическая вычислительная инициатива. Белая версия». Суперкомпьютер способен осуществлять 12,3 триллиона операций в секунду. Знаменитый «Дип Блю», обыгравший в шахматы Гарри Каспарова, слабее его в 1000 раз.

Умная «железяка» состоит из 8 с лишним тысяч микропроцессоров, весит 106 тонн, занимает площадь в 800 квадратных метров, а электроэнергии «жрет» столько же, сколько небольшой американский городок. Доставляли эту махину до лаборатории в Калифорнии 28 грузовиков. Возможности нового компьютера безграничны, ведь его уменьшенная версия уже помогла ученым расшифровать геном человека. «Белый» же, скорее всего, будет использован министерством энергетики США для моделирования испытаний ядерного оружия. Но уже через три-четыре года в Штатах может появиться еще более мощная машина, осуществляющая уже 100 триллионов операций в секунду.

Максим Чижиков («Комсомольская правда». – 30 июня 2000. – С. 3.)

1. Отбор лексических средств обусловлен тематикой текста. На неё указывает и заглавие «Самый быстрый компьютер в мире». Сообщению о нем, о его особенностях, отличии от других компьютеров и посвящен текст. К основной тематической группе словных и сверхсловных единиц, связанных с реалиями компьютерного дела, относятся: *стратегическая вычислительная инициатива, Белая версия, суперкомпьютер, операции, микропроцессоры,*

электроэнергия, лаборатория, уменьшенная версия, расшифровать геном человека, мощная машина, моделирование.

Текст состоит из разноплановой в стилистическом отношении лексики, включая книжную (*название, осуществлять, занимает площадь, лаборатория, безграничные возможности, ученые, расшифровать, моделирование, испытания, ядерное оружие, мощная, осуществляющая*), нейтральную (*быстрый, в мире, сложное, в секунду, знаменитый, обыграть, в шахматы, умная, весить и т.д.*) и разговорную (*новинка, «железяка», махина, «Белый» (сокращенное название)*), просторечную (*жрет*).

Благодаря этому создается доступное и живое повествование о сложных реалиях, относящихся к сфере науки и техники.

Для текста характерно широкое использование синонимов, объединенных в парадигму имен или именовании ключевой для текста реалии: *самый быстрый в мире компьютер, новинка, «Современная стратегическая вычислительная инициатива», «Белая версия», суперкомпьютер, умная «железяка», махина, новый компьютер, «Белый», машина*. Благодаря этому автор не только избегает повтора, но всякий раз по-новому характеризует предмет описания, сдержанно выражая свое восторженное отношение к нему.

Доверительный характер сообщения создается использованием приема **инверсии** (ср.: *Доставляли эту махину до лаборатории Калифорнии 28 грузовиков... Но уже через три-четыре года в Штатах может появиться еще более мощная машина, осуществляющая уже 100 триллионов операций в секунду*); **сравнения** (*Знаменитых «Дин Блю», обыгравший в шахматы Гарри Каспарова, слабее его в 1000 раз; ...а электроэнергии «жрет» столько же, сколько небольшой американский городок...*).

Есть и **олицетворение** (*Умная «железяка»; «жрет» электроэнергию*), делающее текст экспрессивным, а изложение живым, доходчивым.

С морфологической точки зрения обращает на себя внимание обилие числительных (7). Они позволяют нагляднее и точнее представить различные параметры описываемого суперкомпьютера (ср. *Суперкомпьютер способен осуществлять 12,3 триллиона операций в секунду*). Доминирует именная лексика в силу констатирующего характера изложения. Глагольных форм немного, глаголы обычно используются в настоящем «вневременном» значении (ср.: *Умная «железяка» состоит из 8 с лишним тысяч микропроцессоров, весит 106 тонн, занимает площадь в 800 квадратных метров, а электроэнергии «жрет» столько же, сколько небольшой американский городок...*).

С точки зрения синтаксиса следует отметить обилие предложений с составными именными сказуемыми (*Суперкомпьютер способен осуществлять 12,3 триллиона операций в секунду. Знаменитый «Дин Блю», обыгравший в шахматы Гарри Каспарова, слабее его в 1000 раз, и т.д.*). Кроме того, используются разговорные конструкции с инверсией, вводными словами, присоединениями: (*Доставляли эту махину до лаборатории в Калифорнии 28 грузовиков. Возможности нового компьютера безграничны, ведь его*

уменьшенная версия уже помогла ученым расшифровать геном человека. «Белый» же, скорее всего, будет использован министерством энергетики США для моделирования испытаний ядерного оружия. Но уже через три-четыре года в Штатах может появиться еще более мощная машина, осуществляющая уже 100 триллионов операций в секунду).

Таким образом, как показал анализ использованных автором языковых средств и их особой организации, основной пафос текста, который посвящен детальному и разностороннему описанию нового суперкомпьютера, заключается в выражении восхищения этим чудом науки и техники. Все языковые элементы текста и его общая структура направлены на то, чтобы сообщить новую и интересную информацию читателям и вызвать у них интерес.

Стилистический анализ публицистического текста

Материал для анализа текста публицистического стиля МВФ ПОНИЗИТ ПРОГНОЗ РОСТА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА 2012 ГОД

«Мы по-прежнему предсказываем рост мировой экономики, однако он будет не таким сильным, как мы считали ранее», – заявила директор Международного валютного фонда Кристина Лагард. Ранее эксперты МВФ предсказывали, что в будущем году он составит 3,9%. Насколько эта цифра уменьшится, пока неизвестно. Как ожидается, скорректированный прогноз будет презентован в октябре.

Почему же в МВФ поубавилось оптимизма относительно ближайшего будущего мировой экономики? Причин для этого, увы, немало. По словам госпожи Лагард, это и слишком медленное восстановление экономики США, и замедление роста развивающихся рынков, и непрекращающиеся долговые проблемы в Евросоюзе, и напряженная политическая обстановка на Ближнем Востоке. Иными словами, проблем – воз и маленькая (а на самом деле совсем не маленькая) тележка. А главное, все это лишь усиливает неуверенность среди инвесторов.

Впрочем, как отметила Лагард, многие были воодушевлены тем стремлением избежать распада Евросоюза, которое продемонстрировали правительства ЕС. Теперь, по ее мнению, европейцам необходимо привести ранее обсуждавшиеся меры в действие, в том числе создать банковский союз и смягчить условия на рынках для таких стран, как Испания.

«Политикам нужно прекратить играть в политические игры, а сделать все возможное, чтобы преодолеть кризис», – считает Кристина Лагард («Трибуна»).

1. *Стиль:* публицистический; *подстиль* газетно-публицистический; *жанр:* информационная заметка.

2. *Сфера общения:* публицистическая, связанная с обсуждением общественно важной политической и социально-экономической темы; *характер ситуации:* текст ориентирован на массовую коммуникацию в связи с

сообщением актуальной информации и воздействием на читателей с целью формирования общественного мнения.

3. *Основные функции текста*: *информационная* (сообщение о современном состоянии мировой экономики) и *воздействующая* (сформировать у читателя представление о том, что политические игры могут привести мировую экономику к краху). Доминирует *воздействующая* функция, реализованная в структуре текста в отборе и организации речевого материала.

4. *Характер адресата*: текст предназначен для широкого круга читателей ввиду общественной значимости обсуждаемой проблемы.

5. *Тип мышления*, отраженный в тексте: обобщенно-аналитический. Ссылаясь на мнение директора Международного валютного фонда Кристины Лагард, автор пытается доказать основной тезис о катастрофическом характере сложившейся экономической ситуации.

6. *Форма речи*: письменная; *тип речи*: рассуждение; *вид речи*: монолог.

7. *Стилевые черты*, характерные для текста, отражают стилистический принцип соединения экспрессии и стандарта (В.Г. Костомаров): эффект новизны, документализм, фактографичность, простота, доступность, собирательность, социальная оценочность, призывность. Логичность в изложении сочетается со сдержанной экспрессией речевых средств, отражающих крайнюю озабоченность автора неутешительными прогнозами о том, что ожидает мировую экономику.

8. *Языковые приметы стиля, имеющиеся в тексте*.

Лексические: а) использование дат, статистических сведений для отражения документализма (в будущем году он составит 3,9%); б) употребление терминологии по соответствующей теме (*Международный валютный фонд, экономика, рынок, долговые проблемы, инвесторы, банковский союз* и др.); в) использование книжных слов (*прогноз, распад, преодолеть, воодушевить* и др.); г) употребление газетизмов (*необходимо привести ранее обсуждавшиеся меры в действие, играть в политические игры, как ожидается, напряженная политическая обстановка* и др.); д) применение разговорных средств (*поубавилось оптимизма, презентован* и др.); е) фразеологизмов (*воз и маленькая (а на самом деле совсем не маленькая) тележка*).

Морфологические: а) активное использование отглагольных существительных (*распад, восстановление, замедление, неуверенность, стремление* и др.); б) прилагательных (*мировой, сильный, будущий, политический, медленный* и др.); в) причастий (*презентован, воодушевлены, развивающихся, непрекращающиеся*); г) употребление местоимения 1-го лица (*мы*).

Синтаксические: а) книжный характер синтаксиса (*Ранее эксперты МВФ предсказывали, что в будущем году он составит 3,9%. и др.*); б) преобладание пассивных конструкций (*Насколько эта цифра уменьшится, пока неизвестно. Как ожидается, скорректированный прогноз будет презентован в октябре.*); в) употребление приема вопросно-ответного изложения для усиления экспрессии, оценочности, для создания яркости и доверительности (*Почему же*

в МВФ поубавилось оптимизма относительно ближайшего будущего мировой экономики? Причин для этого, увы, немало.).

9. *Образ автора*: автор выступает и как обобщенное лицо, привлекающее внимание общественности к проблемам мировой экономики, и как конкретная личность, выражающая индивидуальность в использовании изобразительно-выразительных средств, создающих экспрессию текста (*поубавилось оптимизма, проблем – воз и маленькая (а на самом деле совсем не маленькая) тележка и др.*).

Список литературы

1. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М., Екатеринбург, 2004.

2. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н.С. Болотнова. – Томск, 2006. – С. 50–84.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 15

Исследовательский инструментарий. Концептуальный анализ текста

План

1. Специфика концептуального анализа текста.
2. Концептуальный анализ текста.

Задание 1.

Прочитайте теоретический материал об особенностях анализа концепта текста (цит. по: Чурилина, Л.Н. Лингвистика текста: учебно-методический комплекс / Л.Н. Чурилина. – Магнитогорск, 2007. – С. 30).

Концепт художественного текста формируется на синтагматической основе, имеет внутритекстовую синтагматическую природу. Методика реконструкции некоторой смысловой области, или текстового концепта, основана на анализе семантики совокупности языковых единиц, раскрывающих тему (микротему) текста. Концептуальное пространство текста формируется на достаточно высоком уровне абстракции от значения линейной последовательности языковых единиц. Необходимо провести процедуру сближения, слияния смыслов, эксплицируемых на поверхностном уровне текста словами и предложениями одной тематической области. Взаимное соотнесение выявленных микротем даст представление о концептуальной структуре текста и позволит выявить базовый текстовый концепт.

Концептуальный анализ основан на читательском восприятии. При этом в процессе восприятия и понимания текста осуществляется компрессия его содержания, ведущая к укрупнению, объединению текстовых фрагментов в смысловые блоки. В формировании концептуального пространства текста

участвуют и так называемые предтекстовые пресуппозиции, которые составляют наши знания о мире.

Большое значение для формирования концептов имеют повторяющиеся в тексте слова (лейтмотивы, лексические доминанты, ключевые слова). Выделение ключевых слов – одна из труднейших задач при проведении реконструкции текстового концепта. Главные признаки ключевого слова – повторяемость (частотность), необычная сочетаемость. Выявленный набор ключевых слов (от 4 до 20, в зависимости от объема текста) рассматривается в качестве репрезентанта текстового концепта.

Таким образом, концептуальный анализ текста предполагает совершение ряда аналитических процедур:

- (1) выявление набора ключевых слов текста;
- (2) описание обозначаемого ими концептуального пространства;
- (3) определение базового концепта этого пространства.

Выделение ключевых слов текста, в свою очередь, может быть основано на следующих процедурах, или этапах, анализа;

1. Выделение предтекстовых пресуппозиций, важных для формирования концептуального пространства текста (время создания, имя автора, роль эпитафия и проч.);

2. Анализ семантики заглавия и выдвижение гипотез относительно возможного развития заявленной заглавием темы в тексте (первый этап психолингвистического эксперимента);

3. Анализ лексического состава текста с целью выявления слов одной тематической области с разной степенью экспрессивности;

4. Проведение второго этапа психолингвистического эксперимента, целью которого является выявление набора ключевых слов;

5. Обобщение всех контекстов, в которых употребляются ключевые слова, с целью выявления характерных свойств текстового концепта (его атрибутов, предикатов, ассоциаций).

Задание 2.

Проанализируйте рассказ Н. Тэффи «Жизнь и воротник» (см.: «Текстовые материалы для анализа», текст 11.). Какой концепт лежит в его основе?

Список литературы

1. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М., Екатеринбург, 2004. – С. 95 – 255.
2. Чурилина, Л.Н. Лингвистика текста: учебно-методический комплекс / Л.Н. Чурилина. – Магнитогорск, 2007. – С. 30.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ № 16-18

Методика дискурсивного анализа

План.

1. Специфика дискурсивного анализа.
2. Анализ новостного дискурса.

Дискурсивный анализ – новое явление в сфере изучения текста и дискурса. Предлагается несколько методов анализа дискурса. На сегодняшний день в работах разных ученых активно развивается методика анализа, предложенная Э.В. Чепкиной в книге «Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995 – 2000)». По мнению Э.В. Чепкиной, описать дискурс можно через выявление и формулирование дискурсивных правил. Данные правила, в свою очередь, обусловлены коммуникативными практиками, бытующими в данном дискурсе. Она пишет: «Дискурс представляет собой пространство коммуникативных практик. (...) Разные практики связаны с различными социальными полями. Социальным полям соответствуют дискурсивные пространства, каждое из которых конституируется своими дискурсивными практиками. Использование термина дискурсивная практика (а не речевая деятельность, не коммуникативное поведение) позволяет подчеркнуть, что речь идет о включенности индивидов в процесс коммуникации, осуществляемой ими практически – по правилам, не всегда осознаваемым на вербальном уровне. Под практикой, таким образом, понимается процесс структурирования текста (как адресантом, так и адресатом) в пределах определенного дискурса. Однако условия продуцирования текстов очень многообразны, поэтому имеет смысл говорить не о дискурсивной практике вообще, но о разнообразии дискурсивных практик в связи с конкретными обстоятельствами и условиями общения. Совокупность дискурсивных практик – анонимная система для построения новых высказываний, которой может воспользоваться всякий говорящий в поле дискурса (...). Однако эти правила не универсальны, они специфичны для каждого дискурса».

Задание 1.

Познакомьтесь с планом анализа дискурса, предложенным Э.В. Чепкиной в работе «Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995 – 2000)».

Дискурсивный анализ

Дискурсивные правила, отраженные в отдельном тексте, выявляются при анализе следующих структур:

I. Событийная структура: события и смысловые порядки, в которые они встроены:

- 1) область поиска события,
- 2) правила выявления события,

3) правила именования и описания события.

II. Структура поля персонажей:

1) область поиска персонажа,

2) правила выявления персонажа,

3) правила именования и описания персонажа.

III. Концептуальное поле (концепты, идеологизированные концепты, символы)

IV. Риторическое поле: говорящий, адресат, ситуация общения.

Преимущества анализа: 1. Рассматривая дискурсивный код, мы пытаемся уловить дискурсивное через языковое и текстовое. При этом дискурсивные коды интертекстуальны: код работает внутри текста, но имеет собственные закономерности, не связанные с логикой формально завершенного, отдельного текста.

2. Изучение дискурсивных кодов позволяет также уйти от сосредоточенности на каком-либо одном звене коммуникации – на адресанте, тексте или адресате. Это особенно актуально для преодоления молчаливого признания приоритета автора и его замысла в организации структуры текста и процесса коммуникации в целом. Внимание к коду позволяет вырваться из плена авторского замысла для более полного учета позиции адресата. Дискурсивные коды включают правила, которые анонимно и безлично навязываются и автору, и адресату, и в то же время эти правила создаются самими коммуникантами в процессе дискурсивной практики.

3. При помощи анализа мы можем увидеть/выявить закономерности текстообразования, которые не зависят целиком от сознательных устремлений коммуникантов, а порождаются логикой дискурса как социальной формой.

Задание 2.

Попробуйте соотнести план анализа дискурса из Задания 1. и описание глоттонического дискурса, предложенного А.В. Оляничем в книге «Презентационная теория дискурса» (см.: «Хрестоматия», № 11.).

Задание 3.

Познакомьтесь с методикой дискурсивного анализа, разработанной О.Л. Михалевой в монографии «Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия», и образцом анализа дискурса из учебно-методического комплекса «Основы психолингвистики» (см.: «Хрестоматия», №. 12 и 13.).

Задание 4.

Проанализируйте новостной дискурс.

1. Отберите тексты для анализа. Помните, что новость – это структурированный в повседневности (отобранный, проанализированный и представленный в воспринимаемом максимальной аудиторией виде) социальный опыт человечества за прошедший день.

2. Изучая событийную структуру (п. I.), попытайтесь ответить на вопросы:

- В какой области социальной жизни ведется поиск событий, которые могут быть новостью?
- Что интересует СМИ?
- Каким должно быть событие, чтобы стать новостью и попасть в СМИ?
- Может ли логика дискурса навязывать выбор события?

(Речь идет о том, что часто журналисты крупных СМИ вынужденно сообщают об одних и тех же происшествиях, бывают на одних тех же пресс-конференциях, подчиняясь общей логике журналистского поля. Также надо помнить, что существуют чисто медиатические события – те, которые целиком созданы журналистами. Например, уличные политические манифестации могут оказывать реальное воздействие на политиков только тогда, когда о них сообщают журналисты, включившись в процесс политического конструирования события. Таким образом, журналист, делающий репортаж об этом политическом событии, сам его тем самым и создает. Это известно и самим манифестантам – обычно они специально выступают для прессы и для телевидения.)

После того как объект для новостного дискурса найден, начинается работа по анализу именованию и описанию события. Ведущими модальными установками субъекта речи в отношении события как эмпирического объекта являются объективность и искренность, которые в известной мере противоречат друг другу, поэтому при анализе именованию и описанию события важно учитывать коннотации. Следует учитывать, что подчеркивание объективности изложения, сведение к минимуму субъективных комментариев или декларирование четкого их отделения от "фактов" делают события открытыми для интерпретаций со стороны адресата (разумеется, уже за рамками классифицирующей характеристики события, воплощенной в его "объективном" описании).

3. Анализируя персонажей дискурса, подумайте, какие персонажи попадают в поле внимания СМИ?

При изучении правил именованию и описанию персонажа надо принимать во внимание то, что у персонажей, соотносимых с биографическими личностями, имя всегда уже есть, и, по правилам дискурса, его следует указывать, кроме специально оговариваемых случаев, когда имя не называют из соображений этики или, скажем, в интересах следствия. Однако особенность имени собственного в том, что в норме оно никак не характеризует своего носителя, поэтому функцию характеристики персонажа выполняют вторичные его номинации, сопровождающие имя, при анализе которых надо выявлять коннотации.

В качестве теоретической опоры при выявлении правил именованию и описанию событий и персонажей дискурса вы можете использовать статью И.Р. Федоровой, данную в «Хрестоматии» (см.: № 14.).

4. Выявление организации поля концептов в дискурсе требует ответа на следующие вопросы: Какие концепты допускаются в дискурсе? Какие концепты критикуются? Какие – отбрасываются или исключаются? Здесь различают истинное/ ошибочное (неточное) / несуществующее. (Например, в Уголовном кодексе СССР, принятом при Сталине, была статья о преследовании гомосексуалистов, но не было статьи о лесбиянках – сексуальные отношения между женщинами оказались не отмеченными в юридическом дискурсе как ненормативные, потому что они в его поле просто не существовали.)

5. Описать риторическое поле можно через анализ цели общения, участников общения и способа общения, т.е. избираемые речевые стратегии и тактики. По мнению исследователей, каждый дискурс характеризуется уникальным набором коммуникативных стратегий и тактик.

Предлагаем вашему вниманию план анализа стратегий и тактик.

План анализа речевых стратегий

1. Прочитать текст. В реальном общении текст очень часто содержит какое-то количество тематических блоков. Отбор отражаемых элементов действительности происходит отнюдь не произвольно. Стратегически правильным шагом считается выбор элемента ситуации действительности в соответствии с ожиданиями собеседника. Таким образом, стимулирование нужной для инициатора общения реакции собеседника подчинено определенному плану (в случае волевого поведения) или установке (в случае импульсивного поведения).

Выявить план речевых действий говорящего в тексте непросто, так как, во-первых, явления когнитивного уровня не имеют четких методик описания, а во-вторых, нередко стратегическое планирование осуществляется неосознанно для самого говорящего. Поэтому удобнее рассматривать речевое планирование, анализируя небольшие части текста, а именно – минимальные смысловые единицы.

2. Разбить текст на минимальные смысловые единицы (далее – МСЕ).

МСЕ характеризуется: 1) единой темой; 2) зависимостью реплик адресанта и адресата; 3) отсутствием внутри данной последовательности реплик другой, отличной от нее. Коммуникативная стратегия объединяет эти минимальные смыслы.

3. Рассмотреть в каждой МСЕ речевые действия коммуникантов, их выбор речевых средств и приемов и определить микроцель адресанта.

Выявление микроцели говорящего внутри каждой МСЕ поможет формулированию основной цели текста. Это необходимо, поскольку речевая стратегия всегда рассчитана на «конечный результат», на достижение определенной цели, которую осознанно или неосознанно поставил перед собой говорящий, начиная общение. Потому, чтобы выявить речевую стратегию

текста, мы должны представить, для чего он был создан. Иными словами, обнаружить и сформулировать цель, которую преследовал адресант, создавая текст.

4. Сформулировать основную цель («конечный результат»), которую преследует говорящий в данном тексте. В реальном общении говорящий часто имеет не одну цель. Так, например, стратегия просьбы имеет целью, во-первых, добиться ее выполнения (избежать отказа), во-вторых, «сохранить лицо» просителя (стратегия самопрезентации), в-третьих, установить либо поддержать добрые отношения с адресатом (стратегия кооперации). Говорящий на разных этапах определяет приоритет той или иной цели и соответственно корректирует речевые действия. Из этого следует, что при анализе наиболее регулярные цели, характеризующие определенные ситуации общения, должны быть обозначены и, по возможности, иерархически упорядочены.

5. В соответствии с основной целью определить тип речевой стратегии.

План анализа речевых тактик

1. Разделить текст на МСЕ. Будучи онтологически невербальной, тактика существует в вербальных реализациях. Реализацией одной тактики может быть неисчислимая цепь речений (как клишированных, извлекаемых из памяти, так и личностных, создаваемых в момент речи), объединяемых в одно целое однородной по смыслу интенцией. Как правило, она направлена на определенные аспекты моделирования мира адресата и его психики (знания, оценки, желания). Суть применения тактики состоит в том, чтобы изменить конфигурацию этих параметров в нужном направлении: усилить/уменьшить какие-либо желания адресата, изменить оценку им чего/кого-либо и т.д.

Чтобы выявить тактику/тактики в пределах МСЕ, надо:

2. Вычленили реплики, содержащие интегральный смысл-интенцию.

Однако в данном случае следует быть внимательными, так как между репликами и тактиками, хотя и не всегда, может установиться однозначное соответствие. Например, в следующем диалоге каждой новой реплике адресанта соответствует отдельная новая тактика: – *Открой мне тайну. Разве мы не друзья?* (тактика «Мы близкие люди») – *Какие мы друзья?* – *Но ведь ты знаешь, я молчать умею!* (тактика «От меня никто ничего не узнает») – *Это еще надо посмотреть!* – *Да ты не бойся, я не осужу тебя ни в чем!* (тактика «Мы – одного поля ягода») – *А я ни в чем не виноват!* – *Ладно уж тебе. Я-то все выкладываю, а от тебя не дождешься!* (тактика «Теперь твоя очередь») – *А ты не выкладывай!*

Чаще всего тактики в естественном дискурсе приобретают следующие формы. Во-первых, когда адресант, знающий направление разговора, придерживается только одной тактики. При семантическом инварианте варьируются лишь реплики: – *Разве мы не друзья?* (тактика «Мы близкие люди») – *Какие мы такие друзья!* – *Но мы столько лет знаем друг друга!* (тактика «Мы близкие люди») – *Всего-то три года!* – *Но с кем же тебе еще*

поделиться? (тактика «Мы близкие люди») – Да уж найду кого-нибудь! – А я чем не гожусь! (тактика «Мы близкие люди») – Да уж тем!

Во-вторых, одна синтаксически цельная (и не обязательно сложная реплика) может реализовать сразу две-три тактики: *Как честный человек* (тактика «Мои личные качества высоки») *клянусь, буду нем, как рыба!* (тактика «От меня никто ничего не узнает»).

3. Дать наименование каждой тактике. Для наименования тактик необходимо изобрести искусственную семантическую «бирку», которая будет хорошо передавать основной смысл всей группы реплик, либо принимать за общее название одну из реплик-клише.

Однако в поисках реплик-клише нельзя слепо следовать за языковой формой. Номинируя смысл-интенцию, составляющий содержание тактики, необходимо искать клише глубинной, а не поверхностной структуры. Так, например, в стратегии уговаривания группа реплик, объединенных речевым клише «Тебе же это сделать – раз плюнуть», может быть обозначена как «Ты способный». Это и есть искомая форма.

4. Составить номенклатуру тактик той или иной стратегии.

Образец анализа стратегий и тактик вы можете найти в «Хрестоматии» (см. № 15,16.).

5. Сделайте выводы, касающиеся дискурсивных правил новостного дискурса.

Список литературы

1. Ливанова, М.В. Коммуникативные стратегии текста-сенсации / М.В. Ливанова. // Современные методы анализа художественного произведения. Материалы научного семинара 2-4 мая 2003 г. – Гродно, 2003. – С. 160 – 167.

2. Михалева, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – Иркутск, 2005. – С. 15 – 86.

3. Михалева, О.Л. Основы психолингвистики: учебно-методический комплекс / О.Л. Михалева. Иркутск, 2005. – С. 10 – 12.

4. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса / А.В. Олянич. – М., 2007.

5. Тимонина, И.В. Коммуникативные стратегии и тактики: учебно-методический комплекс / И.В. Тимонина, О.Е. Чернова. – Магнитогорск, 2006. – С. 94 – 97.

6. Федорова, И.Р. Информация и интерпретация в жанре современной газетой хроники и заметки: К вопросу о модальности «авторской пристрастности» / И.Р. Федорова. // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии и синхронии: Сб. науч тр. – Калининград, 2004 – С. 107 – 120.

7. Чепкина, Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995 – 2000) / Э.В. Чепкина. – Екатеринбург, 2000.

8. Чернова, О.Е. Методика анализа речевых стратегий и тактик (на материале газетного репортажа) / О.Е. Чернова. // Вестник МаГУ :

периодический научный журнал. – Магнитогорск : МаГУ, 2009. – Вып. 11. – С. 86 – 89.

РАЗДЕЛ II. ТЕКСТОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ АНАЛИЗА

Текст 1. К практическому занятию № 2:

Булгаков, М.А. «Мастер и Маргарита»: Роман. Рассказы / М.А. Булгаков. – М., 2004.

Приведенный текст разбит на три составляющие: жирный текст слева – внутренняя речь Берлиоза и Бездомного; текст справа – реальное общение Берлиоза, Бездомного и Неизвестного; текст на всю полосу – авторское описание ситуации.

И вот как раз в то время, когда *Михаил Александрович* рассказывал поэту о том, как *ацтеки* лепили из теста фигурку *Вицлипуцли*, в аллее показался первый человек.

Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно, разные учреждения представили свои *сводки с описанием этого человека*. Сличение их не может не вызвать изумления. Так, в первой из них сказано, что человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Во второй – что человек был росту громадного, коронки имел платиновые, хромал на левую ногу. Третья лаконически сообщает, что особых примет у человека не было.

Приходится признать, что ни одна из этих сводок никуда не годится.

Раньше всего: ни на какую ногу описываемый не хромал, и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой – золотые. Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду – лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом – иностранец.

Пройдя мимо скамьи, на которой помещались редактор и поэт, иностранец покосился на них, остановился и вдруг уселся на соседней скамейке, в двух шагах от приятелей.

«Немец», – подумал Берлиоз.

«Англичанин, – подумал Бездомный, – ишь, и не жарко ему в перчатках»...

– Ты, Иван, – говорил Берлиоз, – очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына Божия, но соль-то в том, что еще до Иисуса родился целый ряд сынов Божиих, как, скажем, финикийский Адонис, фригийский Аттис, персидский Митра. Коротко же говоря, ни один из них не рождался и никого не было, в том числе и Иисуса, и необходимо, чтобы ты, вместо рождения или, предположим, прихода волхвов, изобразил бы нелепые слухи об этом

приходе. А то выходит по твоему рассказу, что он действительно родился!..

Тут Бездомный сделал попытку прекратить замучившую его икоту, задержал дыхание, отчего икнул мучительнее и громче, и в этот же момент Берлиоз прервал свою речь, потому что иностранец вдруг поднялся и направился к писателям. Те поглядели на него удивленно.

– Извините меня, пожалуйста, – заговорил подошедший с иностранным акцентом, но не коверкая слов, – что я, не будучи знаком, позволяю себе... но предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что...

Тут он вежливо снял берет, и друзьям ничего не оставалось, как приподняться и раскланяться.

«Нет, скорее француз...» – подумал Берлиоз.

«Поляк?...» – подумал Бездомный. Необходимо добавить, что на поэта иностранец с первых же слов произвел отвратительное впечатление, а Берлиозу скорее понравился, то есть не то чтобы понравился, а... как бы выразиться... заинтересовал, что ли.

– Разрешите мне присесть? – вежливо попросил иностранец, и приятели как-то невольно раздвинулись; иностранец ловко уселся между ними и тотчас вступил в разговор.

– Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свете? – спросил иностранец, обращая к Берлиозу свой левый зеленый глаз.

– Нет, вы не ослышались, – учтиво ответил Берлиоз, – именно это я и говорил.

– Ах, как интересно! – вскрикнул иностранец.

«А какого черта ему надо?» – подумал Бездомный и нахмурился.

– А вы соглашались с вашим собеседником? – осведомился неизвестный, повернувшись вправо к Бездомному.

– На все сто! – подтвердил тот, любя выражаться вычурно и фигурально...

– Да, мы – атеисты, – улыбаясь, ответил Берлиоз,

а Бездомный подумал, рассердившись: «Вот прицепился, заграничный гусь!»

Тут иностранец отколол такую штуку: встал и пожал изумленному редактору руку, произнеся при этом такие слова:

– Позвольте вас поблагодарить от всей души!

– За что это вы его благодарите? – заморгав, осведомился Бездомный.

– За очень важное сведение, которое мне, как путешественнику, чрезвычайно интересно, – многозначительно подняв палец, пояснил заграничный чудак.

«Нет, он не англичанин...» – подумал Берлиоз, а Бездомный подумал: «Где это он так наловчился говорить по-русски, вот что интересно!» – и опять нахмурился.

– Но, позвольте вас спросить, – после тревожного раздумья заговорил заграничный гость, – как же быть с доказательствами бытия Божия, коих, как известно, существует ровно пять?

– Увы! – с сожалением ответил Берлиоз. – Ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования Бога быть не может.

– Bravo! – вскричал иностранец. – Bravo! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу. Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, соорудил собственное шестое доказательство!

– Доказательство Канта, – тонко улыбнувшись, возразил образованный редактор, – также неубедительно. И недаром Шиллер говорил, что кантовские рассуждения по этому вопросу могут удовлетворить только рабов, а Штраус просто смеялся над этим доказательством.

Берлиоз говорил, а сам в это время думал: «Но, все-таки, кто же он такой? И почему он так хорошо говорит по-русски?»

– Взять бы этого Канта да за такие доказательства года на три в Соловки! – совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич.

– Иван! – сконфузившись, шепнул Берлиоз.

– Но предложение отправить Канта в Соловки не только не поразило иностранца, но даже привело в восторг.

– Именно, именно, – закричал он, и левый зеленый глаз его, обращенный к Берлиозу, засверкал, – ему там самое место! Ведь говорил я ему тогда за завтраком: «Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут».

Берлиоз выпучил глаза. «За завтраком... Канту?.. Что это он плетет?» – подумал он.

– Но, – продолжал иноземец, не смущаясь изумлением Берлиоза и обращаясь к поэту, – отправить его в Соловки невозможно по той причине, что он уже с лишком сто лет пребывает в местах значительно более отдаленных, чем Соловки, и извлечь его оттуда никоим образом нельзя, уверяю вас!

– А жаль! – отозвался задира-поэт.

– И мне жаль, – подтвердил неизвестный, сверкая глазом, и продолжал: – Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще

распорядком на земле?

– Сам человек и управляет, – поспешил сердито ответить Бездомный на этот, признаться, не очень ясный вопрос.

– Виноват, – мягко отозвался неизвестный, – для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день? И в самом деле, – тут неизвестный повернулся к Берлиозу, – вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома легкого...– тут иностранец сладко усмехнулся, как будто мысль о саркоме легкого доставила ему удовольствие, – да, саркома, – жмурясь, как кот, повторил он звучное слово, – и вот ваше управление закончилось! Ничья судьба, кроме вашей собственной, вас более не интересует. Родные вам начинают лгать. Вы, чуя неладное, бросаетесь к ученым врачам, затем к шарлатанам, а бывает, и к гадалкам. Как первое и второе, так и третье – совершенно бессмысленно, вы сами понимаете. И все это кончается трагически: тот, кто еще недавно полагал, что чем-то управляет, оказывается вдруг лежащим неподвижно в деревянном ящике, и окружающие, понимая, что толку от лежащего нет более никакого, сжигают его в печи. А бывает и еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск, – тут иностранец прищурился на Берлиоза, – пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, так как неизвестно почему вдруг возьмет поскользнется и попадет под трамвай! Неужели вы скажете, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой? – и здесь незнакомец рассмеялся странным смешком.

Берлиоз с великим вниманием слушал неприятный рассказ про саркому и трамвай, и какие-то тревожные мысли начали мучить его. «Он не иностранец... Он не иностранец... – думал он, – он престранный субъект... но позвольте, кто же он такой?»

– Вы хотите курить, как я вижу? – неожиданно обратился к Бездомному неизвестный. – Вы какие предпочитаете?

– А у вас разные, что ли, есть? – мрачно спросил поэт, у которого папиросы кончились.

– Какие предпочитаете? – повторил неизвестный.

– Ну, «Нашу марку», – злобно ответил Бездомный.

Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар и предложил его Бездомному: – «Наша марка».

И редактора и поэта не столько поразило то, что нашлась в портсигаре именно «Наша марка», сколько сам портсигар. Он был громадных размеров, червонного золота, и на крышке его при открывании сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник.

Тут литераторы подумали разное. Берлиоз: «Нет, иностранец!», а Бездомный: «Вот черт его возьми! А?..»

Поэт и владелец портсигара закурили, а некурящий Берлиоз отказался.

«Надо будет ему возразить так, – решил Берлиоз, – да, человек смертен, никто против этого и не спорит. Но дело в том, что...»

Однако он не успел выговорить этих слов, как заговорил иностранец:

– Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер.

«Какая-то нелепая постановка вопроса...» – помыслил Берлиоз и возразил:

– Ну, здесь уж есть преувеличение. Сегодняшний вечер мне известен более или менее точно. Само собою разумеется, что, если на Бронной мне свалится на голову кирпич...

– Кирпич ни с того ни с сего, – внушительно перебил неизвестный, – никому и никогда на голову не свалится. В частности же, уверяю вас, вам он ни в каком случае не угрожает. Вы умрете другою смертью.

– Может быть, вы знаете, какой именно? – с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз, вовлекаясь в какой-то действительно нелепый разговор. – И скажете мне?

– Охотно, – отозвался незнакомец. Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался шить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть – несчастье.., вечер – семь...» – и громко и радостно объявил: – Вам отрежут голову!

Бездомный дико и злобно вытаращил глаза на развязного неизвестного, а Берлиоз спросил, криво усмехнувшись:

– А кто именно? Враги? Интервенты?

– Нет, – ответил собеседник, – русская женщина, комсомолка.

– Гм... – промычал раздраженный шуточкой неизвестного Берлиоз, – ну, это, извините, маловероятно.

– Прошу и меня извинить, – ответил иностранец, – но это так. Да, мне хотелось бы спросить вас, что вы будете делать сегодня вечером, если это не секрет?

– Секрета нет. Сейчас я зайду к себе на Садовую, а потом в десять часов вечера в МАССОЛИТе состоится заседание, и я буду на нем председательствовать.

– Нет, этого быть никак не может, – твердо возразил

иностранец.

– Это почему?

– Потому, – ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, бесшумно чертили черные птицы, – что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила. Так что заседание не состоится.

Тут, как вполне понятно, под липами наступило молчание.

– Простите, – после паузы заговорил Берлиоз, поглядывая на мелющего чепуху иностранца, – причем здесь подсолнечное масло... и какая Аннушка?

– Подсолнечное масло здесь вот причем, – вдруг заговорил Бездомный, очевидно, решив объявить незваному собеседнику войну, – вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?

– Иван!.. – тихо воскликнул Михаил Александрович.

Но иностранец ничуть не обиделся и превесело рассмеялся.

– Бывал, бывал и не раз! – вскричал он, смеясь, но не сводя несмеющегося глаза с поэта. – Где я только не бывал! Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения. Так что вы уж сами узнайте это у него, Иван Николаевич!

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает? – здесь иностранец вытащил из кармана вчерашний номер «Литературной газеты», и Иван Николаевич увидел на первой же странице свое изображение, а под ним свои собственные стихи. Но вчера еще радовавшее доказательство славы и популярности на этот раз ничуть не обрадовало поэта...

– Я извиняюсь, – сказал он, и лицо его потемнело, – вы не можете подождать минутку? Я хочу товарищу пару слов сказать.

– О, с удовольствием! – воскликнул неизвестный. – Здесь так хорошо под липами, а я, кстати, никуда и не спешу.

– Вот что, Миша, – зашептал поэт, оттащив Берлиоза в сторону, – он никакой не интурист, а шпион. Это русский эмигрант, перебравшийся к нам. Спрашивай у него документы, а то уйдет...

– Ты думаешь? – встревоженно шепнул Берлиоз, а сам подумал: «А ведь он прав...»

– Уж ты мне верь, – засипел ему в ухо поэт, – он дурачком прикидывается, чтобы выспросить кое-что. Ты слышишь, как он по-русски говорит, – поэт говорил и косился, следя, чтобы неизвестный не удрал, – идем, задержим его, а то уйдет...

И поэт за руку потянул Берлиоза к скамейке...

«Вот тебе все и объяснилось!» – подумал Берлиоз в смятении. – **Приехал сумасшедший немец, или только что спятил на Патриарших. Вот так история!»**

Да, действительно, объяснилось все: и страннейший завтрак у покойного философа Канта, и дурацкие речи про подсолнечное масло и Аннушку, и предсказания о том, что голова будет отрублена, и все прочее, – профессор был сумасшедший.

Берлиоз тотчас сообразил, что следует делать. Откинувшись на спинку скамьи, он за спиною профессора замигал Бездомному – не противоречь, мол, ему, – но растерявшийся поэт этих сигналов не понял...

– А дьявола тоже нет? – вдруг весело осведомился больной у Ивана Николаевича.

– И дьявола...

– Не противоречь! – одними губами шепнул Берлиоз, обрушиваясь за спину профессора и гримасничая.

– Нету никакого дьявола! – растерявшись от всей этой муры, вскричал Иван Николаевич не то, что нужно. – Вот наказание! Перестаньте вы психовать!

Тут безумный расхохотался так, что из липы над головами сидящих выпорхнул воробей.

– Ну, уж это положительно интересно, – трясаясь от хохота, проговорил профессор, – что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет! – Он перестал хохотать внезапно и, что вполне понятно при душевной болезни, после хохота впал в другую крайность – раздражился и крикнул сурово: – Так, стало быть, так-таки и нету?

– Успокойтесь, успокойтесь, успокойтесь, профессор, – бормотал Берлиоз, опасаясь волновать больного, – вы посидите минуточку здесь с товарищем Бездомным, а я только сбегая на угол, звякну по телефону, а потом мы вас и проводим, куда вы хотите. Ведь вы не знаете города...

План Берлиоза следует признать правильным: нужно было добежать до ближайшего телефона-автомата и сообщить в бюро иностранцев о том, что вот, мол, приезжий из-за границы консультант сидит на Патриарших прудах в состоянии явно ненормальном. Так вот, необходимо принять меры, а то получается какая-то неприятная чепуха.

– Позвонить? Ну что же, позвоните, – печально согласился больной и вдруг страстно попросил: — Но умоляю вас на прощанье, поверьте хоть в то, что дьявол существует! О большем я уж вас и не прошу. Имейте в виду, что на это существует седьмое доказательство, и уж самое надежное! И вам оно сейчас будет предъявлено.

– Хорошо, хорошо, – фальшиво-ласково говорил Берлиоз и, подмигнув расстроенному поэту, которому вовсе не улыбалась мысль караулить сумасшедшего немца, устремился к тому выходу с

Патриарших, что находится на углу Бронной и Ермолаевского переулка.

А профессор тотчас же как будто выздоровел и посветлел.

– Михаил Александрович! – крикнул он вдогонку Берлиозу.

Тот вздрогнул, обернулся, но успокоил себя мыслью, что его имя и отчество известны профессору также из каких-нибудь газет. А профессор прокричал, сложив руки рупором:

– Не прикажете ли, я велю сейчас дать телеграмму вашему дяде в Киев?

И опять передернуло Берлиоза. Откуда же сумасшедший знает о существовании киевского дяди? Ведь об этом ни в каких газетах, уж наверно, ничего не сказано. Эге-ге, уж не прав ли Бездомный? А ну как документы эти липовые? Ах, до чего странный субъект. Звонить, звонить! Сейчас же звонить! Его быстро разъяснят!..

Текст 2. К практическим занятиям № 5-6:

Татьяна Нетреба «Приворот «леди Ю»: Юлия Тимошенко идёт ва-банк» («АИФ». – 28 мая 2008. – №22.).

25 мая на Украине прошли выборы мэра Киева. Они стали очередным этапом сражения между президентом Ющенко и премьером Тимошенко. На этот раз победу одержал президентский ставленник – действующий мэр Л. Черновецкий. Протеже премьера А. Турчинов занял лишь 2-е место. Однако за своё поражение Ю. Тимошенко наверняка ещё отыграется. «Премьер президенту не партнёр и не союзник», – заявила «оранжевая принцесса» после того, как её сторонники заблокировали трибуну Верховной Рады и не дали Ющенко выступить с посланием к парламенту. Ранее конфликт между президентом и премьером уже чуть не перешёл в вооружённую фазу. Поводом стало намерение премьера вопреки запрету главы государства выставить на продажу Одесский припортовый завод. Тогда Тимошенко с группой соратников... лично захватила здание Фонда госимущества. Перестрелки чудом удалось избежать.

Атакующий стиль свойствен Тимошенко. Однажды, ещё в кучмовские времена, она узнала об аресте своего помощника и немедленно примчалась к Генпрокуратуре. Охранники здания, увидев «великую и ужасную» предводительницу партии «Батькивщина», едва успели забаррикадировать двери. «И тогда Юлия Владимировна, набрав в белоснежный подол костюма от «Эскада» кирпичей на соседней стройке, устроила настоящее ковровое бомбометание по «цитадели беззакония», – вспоминает украинский политолог Дмитрий Выдрин, бывший соратник Тимошенко

Чары колдовские

Многие верят, что Тимошенко обладает чуть ли не гипнотическими способностями. По украинским «диканькам» гуляют рассказы, будто она

унаследовала от своей бабки-колдуньи дар приворота. Так это или нет, но в прекрасной женской интуиции ей точно не откажешь.

Говорят, её первой жертвой на российском Олимпе был бывший всемогущий глава «Газпрома» Р. Вяхирев. На переговоры к нему она явилась в короткой юбке и ботфортах. В итоге первый контракт с «Газпромом» составил свыше 2 млрд. долл.

«Когда Юлия Владимировна в кураже и ударе (а из этого состояния «леди Ю» практически не выходит), она может обворозить, довести до обморока практически любого. Я видел, как штабелями падали у её ног, казалось бы, бездушные, как языческие идолы, депутаты немецкого бундестага и бундесрата. Помнится, после успешного выступления Юлии в бундестаге мы приехали с ней в берлинский аэропорт. До отлёта оставалось 5 минут, когда Тимошенко вдруг вспомнила, что забыла сумочку с документами. Я занервничал, а она говорит с обворозительной улыбкой: «Не волнуйтесь. Без нас не улетят...» Я вернулся с её сумочкой через полчаса. Лайнер стоял как привязанный, а вся аэропортовская обслуга, особенно мужского пола, с восхищением о чём-то расспрашивала Юлию Владимировну», – вспоминает Д. Выдрин.

«Для неё нет ничего проще, чем охмурить любого мужика. Разве что Путин был исключением. Возможно, она просто не учла, что по своей первой профессии он и сам прекрасно справляется с ролью вербовщика», – заметил в разговоре с «АиФ» один чиновник из российского правительства.

Замужем за государством

По мнению наблюдателей, «леди Ю» гениально разыгрывает образ Елизаветы I, демонстрируя привлекательность и недоступность одновременно. Все должны понимать – она замужем за государством (хотя официальный супруг также имеется – Александр Тимошенко, сын советского партбосса из Днепропетровска). Между тем в Киеве давно судачат о её якобы многолетнем романе с Нестором Шуфричем, бывшим сотрудником администрации Кучмы и членом команды В. Януковича. Но никакая грязь к ней не прилипает.

Крёстным отцом Тимошенко в бизнесе и политике принято считать бывшего премьер-министра Павла Лазаренко. Говорят, он немало способствовал тому, чтобы к 35 годам Тимошенко возглавила «Единые энергосистемы Украины». Но когда Лазаренко попал в опалу, Тимошенко подружилась с президентом Л. Кучмой – гонителем экс-премьера. Потом и Кучма, назначивший её в правительство, стал злейшим врагом. Её арест в 2001 г. оказался роковым именно для президента. Говорят, войдя в камеру, Тимошенко положила на нары дорожную норковую шубку и, затребовав ведро и тряпку, принялась мыть тюремный пол. Тот арест окончательно подорвал репутацию Кучмы. Все телеканалы пестрели кадрами: гордая красавица, украинская Жанна д'Арк в наручниках и её невзрачный преследователь президент...

Ядерная бомба

Когда в 2004-м «леди Ю» встала на Майдане, все убедились: она гораздо ярче и сильнее Ющенко. Отчаянная безотцовщина, отличница из

индустриального Днепропетровска, сегодня она вышла на финишную прямую борьбы за власть. По отзыву одного из соратников, «для неё не существует запретов и барьеров. В бою она опасна, как ядерная бомба». Впрочем, политолог Станислав Белковский поделился с «АиФ» сенсационным планом, который для Киева может стать выходом из тупика: «Уже в этом году Тимошенко могла бы поменяться с Ющенко местами. Для этого он должен назначить досрочные выборы президента, на которых Юлия Владимировна безоговорочно победит. А взамен блок Тимошенко поддержит кандидатуру Ющенко на пост премьера». При таком раскладе Ющенко получит шанс сохранить себя во власти вплоть до очередных парламентских выборов 2012 г. А «оранжевая принцесса» Тимошенко в свои 48 лет наконец превратится в «королеву».

На российско-украинских отношениях её восшествие на престол, считают наблюдатели, отразится незначительно. Движение Украины в сторону НАТО продолжится, но при Тимошенко оно может несколько замедлиться. Как талантливому популисту ей важно создать иллюзию добрососедских отношений с Россией, чтобы не настроить против себя полстраны. Подготовка к выводу нашего Черноморского флота из Севастополя будет идти своим чередом, но сопровождающая её политическая риторика при Тимошенко несколько смягчится. К тому же как прагматичному бизнесмену ей наверняка удастся найти компромисс с «Газпромом»... Она торопится завоевать безраздельную власть. Не зря говорят, что ей присущ только один типично женский страх: страх увядания. Вдруг вместе с молодостью и красотой рассеются и её чары?

Текст 3. К практическим занятиям № 5-6:

Антикризисные меры («Приложение к Коммерсанту». – 15 апреля 2009. – № 67.).

Не ходить в SPA – все равно, что не дышать, не жить, не любить. Это дурно, не годится, не комильфо. Особенно отчетливо понимаешь это весной, когда душа уж рвется из груди и все, абсолютно все заняты приготовлением себя любимых к пляжному сезону. Эдуард Дорожкин уверен, что SPA может спасти даже от последствий финансового кризиса.

SPA – это вам не игрушки. О важности SPA для индустрии роскоши вообще можно судить по той невероятной тщательности, с которой готовятся к открытию центров красоты в гранд-отелях. Год подготовительных работ, год на строительство и еще год на то, чтобы все работало, как часы. Если раньше считалось, что лицо отеля – это reception и ресторан, то сейчас, конечно, это SPA-reception и собственно SPA. Даже самые убежденные поклонники традиционного отельного устройства, парижская Plaza Athenee например, сдают на милость победителя и выделяют, пусть и в подвале, пространства под территорию красоты. А ведь еще пять лет назад единственной доступной

процедурой в отеле-легенде был массаж от... как же звали этого североафриканского красавца? Не Мохаммед ли? – да, кажется, именно от него. Впрочем, по совести говоря, это был такой массаж, который стоит целого дня процедур в некоторых современных SPA, потому что и на этом чувствительном в прямом и переносном смысле слова рынке есть свои победители и аутсайдеры.

Победителей не судят. Практика показывает: если SPA хорошее, в нем все прекрасно. И бассейн прогрет ровно до комфортной температуры. И полотенца белоснежные. И музыка не гремит басами. И в процедурных комнатах не дует. И «pressure из о`кей». И чай из трав душист и свежесварен. Искусство SPA – коллективное искусство, и здесь, как нигде, важно понятие «команда». Поэтому бывает ужасно обидно, когда, приезжая в насиженное местечко, не обнаруживаешь вдруг «своего» косметолога, «своего» массажиста, «своего» банщика и даже «своего» ресепшюниста. На отличников SPA идет настоящая охота – не на юрисконсультов же, ей богу, охотиться в этот кризис.

Иногда случается так: чудовищный отель – и в нем вдруг, как спасительная соломинка, чудесный SPA. На острове Маврикий, скажем, есть такое старорежимное, обшарпанное заведение для маленьких детей из Польши и их дедушек и бабушек – гостиница «Дина Робин». Заехав туда, начинаешь с ужасом считать деньки до отъезда – и перестаешь делать это, едва переступив порог SPA Clarins. Да, пахнет краской, потому что идет ремонт. Да, листок SPA-меню знал не одну сотню рук. Да, девушки на reception не очень идут навстречу пожеланиям клиента. Но едва попадаешь в руки массажистки – это все перестает иметь значение. Спишь как младенец, просыпаешься достойным взрослым человеком.

Вообще главное достоинство SPA заключается в том, что оно указывает на существенное, основополагающее, что есть в человеке, и отбрасывает все наносное, как бы общественное, светское. В SPA мы все люди в белых халатах. Ну, или в легких полотняных костюмах – как, например, в отеле Ananda на том же Маврикий. Мне как-то случилось обедать в тамошнем SPA-ресторане. И по всегдашней дурацкой журналисткой привычке я стал расспрашивать о звездах – кто уже здесь был, а кто собирается. «А вы посмотрите вокруг повнимательнее», – отвечала собеседница. Осмотр дал поразительные результаты. Легкий полотняный костюм справа оказался Кайли Миноуг, легкий полотняный костюм слева – Натали Эмбрили.

Известно, что наш век – эпоха узких специализаций. И SPA с удовольствием следуют этому тренду. Существуют SPA аюрведические – та же Ananda. SPA традиционные – с классическим набором массажей, обертываний и косметических процедур для лица и тела. Их большинство. SPA национальные – во Вьетнаме, например, где упор делается на массаж по точкам. SPA фольклорные – на эстонском острове Муху, например, отдыхающих натирают свежим кефиром. SPA лечебные – таков, по моему убеждению, центр Анри Шено в Мерано. И, наконец, SPA термальные – самые полезные, на самом деле, и наименее раскрученные, как ни странно. Иногда эффект пребывания в SPA получается совсем не тот, которого ждали. Мы с

подругой поехали в отель Vagni di Pisa, славящийся своей термальной водой, для общего, скажем так, оздоровления – винцо, мяско ну и потом прыг в бассейн, чтобы все лучше усвоилось. За пять дней «прыгов» по полчаса каждый у подруги прошел так называемый тоннельный синдром, в борьбе с которым обычная лекарственная медицина бессильна.

На SPA-карте мира уже есть секретные точки, где можно вылечить «тяжелые ноги», уставший позвоночник, убрать синяки под глазами, третий, а то и четвертый подбородок, лишние складки в области живота и улучшить обмен веществ. Проблема в том, что у каждого такие точки свои и универсального рецепта здесь, увы, не существует, потому что, как говорил герой Островского, одному нравится арбузное зернышко, а другому – рыбий хрящик, и термальная вода, целительная для одного, другого может вогнать в жуткую тоску.

Но одну закономерность все-таки следует обозначить: чем дальше в Азию, тем интенсивнее SPA-процедуры. Балинезийский массаж во Франции и тот же массаж в исполнении специалистов из Banyan Tree где-нибудь в Джайпуре – это совсем не одно и то же. В Джайпуре после такого массажа придется полдня пролежать, благодаря Господа за чудесное спасение от мучительной смерти, зато на следующий день будешь как новенький. В Европе такие процедуры можно делать по три в день – и сиюминутного результата не будет. И тут вопрос, конечно, не в профессионализме, а в разнице культур.

Для достижения максимального эффекта хорошо сочетать европейские и азиатские техники, и, собственно, поэтому существуют и пользуются огромным спросом сетевые SPA, такие, как ESPA, Cinq Mondes, Banyan Tree, позволяющие клиенту чувствовать себя настоящим гражданином мира, SPA-космополитом.

Текст 4. К практическим занятиям № 5-6:

Костиков В. Дурак на стройке капитализма. Кто навязывает россиянам образ Ивана-дурака? («АиФ». – 19 ноября 2008.)

Вернувшийся недавно из зарубежной командировки приятель с огорчением говорил, что может безошибочно определить на улицах западных городов русского туриста. Дескать, плохо пострижен, неопрятен, в нечищенных ботинках, шумлив... Можно, конечно, и огорчиться. Но можно и понять: скромный достаток, настигший россиян в последние 10 лет, открыл им возможность съездить за рубеж. За границу хлынул поток российских провинциалов. И слава богу, что хлынул. Посмотрят на причёсанную заграничную жизнь, может быть, что-то из полезного и переймут. Ну а то, что одеты не по последней моде, – не всё сразу. Хорошо уже и то, что русский человек теперь воспринимается в Европе не как нищий советский командированный, а как человек, у которого завелись деньжата. По европейским меркам это уважаемый человек.

Лицо народа?

Худо не то, какими нас видит заграница, а то, как мы преподносим сами себя, какими нас лепят наше кино, театр, наши артисты. А здесь такой мрак, что хочется выключить телевизор, швырнуть книгу в угол и заткнуть уши. Знакомый итальянский журналист сетовал: «Если довериться вашему «новому кино», телеэкрану или откровениям модных российских писателей, то о русских и о России складывается совершенно превратное впечатление. Хорошо, что кроме кино и телевидения мы ещё бываем в настоящих русских семьях, имеем русских друзей».

Какой же образ россиянина лепят наши электронные и кинопрограммы? Ни дня без пол-литра, ни шагу без кружки пива, ни минуты без сигареты. Экраны заполнены так называемыми «народными образами» – охальниками, болтунами, пьяницами, развратными удальцами, прохиндеями, толстобрюхими ментами, похотливыми начальниками, бомжами, бездельниками, небритыми философами-неудачниками, виртуозами-матерщинниками. Такое впечатление, что всё наше население – это какой-то сброд, одни «оборотни в погонах» и без погон. На Западе тоже пьют, курят, развратничают, бродяжничают. Но лишь в наших новых фильмах, сериалах и театральных постановках водка, табак, матерщина, хамство – вся эта бытовая грязь и распущенность – выставляются как главный фон и особенность русского бытия. И всё это выдаётся за глубинную народность, за «проникновение в жизнь», за русский национальный характер. Все эти «особенности» русской рыбалки, русской охоты, русского застолья, русской любви... Лепится стереотип русского характера, который потом идёт и на экспорт, подхватывается западными журналистами. И всю эту псевдонародную халтуру, как мутную брагу, вливают в нас с самого детства. У нас даже в, казалось бы, безобидных мультиках что ни герой, то почти фольклорный придурок. Либо разудалый Иван-дурак, не слезающий с печки, либо фольклорный богатырь, сокрушающий собственной глупостью всё на своём пути, либо придурковатый русский волк. Недавно вышедший на экран и разрекламированный чуть ли не как шедевр мультфильм «Алёша Попович...» – просто апофеоз богатырской глупости и маразма. Такое впечатление, что наши мастера культуры поставили себе целью подтвердить дурацкую прибаутку:

Мы не сеем, мы не пашем,
А валяем дурака.
С колокольни (сами знаете чем) машем,
Разгоняем облака.

Слов нет: дури хватает везде. И в США, и в Европе, и в Азии. Недавно один американский придурок подал в суд иск Богу за то, что тот напускает на землю эпидемии, войны, потопа и засухи. Иск отклонили с формулировкой: «у ответчика нет почтового адреса». В Эстонии налоговая инспекция недавно предъявила иск местным фермерам за то, что их коровы портят воздух и ухудшают евроэкологию. В Японии уже несколько лет действует Клуб доброхотов. Его члены оставляют в городских туалетах небольшие суммы с просьбой к посетителям «делать добро». В Нью-Йорке местные кондитеры

отлили к Рождеству из шоколада партию распятого Христа, которого отдавали на съедение любителям сладкого.

Знать меру

Проигравший на недавних выборах в США Джон Маккейн на одном из предвыборных митингов вдруг грянул песню «Бомби Иран»... Смешно, не правда ли? Словом, придурков хватает и в Отечестве, и за границей. Важна мера дури. В России она явно не соблюдается. Причин, по-видимому, несколько. Что первично – вопрос для дискуссий. То ли бедность порождает одичание и повальное пьянство, то ли пьянство ведёт к деградации генетического фонда и, как следствие, всей бытовой культуры.

Некоторые аналитики склонны проводить аналогию нынешнего одурения с последствиями большевистского переворота 1917 г. Другие возлагают вину на нынешний строй. После 1917 года из страны, действительно, уехало более 2 млн. наиболее образованных людей. Приток кадров из России позволил заметно поднять уровень европейских университетов и конструкторских бюро. Уровень же культуры российских городов резко упал в силу массового притока малограмотного населения из деревни. С 1991 года из России уехало более 200 000 учёных, инженеров и одарённой творческой молодёжи. Не оттого ли из нас так попёрла российская дурь? Сказывается и крайне низкий уровень финансирования культуры. Вот и приходится кормить народ дешёвой развлекательной баландой. Социологи всё громче бьют тревогу по поводу падения морали. Люди стали циничнее, злее, ленивее, вороватее. На фоне охватившего страну «хохотунчика» резко упал и патриотизм. Попытки же искусственно подстегнуть любовь к «родному пепелищу» созданием всякого рода молодёжных движений оборачиваются показным любвеобилием к начальству и патриотическим сюсюканьем.

Для самоуспокоения, конечно, можно сказать о том, что и в богатейших США наблюдаются те же процессы. По данным Гэллага, почти 80% американцев считают, что моральный климат в стране деградирует. Разница между нами и американцами состоит в том, что мы во всём виним власть и государство, а американцы винят сами себя. Словом, пора присмотреться и к себе, и к власти...

Текст 5. К практическим занятиям № 5-6:

Никто из министров не упал («Независимая газета». – 2 ноября 2009. – Алкей.)

Повесть о президенте Татарстана Шаймиеве и публичной физзарядке как проявлении соборности

Раньше все было плохо и тоталитаризм бушевал, а теперь все хорошо и демократия ударила. Хотя некоторые разумные и правильные вещи происходили и в проклятое время большевиков. Вот, например, производственная гимнастика. Отличная, доложу вам, штука. Сближала

коллектив, оздоравлила дух путем укрепления тела. Вот и в Казанском кремле недавно заседание Республиканского совета по вопросам благотворительной деятельности, посвященное проведению в Татарстане Года спорта и здорового образа жизни, началось с десятиминутной физзарядки. Участие в ней приняли министры, руководители ведомств, главы муниципалитетов, предприятий, общественных организаций и т.д. «Вы замечательно провели зарядку, никто не упал, зато сколько энергии, сколько положительных эмоций», – похвалил участников этой самой зарядки президент Татарстана и председатель совета Минтимер Шаймиев.

У меня просто нет слов. Никто не упал. Это ж какими былинными богатырями надо быть, чтоб во время физзарядки не упасть ни разу. Не рухнуть без сил на пол. Не повалиться камнем вниз к ногам президента под свист и улюлюканье более крепких коллег и товарищей. Хотя откуда свист и улюлюканье? Это в стане всяких там оппозиционеров все время раздаются свист и улюлюканье. Они, кстати, еще и постоянно падают. Вместе с рейтингом. Рассказали мне тут одну трагическую историю. Идут по нашей прекрасной Родине коварные оппозиционеры и гадкие деструкторы. Видят Маленькую девочку. Та, натурально, мучает кошку. Спрашивают оппозиционеры Маленькую девочку. Зачем, спрашивают, ты кошку мучаешь? Та зарыдала горячими слезами (девочка, а не кошка, кошка как мяукала себе деструктивно, так и продолжала мяукать) и сказала сквозь всхлипывания: «А мне некого больше мучить». Так и мы. Нет у нас других министров, руководителей ведомств, глав муниципалитетов и пр. Некого у нас больше мучить. То есть не мучить, конечно, а гордиться и восхищаться. Наслаждаться тем, что мы по одной планете ходим, в одно время живем.

Злопыхатели сейчас все больше про кризис говорят, который якобы скоро на нас обрушится. Совсем озверевшие злопыхатели нагло утверждают, что этот пресловутый кризис до нас уже почти докатился, прямо вот-вот – и начнется. Мне смешно становится, когда я подобное слышу. Какой кризис, товарищи, у нас производственная гимнастика, некогда нам, отстаньте, пожалуйста, с вашими кризисами. Убежим от инфаркта, говорили в советское время руководители на местах. К инсульту, добавляли антисоветски настроенные элементы. Теперь бегать необходимости нету. Теперь просто надо ввести по всей Российской Федерации публичную физзарядку для слуг народа. Невзирая на чины и звания. Это же прелесть что за картина вырисовывается. Так и вижу я эту картину. Министры, руководители ведомств, народные депутаты каждое утро хватаются за гантели, пьют молочные коктейли, читают книги, ходят в театры, пропускают пешеходов на пешеходных переходах, борются с коррупцией и бюрократизмом. Верно говорят члены «Единой России»: в здоровом теле – здоровый дух. Ура, товарищи.

Текст 6. К практическим занятиям № 5-6:

А. Ковалевский «Шпион, вернувшийся с голода» («Русский Newsweek». – 23-29 октября 2006. – №41.)

Послать на задание «таинственного покупателя» – лучший способ проверить уровень сервиса.

Наверное, лучшее оправдание для фаната бондианы, пропустившего последний фильм – «Я шпион и был на задании». «Казино «Рояль» москвичка Оксана – большая поклонница сериала – до сих пор не посмотрела. И она действительно секретный агент и, так же как Бонд, часто меняет машины для спецзаданий. Миссия – под видом обычного покупателя оценивать качество обслуживания московских автосалонов. Садясь за руль нового автомобиля во время тест-драйва, она незаметно включает диктофон (он спрятан у нее под кофточкой) и записывает все разговоры с консультантом. Так, один из недавно бывших у нее в разработке мужчин категорически отказывался пристегнуться. «Я даже говорила ему, что плохо вижу дорогу, но этот наотрез отказался, – вспоминает Оксана, – теперь его, конечно, пожурят, но вряд ли уволят».

На Западе такие «спецоперации» – отточенный десятилетиями механизм проверки сотрудников на дружелюбность к клиенту: первые услуги Mystery Shopping (таинственная покупка) там стали предлагать в начале 70-х. Всего несколько лет назад методику взяли на вооружение российские бизнесмены. И если в 2004-м «Русскому Newsweek» пришлось проверять уровень сервиса в столичных банках на своих репортерах, то в 2006-м недавно закрывшийся журнал «Имеешь право» просто договорился со специализированным агентством Nextep. Подобные услуги в России оказывает уже с десятков компаний. А шпионская карьера – одна из самых завидных для молодых.

С помощью «таинственных покупателей» контролируются сотрудники сетевых магазинов, банков, автосалонов и даже авиакомпаний. Сопоставляемые «шпионами» рейтинги редко становятся публичными, исключение – когда их заказывают журналисты. Для руководства компаний это способ понять, как повысить покупательскую лояльность или «продегустировать кухню» конкурентов. «Отчасти это продолжение паранойи любого управляющего, который понимает, что до некоторых своих магазинов вообще никогда в жизни не доедет, – говорит управляющий партнер компании Serviceman Надир Алимов. – Такой руководитель хочет, чтобы по одному стандарту обслуживались не только магазины в Москве, но и в Липецке и Ярославле».

Первый заказ на «таинственные» услуги компании Serviceman получила три года назад, а до этого она специализировалась на обычных тренингах персонала. Потом появились первые серьезные клиенты, «Перекресток» и «Мобайл-Центр» – и пошло-поехало. Сейчас у Serviceman несколько десятков клиентов. Совсем недавно компании переехала в новое помещение. На столе одной из пяти офисных комнат разложен ватман с таблицей-графиком проверок. По вертикали – фамилии тайных агентов, по горизонтали – названия компаний – «жертв». В шкуре агента Надир Алимов побывал сам. «Вот мое удостоверение, – достает он из кармана корочку с фотографией и номером «001». – А у партнера, с которым мы проводили первые проверки, такое же, только «002». База данных «тайных агентов» – главная ценность Serviceman. На прицеле несколько сотен человек, действующих же агентов около шестидесяти.

«Конечно, я вам раскрою одного агента, – говорит Надир, подзывая молодого человека, и тут же грозит ему сувенирной клюшкой для гольфа. – Чепурин, только попробуй, выдай все наши секреты!».

Восемнадцатилетний первокурсник Евгений Чепурин работает «тайнственным покупателем» всего год, но уже завоевал авторитет среди коллег. «Просто я исполнитель, внимателен и делаю свою работу быстро и качественно», – не скромничает он. В последнее время Чепурин занимался проверками сети «Перекресток». Там он проводит проверки «со вскрытием» – это чисто российское ноу-хау: практически сразу представляешься, а потом просто ходишь с менеджером и выставляешь оценки. «Забавно, но персонал ближайшего ко мне «Перекрестка», куда я часто хожу как обычный покупатель, теперь каждый раз при виде меня услужливо кланяется, чуть ли не красную дорожку расстиляет», – смеется он.

С агентом Чепуриным корреспондент Newsweek пошел на проверку в магазин продуктовой сети «Билла», что в Перове. «Вот смотри, лоток с апельсинами – половина побитые и с гнильцой, – брезгливо показывает Женя. – А ведь это так называемый фейс-отдел, с него и начинается продуктовый магазин». Второй минус нарисовался почти сразу – через каких-то двадцать метров видим небрежно вываленные мешки сахара. Третий – за неработающую подсветку в холодильнике с пивом. «Хоть полы чистые и продавцы опрятно одеты», – констатирует Женя.

Критериев при проверке сетевых продуктовых магазинов может быть до сотни. Все зависит от заказчика. Пройдя вдоль прилавков, Чепурин отметил около 30 нарушений. В том же «Перекрестке», как правило, можно найти 15-20. Просто для «Биллы» качество сервиса, похоже, пока не приоритет – нет серьезных конкурентов поблизости.

Конкурентов, кстати, в последнее время «заказывают» все чаще и чаще. «Перекресток» не стесняется периодически проводить контрольные проверки «Седьмого континента», «Сбарро» сверял свою работу с деятельностью «Макдоналдса» и «Ростикса», а «Линзмастер», выходя в новый регион, с помощью «тайных покупателей» делал замеры по местным игрокам. «Лучше, конечно, чтобы они заказывали друг дружку еще чаще, – смеется Алимов. – Нам это интересно, потому что клиент один, а проверок больше». Крупный клиент может принести от 200000 до 300000руб. выручки в месяц. Половина уходит агентам. «Плюс налоги и аренда офиса, – загибает пальцы Алимов. – Рентабельность – 25-30%, но она падает. Конкуренция-то растет». А вот агенты на свой заработок не жалуются. Агенту Оксане один тест-драйв приносит до \$50, а за месяц выходит до \$1000 – неплохие деньги для вчерашней студентки. В среднем московский агент Serviceman зарабатывает от 10000 до 20000руб., в регионах – до 10000руб.

Клиенты тоже не жалуются. «Для нас проверки «тайнственных покупателей» – главный индикатор сервиса», – говорит вице-президент Альфа-банка Алексей Марей. На проверку своего персонала банк тратит до \$30000 в год. «Смысл не в том, чтобы жестоко наказать виновных сотрудников, хотя результаты проверок порой неудовлетворительны, – говорит банкир. – Мы

никого не уволили. Задача – совершенствоваться». Например, с помощью тайных агентов было выявлено, что вкладчики готовы ждать, но при этом хотят знать, сколько времени уйдет на ожидание. «Теперь мы их оповещаем, – рассказывает Марей. – А еще многие приходят к нам с детьми, и проверки показали, что их надо чем-то занимать. Взрослым раздаем журналы, а для детей у нас игра пятнашки».

Самое сложное в Mystery Shopping – это найти нужного агента. Лучшим поручаются самые сложные, но и самые высокодоходные и интересные проверки. В Nexter для подбора агентов существует целый отдел хендхантеров. «На простые проверки мы можем взять обычного агента, но иногда приходится искать специального человек», – говорит руководитель агентства Оксана Аульченкова. Так было, например, с оценкой сервиса на борту самолетов «Аэрофлота», который заказала сама же авиакомпания. «Таинственные покупатели» подбирались из людей, часто летающих в командировки и пользующихся исключительно бизнес-классом. «Это был целенаправленный поиск по социальному и финансовому статусу, – рассказывает Аульченкова. – Для таких людей \$150 за проверку – не деньги. Мотивация другая – интерес. Это социально ответственные люди. Их просто волнует ситуация с сервисом».

Авиакомпаниям еще не самые трудные клиенты агентств. Проверить элитный автосалон, торгующий машинами за \$100000, – вот задача для опытного шпиона. Для начала у него должен быть близкий по цене автомобиль – несостоятельного клиента консультант вычислит сразу. «У нас с одной сетью хохма была, – вспоминает Алимов, – менеджеры настолько привыкли к визитам агентов, что потом долго подозревали в шпионаже обычных покупателей». Эффект налицо. «Раньше менеджер с утра с похмелья непричесанный и небритый стоял с кислой рожей в самом дальнем углу. И ничего ему не надо было. Теперь он знает, что к нему придет агент, а по итогам проверки ему директор даст по голове», – говорит Алимов.

Особые качества нужны и при работе с ресторанами. «Заказываем бизнес-ланч и проверяем, сколько времени уходит на приготовление и разнос блюд, придумываем нестандартные ситуации – например, заказываю горячее, а потом говорю, что это не мой заказ. Интересно, поменяют или начнут ругаться?» – рассказывает агент Nexter Наталья, раньше работавшая психологом. Мы с ней идем устраивать провокации в недавно открывшийся «Кофе Хауз» на Павелецкой. Ни высыпание пепла на стол, ни выстраивание груды посуды не сработало. С каждым форс-мажором официантка справлялась безропотно, а ответом на варварство была улыбка. Правда, уже потом оказалось, что девушка эта вовсе не обычная официантка, а подменявший ее опытный менеджер.

Как говорят сами агенты, каждое шпионское задание, будь то ресторанный проверка или проверка «со вскрытием» супермаркета, – адреналин и кайф. Но порой даже сами секретные агенты не подозревают, что за их работой тоже ведется наблюдение. «Надир иногда вообще сам ходит на проверки, – говорит Женя Чепурин. – Может прийти через какое-то время и сопоставить результаты. Так что не схалтуришь».

На Западе технология «скрытого шопинга» работает по-другому. Там правят интернет-технологии. Типичная западная схема – у немецкого International Service Check головной офис компании в Мюнхене, но, зайдя на его сайт, можно наняться на работу и в России. Для начала нужно отправить заявку с личными данными. Через несколько дней на почту приходит предложение пройти квалификационный тест на проверку «Макдоналдса». Если он пройден успешно, уже через неделю приходит уведомление о времени и месте настоящих проверок, за каждую из которых International Service Check обещает перечислить на счет 120 руб. плюс 110 руб. в качестве компенсации за потраченные на обед деньги. Правда, в Интернет уже появились жалобы на то, что немцы «кидают» своих агентов. Возможно, поэтому отечественные «таинственные покупатели» не считают иностранцев серьезными конкурентами.

Российский рынок Mystery Shopping оценивается примерно в \$5 млн. Но уже года через три-четыре он может дорасти до \$50 млн. У того же Serviceman выручка каждый год растет в два раза: в прошлом году она была \$600000, а в этом будет уже \$1,1 млн. Те же показатели – у всего рынка, говорит Алимов. Он уверен, что технологию Mystery Shopping можно эффективно применять практически в любых сферах. Другое дело, что не все захотят ее использовать. Например, чиновники вряд ли будут среди заказчиков. «Хотя для них это было бы суперэффективно, – улыбается Алимов. – У них же главный стандарт – не брать взятки».

Алимов считает, что с помощью Mystery Shopping искоренить коррупцию в стране можно за год. Но браться за такую работу он сам не хочет – боится, что не проработает и года.

Текст 7. К практическим занятиям № 7-9:

Листопадник: удушение родного (газета «Советская Россия»).

(а) «В статье «Пощадите святыни» рассказано об ударе, постигшем Музей Древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева: по иску гр. Григорьянца С.И. Этому спекулянту картинами и иконами, отсидевшему свой срок, но амнистированному на волне ельцинской «Демшизы», как называет то время глава Администрации Президента, возвращаются 5 икон, отнятых в свое время аферистом у храма, три из них – XIVвека!»

(б) «Этот хищник, именующий себя правозащитником, осенью 1993 года накануне введения ОПУСа (значит, все готовилось заранее и опиралось вот на таких слуг устанавливаемого режима) захватил с помощью вооруженных бандитов здание писательского издательства «Советский писатель».

(в) «Но Григорьянц, издавший листок «Гласность», не ожидал такого отпора сотрудников издательства, включая женщин, писателей и депутатов Верховного Совета, которые помогли нам пресечь захват. А потом уж «правозащитничка» мы сами вытряхнули из здания на Поварской».

(г) «Теперь Григорьянц, проведший не одну конференцию против КГБ, чувствуя полное безволие правоохранительных органов, захватил национальное достояние, поправ закон «О неделимости музейного фонда».

(д) «Хищники-григорьянцы продолжают терзать Россию, посягая на родные святыни...»

Текст 8. К практическим занятиям № 7-9:

А. Гордон Передача «Хмурое утро» (Радиостанция «Серебряный дождь»)

(1) [Гордон:] Блин, ну просто знаешь, у меня аж зашло все! Но слава Богу, что он [фильм] снят. Я обязательно напишу ему письмо и обязательно попрошу его стать генеральным секретарем нашей партии, потому что большего цинизма, откровеннейшего цинизма, более гнусного цинизма, я просто не знаю!

(2)[Гордон:] Хотя мне кажется, что фильм [«Утомленные солнцем»] дерьмовый. В прямом смысле этого слова. Дерьмовый, фальшивый, сделанный абсолютно с этой американской позолотой и абсолютно для их слюнявых ртов.

(3)[Гордон:] Важно другое. Что Никита Сергеевич, видный общественный деятель, который стремится стать Президентом Российской Федерации, как последняя б..., тратит на свою парфюмерию, да? На свою косметику, на свои наряды те деньги, которые честный человек в этой стране употребил бы для других целей.

(4)[Гордон:] И тут этот разжиревший мэтр, буквально на мешках с бриллиантами, да, снимает, оказывается, достояние русского народа очередное!

(5)[Гордон:] Я вспоминаю бедного Пушкина, заложенного перезаложенного во всех письмах про долгах пекущегося и не знающего, как и в какую сторону от кредиторов бежать на старости его лет. Стыдно! Никита Сергеевич, стыдно! Даже не просто стыдно, похабно! Вот что я могу сказать! Похабно!

Текст 9. К практическим занятиям № 12-13:

Разговор матери мужа и матери жены, оставшихся в комнате после семейного обеда и затеявших разговор "по душам".

Д. Мне хочется побыть с ними – они туда не идут. И я сюда пришла. Не могу, ой, а что ты сделаешь?! Ладно потерплю еще завтрашний день тоже так. Ну разве можно?! Столько оскорблений, столько неприятностей! Ужас!

В. Да, А.О. Неужели Вы обращаете внимание, что она курит. Конечно, ну я уже настолько привыкла, что я на это не обращаю никакого внимания. Вы не обращайтесь внимания.

Д. Не обращать внимания – это нельзя, Н.Н. Так нельзя, так себя не ведут. Ведь так не было же. Вот как был отец, она была шелковая.

В. Но, А.О., это уже сам человек...

Д. И теперь если бы был жив отец, она бы так себя не вела. Она понимает, что... я теперь, что хочешь она со мной делает. Мне некому, некому сказать ничего. Нет, так не было. Да, конечно, не было. Да, пожалуй, так не было. Мне надо уже принять к сведению и немножко надо подумать о том, как же жить дальше.

В. Ну хорошо. Дальше и... Ну сколько я ее знаю, она за это время лучше или хуже не стала. С первого дня... Наоборот сейчас она стала глаже и менее вспыльчивой и отсюда... я не вижу никаких изменений. Надо просто не обращать внимания и сейчас же переключиться.

А. За что она так?

В. Ну это же характер.

Д. Разве я заслужила?

В. Это же характер.

Д. А?

В. Я не заслужила и Вы не заслужили.

Д. (плачет) Я терпела все время. Все молчу и все молчу...

В. Но это естественно. Когда она приезжает всего на две недели, чем каждый день мотаться туда...

Д. Нет, мне не надо было этого делать. Но я опять пошла на поводу у них... Но раз им не хочется туда идти, и мне не надо было сюда идти.

В. Но почему тогда...

Д. А смотрите как...

В. Вы лучше одно поймите: здесь свободней, здесь места много, и в садик вышли – отдохнуть и все, а...

Д. Но...но все-таки...

В. И Ленке здесь хорошо.

Д. Раньше им там было неплохо. Они сюда пошли, тут... а сейчас решили... не подумала. Может быть они решили, что они не придут и я сюда не приду.

В. Ну, А.О., ну не накручивайте так. Просто и без того жизнь трудная. Зачем ее накручивать еще?!

Д. Трудней моей жизни ни у кого нет.

В. Просто понимаете, примите к сведению, что хорошая жизнь, потому что слишком много плохого.

Д. У меня хорошего больше нет и не будет никого.

В. Слушайте, у меня тоже в жизни ничего нет.

Д. М-м. Вы совсем другое. Вы совсем другое, Н.Н. Вот у меня не получилось у меня. Особенно... После летнего последнего фокуса, что они со мной сделали... Мне надо было вообще снять... Не вообще снять...

В. Не надо себя. У вас одна дочь. Она вас любит и не надо ничего...

Д. Неверно. Не будет ни Лены, ни... Зачем ты не едешь в Ростов? Ведь они не звали в Ростов, ну зачем я поеду!

В. Нет, ну зачем Вы это говорите?!

Д. Вы ее брали на море, возьмите ее в Ростов.

В. Ну зачем это говорить! Но если вы будете все время это крутить это же не...

Д. Можно же было так сделать? Так можно было сделать! В прошлом году в таком состоянии и мне сказать: нет, мы тебя не возьмем. И я опять к ним иду.

В. Потому что дети есть дети.

Д. Нет.

В. Не требуются наши обиды. Потому что тогда жить нельзя. Отсюда жизнь такая. Жить-то осталось... Дети есть дети.

Д. Ну у других тоже дети есть.

В. Ну что ж, у других свои трудности есть.

Д. Наташка курит да?

В. Ну а что же я одна ж тоже.

Д. Но она же бросила курить. Она сказала, что бросила.

В. Как уехали в Ростов их вместе все считают. Дима обещал бросить. Но теперь я вижу, как он собирается обещание выполнять. А сам говорил: обязательно брошу, и вредно, и то, и другое.

(Молчание)

Д. Если бы что-нибудь сказали подобное лет семь тому назад, что она вот будет и я, я бы не поверила. Так не пойдет.

В. Мать есть мать. Не вижу никаких изменений с Наташей. Что три года, что четыре года, что пять лет. Все то же самое.

Д. Нет, Н.Н.

В. Все тот же характер, все то же самое. Единственное – я считаю, что сейчас она все-таки повзрослела и... как-то элементы большей сдержанности у нее есть, чем было раньше.

Д. Ну особенно в отношении ко мне стала она не такая. Она не была такая. Может быть она там...

В. Все одно и то же. Ну, слушайте, ну чем она... Ну помните – с юга приехали. Каждый раз Вы говорите: вот она стала хуже. Да не хуже, она лучше стала!

Д. Ну что же она лучше становится?

В. Просто Вы отвыкаете за это время.

Д. Она была скромнее, ко мне относилась не так. Очень заботит.

В. Ленку они наверное там опять... сделают черной, но худой.

Д. Ну они нее не будут мыть ее там по-человечески.

В. В море покупают...

Д. Когда Ленка станет старше, она отвернется от них. Она сейчас маленькая, она не понимает. Приласкают – она опять к ним. А так... нельзя к ребенку относиться. Она ж чувствует это. Как зовут, тогда ее тут нет и обижаются на нее, что... Но она как все дети: переплачет и опять к ним идет. Это же боль.

В. Радость. Ко мне эти дни не подходит. Она все время к маме просится.

Д. Но это вполне естественно. Просто пока она очень мала.

В. Конечно. Я считаю, так и должно быть.

Д. А вообще так к ребенку не относятся.
В. Душно здесь.
Д. Жарко. Сегодня жарко очень.
В. Да, наверное, душно очень.
(Расходятся)

Текст 10. К практическому занятию № 14:

Иван Шестаков «Соратник – убийца? Кто виноват в смерти премьера Грузии З. Жвания? Ничего святого для Саакашвили не осталось?» («АИФ». – 26 ноября 2008. – №48.)

5 лет назад в Грузии победила так называемая «революция роз». Страну возглавил человек, которого за эти годы обвиняли в коррупции, развале грузинской экономики, геноциде югоосетинского народа и даже ликвидации своих соратников.

В своей программе «Момент истины» Андрей Караулов размышляет о том, мог ли М. Саакашвили убить в ночь со 2-го на 3 февраля 2005 года тогдашнего премьера Грузии З. Жвания.

Жвания – мятежник

О том, что это было именно убийство, а не отравление угарным газом, заговорили сразу же после случившегося. «Это передел финансовых потоков, – заявил тогда известный грузинский оппозиционер И. Гиоргадзе. – Жвания был сильнее, авторитетнее. Не через президента, а через премьера проходили те потоки, которые требовались первому лицу. Теперь он на этот счёт абсолютно спокоен». Экс-президент Грузии Э. Шеварднадзе 1,5 года назад в эфире 1-го российского телеканала сказал буквально следующее: «Экспертиза, в том числе американская, не подтвердила того, что Жвания отравился газом. Значит, его убили, но дело до сих пор не раскрыто».

Ещё одну причину, по которой грузинский президент мог желать смерти своему премьеру, озвучил Л. Пирвели, в 1999-2003 гг. депутат грузинского парламента: «Это ведь Жвания нашёл Саакашвили, привёл Бурджанадзе. Сначала они попали в парламент, а через год, на президентских выборах, перед самым финалом Саакашвили рванул вперёд и вместо Жвания стал первым. С того момента у них и начались разногласия. Когда в 2004 году Саакашвили вместе с бывшим министром обороны затеяли первый поход на Южную Осетию, именно Жвания помешал им осуществить то, что случилось в августе 2008-го. Мы встречались с ним за две недели до его гибели, и он рассказывал, что готовит давление общественности с целью уменьшения власти президента. Это не был государственный переворот, скорее конституционный, и, естественно, обо всём знал Саакашвили».

Что же произошло в ночь со 2-го на 3 февраля 2005 года в центре Тбилиси? По официальной версии, в тот вечер 41-летний премьер-министр встретился со своим 25-летним другом Юсуповым, зам. губернатора одной из грузинских областей (намекали на их слишком близкие отношения). Под утро

обеспокоенные охранники разбили стекло и обнаружили в квартире два тела. Оба мужчины якобы отравились угарным газом. «Я читал доклад американского ФБР о результатах проведённой ими экспертизы, – говорит Л. Пирвели. – Он был опубликован у нас на грузинском языке, а я читал его ещё и в английском варианте. Так вот, там сказано, что в организме З. Жвания не было найдено следов угарного газа, который мог бы привести к его гибели. В грузинском варианте «не было» заменили на «было».

Пролить свет на эту смерть мог глава экспертного бюро при Минюсте Грузии Леван Самхараули, который участвовал в расследовании, – говорит президент медиахолдинга «Джорджиян тайме» М. Гулашвили. – Он собирался дать на эту тему пресс-конференцию, а за несколько дней до события его застрелил якобы сошедший с ума одноклассник, который последним выстрелом пустил пулю и себе. Были и другие странные факты. На стаканах в квартире, где обнаружили тела, не оказалось отпечатков пальцев погибших, хотя они наполовину были заполнены коньяком. Не нашли и одного ботинка премьера. Потеряли по дороге, когда везли тело оттуда, где Жвания был реально убит?»

Пепельницей по голове?

Это и есть ключевой момент во всей истории. Ходили слухи, что премьера убили в автомобиле президента или на его даче, а потом привезли в ту квартиру. Туда же доставили и труп Юсупова. Но кто именно убил Жвания?

«У него была очень хорошая охрана. Значит, это произошло там, куда она не могла попасть, – говорит Л. Пирвели. – Моя версия такая. До сих пор в их кабинетах постоянно идут разборки, всё это сопровождается матом, драками. Скорее всего, произошло случайное убийство в такой нервной обстановке, а потом его решили превратить в несчастный случай, но очень неудачно. На голове у мёртвого Жвания обнаружили рану, как от удара чем-то тяжёлым. Это всё зафиксировано в документах ФБР».

Итак, это был Саакашвили? «Человек, который периодически впадает в такое состояние, что жуёт собственный галстук, мог, конечно, как мы, журналисты, предполагаем, сам ударить Жвания пепельницей сзади по голове, – говорит А. Караулов. – Боюсь только, что, если родственники убитого премьера для установления истины согласятся на эксгумацию и вскрытие могилы, из неё исчезнет труп».

Текст 11. К практическому занятию № 15:

Надежда Тэффи. Жизнь и воротник.

Человек только воображает, что беспредельно властвует над вещами. Иногда самая невзрачная вещица вотрется в жизнь, закрутит ее и перевернет всю судьбу не в ту сторону, куда бы ей надлежало идти.

Олечка Розова три года была честной женой честного человека. Характер имела тихий, застенчивый, на глаза не лезла, мужа любила преданно, довольствовалась скромной жизнью.

Но вот как-то пошла она в Гостиный двор и, разглядывая витрину мануфактурного магазина, увидела крахмальный дамский воротник, с продернутой в него желтой ленточкой.

Как женщина честная, она сначала подумала: «Еще что выдумали!» Затем зашла и купила.

Примерила дома перед зеркалом. Оказалось, что если желтую ленточку завязать не спереди, а сбоку, то получится нечто такое, необъяснимое, что, однако, скорее хорошо, чем дурно.

Но воротничок потребовал новую кофточку. Из старых ни одна к нему не подходила.

Олечка мучилась всю ночь, а утром пошла в Гостиный двор и купила кофточку из хозяйственных денег. Примерила все вместе. Было хорошо, но юбка портила весь стиль. Воротник ясно и определенно требовал круглую юбку с глубокими складками.

Свободных денег больше не было. Но не останавливаться же на полпути?

Олечка заложила серебро и браслетку. На душе у нее было беспокойно и жутко, и, когда воротничок потребовал новых башмаков, она легла в постель и проплакала весь вечер.

На другой день она ходила без часов, но в тех башмаках, которые заказал воротничок.

Вечером, бледная и смущенная, она, заикаясь, говорила своей бабушке:

– Я забежала только на минутку. Муж очень болен. Ему доктор велел каждый день натираться коньяком, а это так дорого.

Бабушка была добрая, и на следующее же утро Олечка смогла купить себе шляпу, пояс и перчатки, подходящие к характеру воротничка.

Следующие дни были еще тяжелее.

Она бегала по всем родным и знакомым, лгала и выклянчивала деньги, а потом купила безобразный полосатый диван, от которого тошнило и ее, и честного мужа, и старую вороватую кухарку, но которого уже несколько дней настойчиво требовал воротничок.

Она стала вести странную жизнь. Не свою. Воротничковую жизнь. А воротничок был какого-то неясного, путаного стиля, и Олечка, угождая ему, совсем сбилась с толку.

– Если ты английский и требуешь, чтоб я ела сою, то зачем же на тебе желтый бант? Зачем это распутство, которого я не могу понять и которое толкает меня по наклонной плоскости?

Как существо слабое и бесхарактерное, она скоро опустила руки и поплыла по течению, которым ловко управлял подлый воротник.

Она обстригла волосы, стала курить и громко хохотала, если слышала какую-нибудь двусмысленность.

Где-то, в глубине души, еще теплилось в ней сознание всего ужаса ее положения, и иногда, по ночам или даже днем, когда воротничок стирался, она рыдала и молилась, но не находила выхода.

Раз даже она решилась открыть все мужу, но честный малый подумал, что она просто глупо пошутила, и, желая польстить, долго хохотал.

Так дело шло все хуже и хуже.

Вы спросите, почему не догадалась она просто-напросто вышвырнуть за окно крахмальную дрянь?

Она не могла. Это не странно. Все психиатры знают, что для нервных и слабосильных людей некоторые страдания, несмотря на всю мучительность их, становятся необходимыми. И не променяют они эту сладкую муку на здоровое спокойствие – ни за что на свете.

Итак, Олечка слабела все больше и больше в этой борьбе, а воротник укреплялся и властвовал.

Однажды ее пригласили на вечер.

Прежде она нигде не бывала, но теперь воротник напялился на ее шею и поехал в гости. Там он вел себя развязно до неприличия и вертел ее головой направо и налево.

За ужином студент, Олечкин сосед, пожал ей под столом ногу.

Олечка вся вспыхнула от негодования, но воротник за нее ответил:

– Только-то?

Олечка со стыдом и ужасом слушала и думала:

– Господи! Куда я попала?!

После ужина студент вызвался проводить ее домой. Воротник поблагодарил и радостно согласился прежде, чем Олечка успела сообразить, в чем дело. Едва сели на извозчика, как студент зашептал страстно:

– Моя дорогая!

А воротник пошло захихикал в ответ.

Тогда студент обнял Олечку и поцеловал прямо в губы. Усы у него были мокрые, и весь поцелуй дышал маринованной корюшкой, которую подавали за ужином.

Олечка чуть не заплакала от стыда и обиды, а воротник ухарски повернул ее голову и снова хихикнул:

– Только-то?

Потом студент с воротником поехали в ресторан, слушать румын. Пошли в кабинет.

– Да ведь здесь нет никакой музыки! – возмущалась Олечка.

Но студент с воротником не обращали на нее никакого внимания. Они пили ликер, говорили пошлости и целовались.

Вернулась Олечка домой уже утром. Двери ей открыл сам честный муж.

Он был бледен и держал в руках ломбардные квитанции, вытасченные из Олечкиного стола.

– Где ты была? Я не спал всю ночь! Где ты была?

– Вся душа у нее дрожала, но воротник ловко вел свою линию.

– Где была? Со студентом болталась!

– Честный муж пошатнулся.

– Оля! Олечка! Что с тобой! Скажи, зачем ты закладывала вещи? Зачем занимала у Сатовых и у Яниных? Куда ты девала деньги?

– Деньги? Профукала!

И, заложив руки в карманы, она громко свистнула, чего прежде никогда не умела. Да и знала ли она это дурацкое слово – «профукала»? Она ли это сказала?

Честный муж бросил ее и перевелся в другой город.

Но что горше всего, так это то, что на другой же день после его отъезда воротник потерялся в стирке.

Кроткая Олечка служит в банке.

Она так скромна, что краснеет даже при слове «омнибус», потому что оно похоже на «обнимусь».

– А где воротник? – спросите вы.

– А я-то почему знаю, – отвечу я. – Он отдан был прачке, с нее и спрашивайте. Эх, жизнь!

РАЗДЕЛ III. ХРЕСТОМАТИЯ

№ 1. К практическому занятию № 1:

Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003. – С. 83 – 85. ()

(...) Во второй половине XX века интересы языкознания отчетливо переместились в сферу языковой коммуникации, что воплотилось в появлении ряда «двойных» дисциплин (когнитивной, психо-, социо-, прагма- и прочих лингвистик).

Если в начале XX века лингвистику прежде всего занимал вопрос *Как устроен язык?*, то во второй его половине и особенно в последней трети больше внимания уделяется вопросу *Как функционирует язык?* (...) В этой связи по-новому мыслится спор формализма и функционализма.

Формализм исходит либо из утверждения об отсутствии у языка собственных точно определяемых функций, либо из теории о полной независимости формы от функций (...). Поэтому в своей методологии формализм настаивает на анализе структурных особенностей «языка в себе», не отягощенном изучением «языка в общении».

Принцип функционализма, опираясь на метафору «языка инструмента», исходит из семиотического понимания языка как системы знаков, которая *служит* или *используется* для достижения каких-либо целей, выполнения каких-либо функций. Методология функционализма предполагает изучение и структуры, и функционирования языка с целью выявления соответствий между ними. Теоретически функционализм основывается на признании взаимозависимости между формой и функцией, учете влияния употребления языка на его структуру. (...)

Функционализм придерживается следующих принципов или «аксиом» (...):

- язык – это социально-культурная деятельность;
- структура языка обусловлена когнитивной или коммуникативной функцией;
- структура не произвольна, а мотивирована, иконична;
- постоянно имеют место изменения и вариативность;
- значение зависит от контекста (...);
- категории размыты (...);
- структура гибкая, адаптивная система, а не застывшее формирование;
- грамматики постоянно возникают и видоизменяются;
- грамматические правила допускают отклонения.

(...) дискурс-анализ, будучи представителем функциональной парадигмы, органично интегрирует достижения и данные всей предшествующей формально-структурной лингвистики.

№ 2. К практическому занятию № 1:

Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003. – С. 33 – 40.

Теоретические модели коммуникации

Любое исследование языка и общения опирается на ту или иную модель коммуникации, в соответствии с которой определяются такие категории, как коммуникация и информация, их разный статус в теоретических построениях.

Информационно-кодовая модель коммуникации

Ярким примером теоретического подхода, отдающего приоритет информации, стала кодовая модель коммуникации. (...)

Эта модель демонстрирует возможность воспроизведения информации на другом конце цепочки благодаря процессу коммуникации, осуществляемому посредством преобразования сообщения, неспособного самостоятельно преодолеть расстояние, в сигналы кода, которые можно транслировать. Шум и помехи в канале связи могут исказить сигнал и даже перекрыть его. Если канал чист, успех коммуникации в основном зависит от эффективности работы (де)кодирующих устройств и идентичности кода на вводе и выводе.

Адаптированная для представления человеческой речевой коммуникации информационно-кодовая модель остается в принципе той же: говорящий («отправитель») и слушающий («получатель») оба обладают языковыми (де)кодирующими устройствами и «процессорами», перерабатывающими и хранящими мысль или «информацию». В устной речи «сигнал» акустический, а «канал связи» – любая физическая среда, проводящая звуковые волны. Такой взгляд на речевую коммуникацию основан на двух тезисах: во-первых, каждый национальный язык (хинди, английский, русский и т. п.) является кодом; а во-вторых, эти коды соотносят мысли и звуки.

Кибернетическая модель возникла в годы революционного развития телекоммуникационных технологий, но два основополагающих тезиса, на которых она держится, имеют куда более долгую историю в науке о языке. Эти идеи можно найти у Аристотеля, авторов грамматики Пор-Рояля и др. Точка зрения на языковую коммуникацию как (де)кодирование мыслей в звуках так глубоко укоренилась в западной культуре, что стало просто невозможно относиться к ней как гипотезе, метафоре, а не как к абсолютному факту. (...)

Но кодовая модель (в своем семиотическом обрамлении) не может адекватно описывать реальные процессы коммуникации на том или ином естественном языке.

Ясно, что понимание предполагает нечто большее, чем только декодирование – само по себе декодирование локализуется там, где акустический сигнал переходит в языковой образ, однако интерпретация высказывания на этом этапе не заканчивается.

Если принять точку зрения на язык как на код, то знаковой основой определенного языка должно быть соответствие фонетических репрезентаций семантическим (...), но между этими семантическими репрезентациями и «мыслями» или смыслами, передаваемыми высказываниями в процессе общения, «дистанции огромного размера». Кроме того, кодовая модель ограничивает сообщения только теми мыслями, которые говорящий излагает намеренно. Многие исследователи предлагают различать «коммуникативный материал» или то, что сообщается намеренно, в соответствии с интенцией автора, и «информативный материал» – то, что может быть воспринято независимо от того, хотел ли этого говорящий или нет.

Кодовая модель может быть кратко описана следующим образом: роли участников – отправитель, получатель, сообщение содержит информацию о положении дел или «мысль» говорящего, которую он намеренно передает слушающему; они оба владеют кодом (знаковой системой языка), конвенционально соотносящим звуки и значения. Эта модель покоится на фундаменте примитивной intersубъективности: цель коммуникации – общая мысль или, точнее, сообщение (*shared message*); процесс достижения этой цели основан на существовании общего кода (*shared code*). И то, и другое предполагает большую роль коллективного опыта: идентичных языковых знаний, предшествующих коммуникации.

(...) Ее (кодовой модели коммуникации – О.Ч.) эвристическая ценность ограничена семиотическими подходами к изучению языка, а ее слабости более всего сказываются на семантико-прагматическом уровне.

Инференционная модель коммуникации

Проблемы семантико-прагматического характера, обнаружив неадекватность кодовой модели, стимулировали разработку инференционной модели коммуникации, идейным отцом которой стал Герберт Пол Грайс.

В этой модели и участники коммуникации, и само сообщение получают несколько иной статус. Intersубъективность и здесь играет главную роль, но уже в другом качестве. В отличие от кодовой модели, где участники, сообщение и сигнал связаны по сути симметричным отношением кодирования и декодирования, инференционная модель в качестве своего функционального основания использует принцип выводимости знания. Если в кодовой модели говорящий намеренно *отправляет* слушающему некоторую *мысль*, то в инференционной модели говорящий *S*, вкладывая свой смысл, т. е. то, что он «имеет в виду», в высказывание *x*, трижды *демонстрирует свои интенции*: (*i*₁) намерен произнесением *x* вызвать определенную реакцию *r* в аудитории *A*; (*i*₂) он хочет, чтобы *A* распознала его намерение, а также (*i*₃) чтобы это распознавание намерения *i*₁ со стороны *A* явилось основанием или частичным основанием для реакции *r*. Присутствие этих трех интенций необходимо, чтобы кто-то стал «говорящим», а их выполнение необходимо для успеха коммуникации. Но функционально единственно необходимой оказывается только *i*₂.

Иницирует процесс общения не желание человека передать «мысль» или информацию, а его желание сделать свои интенции понятными другим.

Речевые средства для выражения намерений – это высказывания. Их содержание не ограничено (в отличие от кодовой модели) репрезентативными сообщениями о положении дел, они могут выражать, например, эмоции. Интенции сами по себе совсем не пропозициональны, по своей природе они сродни установкам или мотивам. Но содержание высказываний или сообщение (message) пропозиционально. Интенции определяют, как должно пониматься данное пропозициональное содержание. Хотя не надо забывать, что инференционная модель коммуникации рассматривает и те случаи, когда в сообщении нет никакого пропозиционального «смысла» и оно вообще не использует «кода».

Вследствие того, что большинство исследователей исходит из монадного представления коммуникации (как, впрочем, и всего социального), естественным оказывается стремление к единой модели коммуникации. Кодовая модель укоренилась в научном и обыденном сознании. Инференционная модель появилась не так давно, но хорошо воспринимается на уровне «здравого смысла». В этой ситуации трудно устоять перед соблазном считать новую модель развитием старой, а не принципиально иным альтернативным подходом. Так и случилось с логикой общения Грайса: многие представители прагматической лингвистики и философии языка, часто неосознанно, подводили его инференционную модель под привычный кодовый шаблон. (...)

Пытаясь показать взаимосвязь между субъективным смыслом говорящего и языковым значением, Серль фактически ограничил принципы Грайса сферой «буквального значения», которое он определяет через интенции говорящего (...), включая намерение говорящего, чтобы его интенции были распознаны, но добавляет: говорящий должен стремиться к тому, чтобы слушающий узнал его интенции (...). Такое решение сводит все значение инференционной модели к дополнению кодовой с небольшой добавкой о том, что в общении людей декодированию подлежит намерение говорящего, чтобы его высказывание было понято определенным образом.

Грайс же исходит из предположения о том, что коммуникация возможна при наличии любого способа распознать интенции (это опять-таки из области здравого смысла). Если следовать его логике, то должны быть случаи коммуникации исключительно инференционной, без (де)кодирования. И такие случаи есть. Пол, например, спрашивает Линду о том, как она себя чувствует, она вместо вербального ответа показывает ему коробку с аспирином (...). Ее ответ не содержит кода: нет правила или конвенции, стабильно соотносящих это действие со значением «плохо себя чувствовать». Тем не менее Пол успешно распознает ее намерение. Дж. Серль не отрицает возможности инференционной коммуникации, но все же настаивает, что такие случаи, не использующие кода, редки, маргинальны, и человеческое вербальное общение фактически всегда опосредовано кодом. Преимущественным способом коммуникации был и остается вербально-кодовый, но уже само по себе существование таких «необычных» примеров выявляет слабости кодовой модели.

Существует также «сильная» версия инференционной теории, сводящая все кодовые механизмы к инференционным, выводным. Код в этом случае трактуется как набор конвенций, общий для говорящих и слушающих, которые выводят сообщение из знания конвенций, сигнала и контекста. Этот подход хорош для анализа условных символов, но его ограниченность проявляется, как только в фокусе оказывается живой язык: языковые репрезентации не всегда концептуальны, а отношения между ними не всегда основаны на выводимости. Видимо, речь идет о различных, порой пересекающихся и дополняющих друг друга процессах – кодировании/декодировании и инференции. Поэтому ни информационно-кодовая, ни инференционная модель, отдельно взятые, не могут объяснить феномена языкового общения. Еще больше вреда приносит абсолютизация любого из подходов. Традиционно в данной модели само понятие инференция определяется скорее логически, чем психологически, отсюда – досадное завышение роли дедукции и прочие нелепые, но закономерные несоответствия современным когнитивно-психологическим представлениям.

Говоря об изменении смысла понятия интерсубъективность в рамках инференционной модели, необходимо эксплицировать роль инференционных правил (например, постулатов коммуникативного сотрудничества по Грайсу и максим вежливости) в роли важнейшего компонента «общих знаний» (shared knowledge) наряду с правилами языкового кода. Качественно новым оказался выход интерсубъективности – «главного принципа коммуникации» за пределы языка, в сторону правил поведения, не обладающих алгоритмической природой языкового кода, но способных генерировать смыслы, в частности, в случае их невыполнения, «обманутого ожидания».

Интеракционная модель коммуникации

Интеракционная модель коммуникации в соответствии со своим наименованием в качестве главного принципа выдвигает взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия ситуации. (...)

Данная модель помещает в центр внимания аспекты коммуникации как поведения (...). Общение может состояться независимо от того, намерен ли «говорящий» это сделать, а также независимо от того, рассчитано ли данное высказывание на восприятие «слушающим». Коммуникация происходит не как трансляция информации и манифестация намерения, а как демонстрация смыслов, отнюдь не обязательно предназначенных для распознавания и интерпретации реципиентом. Практически любая форма поведения – действие, бездействие, речь, молчание в определенной ситуации может оказаться коммуникативно значимой (...). Внезапное покраснение лица (неосознанное и неинтенциональное) интерпретируется (...) и обретает ситуативный смысл.

Следовательно, пока человек находится в ситуации общения и может быть наблюдаем другим человеком, он демонстрирует смыслы, хочет он этого или нет. При этом важную роль играет активность воспринимающего *Другого*: без соучастия коммуникантов в едином процессе демонстрации смыслов и особенно их интерпретации не могло бы быть ни общения, ни совместной деятельности. (...)

Интеракционная модель предполагает сильную ситуативную привязанность, что может выражаться в учете невербальных аспектов коммуникации и деятельности в целом, в использовании широкого социально-культурного контекста. И в том, и в другом случае исследователь имеет дело с «фоновыми» знаниями, конвенциональными по своей природе, но далекими от уровня алгоритмизации языкового кода. Зависимость от кода в интеракционной модели меньше, но роль общих значений остается высокой, хотя здесь и происходит перенос приоритета от конвенций языковых к социокультурным.

№ 3 К практическому занятию № 1:

Михалева, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – Иркутск, 2005. – С. 17 – 27

ДИСКУРС (фр. *discours*, англ. *discourse* < лат. *discursus* 'бегание взад-вперед; движение, круговорот' // фр., англ. – 'беседа, разговор').

Характерной чертой современного употребления термина «дискурс» можно считать отсутствие какой-либо строгости и однозначности интерпретации. Ср. контексты употребления: «буддийский дискурс», «фикциональный дискурс», «дискурс Фуко», «дискурс негативной теологии», «дискурс постмодернизма», «основные черты дискурса», дискурс может быть «темпорален, линейен и вытянут в цепочку», он может «отражать объекты, события и категории, существующие в природе, социуме, культуре и активно конструировать версию всех этих вещей».

Следует констатировать, что чёткого и общепризнанного определения термина «дискурс», охватывающего все случаи его употребления, не существует. Поэтому в современной науке под дискурсом понимается практически всё, что угодно исследователю. Возможно, именно это и способствовало широкой популярности, приобретённой этим термином за последние годы: различные понимания удачно удовлетворяют различные же понятийные потребности; порой этот термин просто модифицирует более традиционные представления о речи, тексте, диалоге и даже языке. То есть «понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии. Мы знаем, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными. Дискурс – одно из них».

Дискурс – объект междисциплинарного изучения. Помимо когнитивной лингвистики с исследованием дискурса связаны такие науки и исследовательские направления, как компьютерная лингвистика и искусственный интеллект, психология, философия и логика, социология, антропология и этнология, литературоведение и семиотика, историография, теология, юриспруденция, педагогика, теория и практика перевода, коммуникационные исследования, политология. И несмотря на то, что каждая

из этих дисциплин подходит к изучению дискурса по-своему, очевидно, что дискурс – это многозначный термин ряда гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка.

За этим термином закреплено несколько интерпретаций, т.к. в разных парадигмах знаний его используют в разных значениях. Поэтому можно говорить о полисемии этого термина как в лингвистике, так и в других науках (социологии, философии, политологии, логике и др.).

Как отмечает У. Чейф, «дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям».

Вряд ли можно рассматривать какое-либо из предлагаемых определений в качестве предпочитаемого, поскольку разные понимания самого термина отражают разные представления о самом феномене и его функционировании.

Для обоснования собственной позиции в решении этого вопроса, обратимся к рассмотрению проблемы дискурса. Вначале представим историю термина «дискурс», далее кратко охарактеризуем основные типы употребления этого термина во второй половине XX века, затем на основе приведённых данных попытаемся дать собственное определение дискурса.

(...) Значение латинского слова *discursus* первоначально ограничивалось семами действия:

- бег (в различных направлениях);
- специальная двунаправленная атака войска, имеющая целью изолировать части войска противника друг от друга (*pincer movement*).

При появлении второго значения наблюдается переход слова в термин при использовании его ограниченным числом лиц.

Сему говорения данный латинский словарь не зафиксировал. Вероятно, она появилась уже на более поздних этапах функционирования языка, вне пределов титульного этноса, поскольку зафиксирована в статьях французских и английских словарей, где является доминирующей.

Слово *ДИСКУРС* употребляется для обозначения речи, говорения, рассуждения, способности к рассуждению.

В английском языке, куда это слово проникло из французского, закрепилось и более специфичное значение *церковной проповеди*.

Французские составители грамматик родного языка закрепили его как лингвистический термин: *discours direct, discours indirect, parties du discours* (прямая речь, косвенная речь, части речи). Лишь в частном употреблении в поэмах Эдмунда Спенсера (XVI век) слово *discourse* сохранило сему военного действия и обозначает *процесс сражения (process of combat)*.

Из анализа словарных статей следует несколько выводов и предположений. При произошедшей на очень раннем этапе метафоризации заимствованного слова поле *военного действия* было перекрыто полем *речевого действия*, причём внутренняя форма слова сохранила все семы и аналогии *уклонения от курса, бега в различных направлениях, стычки, процесса сражения, разгрома противника*, поскольку данные семы и аналогии, свойственные военным действиям, реализуются и на уровне речевого поступка.

Сейчас трудно определить, на каком этапе произошла такая метафоризация. Тем не менее можно предложить следующее объяснение.

Когда заимствованное слово попадает в совершенно иную культуру, меняются и его «пользователи»: его начинают применять представители совершенно иных социальных институтов. И, если это слово не обозначает артефакт (например, заимствованные из другой культуры виды пищи, оружия, инструменты), то первоначальная связь между обозначаемым и обозначающим начинает ослабевать. Сначала в результате установления подобий и аналогий добавляется ещё несколько обозначаемых (образование полисемии), затем исходное обозначаемое в результате деятельности пользователей перестаёт осознаваться и как бы «соскальзывает» внутрь знака, становясь внутренней формой.

Все эти явления наблюдаются и при переосмыслении термина ДИСКУРС.

В средние века, когда, вероятнее всего, произошло установление подобия между видами военной деятельности (маневрами и передвижениями) и речевой деятельностью, пользователями слова *discours(e)* были представители высших сословий: рыцари, монахи, школяры.

Рыцари, вовлечённые в крестовые походы и выработавшие целый кодекс куртуазного поведения и целый набор правил как для обращения с оружием, так и со словом, были, по всей видимости, первыми, кто установил подобие между военным и словесным состязаниями (употребление, сохранившееся у Э. Спенсера).

Деятельность монахов была связана с латинским языком, с составлением житий святых и проповедей, с переводом священных текстов. Вероятно, монахи, не вовлечённые в военную деятельность, первыми перестали устанавливать связь между обозначающим *discourse* и элементом военного состязания. Школяры, преподаватели и студенты первых университетов, где обучение велось на латыни и где основным методом была дискуссия по прочитанному, словесное многочасовое состязание, построенное по особым правилам ведения диалога, завершили процесс метафоризации слова *дискурс*.

Таким образом поле *военного состязания* было наложено на поле *словесного состязания*, исходное значение «соскользнуло» внутрь, благодаря чему номинация физического действия преобразовалась в номинацию речевого действия.

При этом (...) круг пользователей сузился, слово *discours(e)* стало использоваться специалистами, которые превратили это слово в термин.

Такова история становления термина *дискурс*. Рассмотрим бытование этого термина в наше время.

Несмотря на то, что в современном использовании термина *дискурс* все контексты объединены семьей говорения, высказывания, можно выделить два основных употребления этого термина.

С одной стороны, дискурс понимается как речевая практика, т.е. «интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся

коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [В.В. Карасик].

С другой, дискурс предстаёт как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определённого текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего [ван Дейк, Фуко и др.].

Истоки этих двух подходов, по нашему мнению, следует искать в 50-х гг. XX века, когда американский исследователь З. Харрис публикует в 1952 г. статью «Discourse analysis», посвящённую методу дистрибуции по отношению к сверхфразовым единствам.

В это же время Эмиль Бенвенист, разрабатывая теорию высказывания, последовательно применяет традиционный для французской лингвистики термин **discours** в новом значении – как характеристику «речи, присваиваемой говорящим».

Таким образом, эти два авторитетных учёных закладывают традицию тождественного обозначения разных объектов исследования: Э. Бенвенист понимает под дискурсом экспликацию позиции говорящего в высказывании, в трактовке З. Харриса объектом анализа становится последовательность высказываний, отрезок текста, больший, чем предложение.

В нашей стране (в 60-е – 70-е гг. XX в.) не стало популярным ни одно из этих пониманий, хотя вполне могло бы согласовываться с доминировавшим в те годы в советском языкознании структурно-семантическим подходом.

Всё это (...) тем более странно ещё и потому, что именно во второй половине XX века возникло и утвердилось в трудах советских учёных такое направление, как грамматика (лингвистика) текста. Определяя лингвистические закономерности организации текста, языковеды с необходимостью пришли к выводу как о недостаточности применяемого метода, так и о нечёткости и неоднозначности используемого терминологического аппарата (проблемы разграничения предложения и высказывания, текста и его единиц и т.п.).

Более того, традиционный структурно-семантический подход не обладал достаточной объяснительной силой по отношению к таким ведущим характеристикам текста, как его цельность и связность. Невозможность сугубо лингвистического объяснения этих текстовых категорий вызывает рефлексию в отношении смежных областей знания: формулируется гипотеза о роли замысла создателя, образа автора. Очевидно, что подобная точка зрения согласуется с представлением Бенвениста о дискурсе как «речи, присваиваемой говорящим», но и эта дефиниция долгое время остаётся без должного внимания.

В зарубежной лингвистике оформление дискурсивного анализа как дисциплины относится скорее к 1970-м годам. В это время были опубликованы важные работы европейской школы лингвистики текста [Т. Ванн Дейк, В. Дресслер, Я. Петефи и др.] и основополагающие работы американских исследователей, связанные с более традиционной лингвистической тематикой [У. Лабов, Р. Лангакер, Т. Гивон, У. Чейф].

Главной особенностью всего дискурсивного направления, как справедливо считает Е.С. Кубрякова, является «убежденность в том, что ни синтаксис, ни грамматика языка не могут изучаться вне обращения к его использованию».

Таким образом, можно констатировать, что дискурсивное направление исследований рождается из противопоставления функционализма формализму, из столкновения взглядов на природу языка.

Как считает М.Л. Макаров, формализм исходит либо из утверждения об отсутствии у языка собственных точно определяемых функций, либо из теории о полной независимости формы от функции. Поэтому в своей методологии формализм настаивает на анализе структурных особенностей «языка в себе», не отягощённом изучением «языка в общении».

Принцип же функционализма, по М.Л. Макарову, опираясь на метафору «языка-инструмента», исходит из семиотического понимания языка как системы знаков, которая служит для достижения каких-либо целей, используется для выполнения каких-то функций. Методология функционализма предполагает изучение и структуры, и функционирования языка с целью выявления соответствий между ними. Теоретически функционализм основывается на признании взаимозависимости между формой и функцией, учёте влияния употребления языка на его структуру.

Формальный подход выявляется там, где исследователь предельно абстрагируется от социальных и контекстно-обусловленных особенностей использования той или иной языковой единицы и дискурс определяется просто как язык выше уровня предложения или словосочетания.

В русле же функционального подхода дискурс рассматривается в связи с использованием языка в процессе речевого общения людей, следовательно, можно говорить о зависимости определения дискурса от того, с какой целью и в каком ракурсе рассматривалось само общение.

В качестве примера подобного подхода можно привести работы Т. Ванн Дейка, появление которых (по словам самого ванн Дейка) знаменует переход к междисциплинарному исследованию дискурса.

Концепция Т. Ванн Дейка строится на основе вовлечения в анализ таких факторов, как мнения и установки говорящих, их этнический статус и т.п. Анализ направлен на изучение личностных характеристик носителей языка, их намерений, эмоций, предпочтений. В результате чего дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определённого текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего. В дискурсе, по мнению Т. Ванн Дейка, отражается сложная иерархия знаний, необходимая как при его порождении, так и при его восприятии.

Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога: говорящий и слушающий, их личностные и

социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию.

Следовательно, как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, концепция Т. Ванн Дейка исключительно важна именно потому, что в ней представлено многоплановое и разностороннее определение дискурса как особого коммуникативного события, как «сложного единства языковой формы, знания и действия», как события, интерпретация которого выходит далеко за рамки буквального понимания самого высказывания.

Данная концепция, как представляется, оказала значительное влияние на обогащение исходного понятия дискурса за счёт включения в него большого спектра различных характеристик.

Не менее важна для нашего понимания термина «дискурс» и концепция, восходящая к работам французских структуралистов, прежде всего к М. Фуко.

Идея Фуко состояла в том, что инструментом освоения реальности является речь, речевая практика людей, в ходе которой не только осваивается, «обговаривается» мир, но и складываются правила этого обговаривания, правила самой речи, а значит, и соответствующие мыслительные конструкции. Речь в такой её понимании и следует называть, по мнению М. Фуко, дискурсом. Таким образом, дискурс – это одновременно и процесс и результат (в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо). В основании же любого дискурса лежит высказывание – «атом» речевой практики.

При таком понимании дискурс рассматривается как отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, реализуемый в самых разнообразных (не только вербальных) практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но и проектирующий и сотворяющий его.

С точки зрения М. Фуко, понятие «дискурс» включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретирования окружающего мира и вытекающие именно из такого видения действия людей и формы организации социума.

То есть, по М. Фуко, дискурс не описывает мир, а формирует его.

«Дискурсивные явления имеют *место* и *время* в качественно иной среде: социально-психологическом «человеческом пространстве» [*people-space*], которое конституируется общающимися индивидами, играющими соответствующие коммуникативные, социальные, культурные, межличностные, идеологические, психологические роли».

Таким образом, дискурс понимается как социальная деятельность, осуществляемая с помощью или же посредством языка в условиях реального мира и реального взаимодействия людей.

«Дискурс, – пишет Ю.С. Степанов, – это новая черта в облике языка, каким он предстал перед нами к концу XX века». И разъясняя смысл этой черты, исследователь указывает на «особое использование языка для выражения особой ментальности, а также особой идеологии».

Ю.С. Степанов даёт следующее определение этому сложному понятию: «Дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика – в конечном счете – особый мир. В мире каждого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из «возможных миров». Само явление дискурса, его возможность и есть доказательство тезиса "Язык – дом духа" и, в известной мере, тезиса "Язык – дом бытия (Тезис «Язык – дом бытия» принадлежит, как известно, крупнейшему философу-экзистенциалисту Мартину Хайдеггеру)".».

Толкуемый таким образом термин «дискурс» (а также производный и часто заменяющий его термин «дискурсивная практика», под которым понимаются «тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определённого смысла») описывает способ интерпретирования, способ говорения и в силу этого имеет определение – *какой* или *чей* дискурс. В таком случае имеются в виду правила порождения смыслов, которые принадлежат тому, кто обозначен генитивом.

Исследователей в этом случае интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: чисто языковыми отличительными чертами (в той мере, в какой они могут быть отчётливо идентифицированы), а также спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д. (можно было бы сказать, что дискурс в данном понимании – это стилистическая специфика плюс стоящая за ней идеология).

То есть под дискурсом понимается обозначение системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определённой социальной или идеологической позиции (например: «*феминистический дискурс*», «*административный дискурс*»).

Мысли когнитологов о том, что язык обеспечивает доступ к работе нашего сознания и нашего интеллекта, «своеобразно преломляются здесь, логически приводя к возможности увидеть за дискурсом (текстом, имеющим своего автора и создаваемым для выражения его позиции в определённых конкретных условиях его социального бытия) особый фрагмент ментального мира и восстановить его специфические особенности».

Таким образом, в результате проведённого анализа существующих концепций и имеющихся интерпретаций в толковании данного термина, в данной работе предлагается понимать дискурс как вербализацию определённой ментальности, или такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность,

создаётся свой (присущий определённому социуму) способ видения мира, способ упорядочения действительности.

Истоками такого подхода к интерпретации термина «дискурс» являются идеи когнитивистики. (...)

№4 К практическому занятию № 2:

Борисова, И.В. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.В. Борисова. – Екатеринбург, 2001. – С. 179 – 182.

Рассмотрим современные лингвистические взгляды на дискурс (...).

В семиотическом аспекте дискурс определяется как «особое использование языка <...> для выражения особой ментальности <...> особой идеологии; особое использование влечёт активизацию некоторых черт языка и, в конечном счёте, особую грамматику и особые правила лексики <...> в свою очередь создаёт особый "ментальный мир"» (Ю.С. Степанов). В этой концепции текст есть форма реализации языковой системы, опосредованная дискурсом и противопоставленная дискурсу как способ существования последнего. В таком понимании дискурс сближается с понятием функционального стиля и согласуется с трактовкой разговорной речи как языковой подсистемы особого рода.

Другие исследователи соотносят дискурс с закономерностями производства текстов в определённом этносе (например, «русский дискурс») или в специфических сферах общественной деятельности, а также с идиостилевыми особенностями употребления языка. На основе такого определения стали терминологически употребляться словосочетания нарративный дискурс, политический дискурс, журналистский дискурс, терапевтический дискурс, дискурс лирической поэзии, разговорный дискурс, дискурс В. Шукшина (...). В этом смысле прообраз идей дискурсивного анализа можно усмотреть и в книге В. Проппа «Морфология русской сказки» (1928), в которой дан образец нарративного анализа дискурса русской волшебной сказки.

Прагматическое направление в исследовании дискурса трактует его как отражение динамики протекания речетворческого процесса, зависящего от экстралингвистических факторов и от широкого экстракоммуникативного контекста. Т.А. ванн Дейк определяет дискурс как коммуникативное событие в прагматическом контексте. Созвучна этой точке зрения трактовка дискурса И.П. Сусовым, противопоставляющим языковую систему и систему речи и определяющим дискурс как целое речевое событие, т.е. «языковые структуры, вплетённые в совместную практическую деятельность людей в процессе межличностного взаимодействия». Дискурс в концепции В.В. Богданова считается родовым понятием по отношению к двум видовым, но неравнозначным его аспектам – речи и тексту – и объединяет параметры последних.

Когнитивное направление трактует дискурс как фрагмент текста, рассматриваемый в аспекте его восприятия и понимания как отражение фрагмента действительности, как речевую реализацию ментальных структур коммуникантов, их знаний, опыта, пресуппозиций, концептуальных моделей. В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова называют дискурсом «текст, образовавшийся в процессе его саморазвития и самопорождения, когда смысл "на выходе" становится адекватным замыслу отправителя текста. Дискурсия – процесс развёртывания текста в сознании получателя информации».

В.В. Красных выдвигает тезис о том, что текст является элементарной (т.е. базовой, минимальной и основной) единицей дискурса, понимаемого автором как «вербализованная речемыслительная деятельность». Поскольку основными свойствами дискурса признаётся большинством лингвистов процессуальность и деятельностная динамичность, которой текст как продукт лишён, именно это, в нашем понимании, препятствует рассмотрению текста как единицы дискурса. Деятельностная природа дискурса с необходимостью предполагает деятельностную природу его единиц, о которых мы будем говорить ниже.

В большинстве приведенных концепций дискурс определяется через текст (как его фрагмент, целый текст или совокупность объединенных каким-либо общим признаком текстов), рассматриваемый под определенным углом зрения. Подобные определения логически некорректны. Однако дискурс не сводим к тексту, поэтому представляется необходимым выявить феноменологические различия этих концептов. Фундаментальной оппозицией, лежащей в основе разграничения дискурса и текста, является противопоставление деятельностного и результативного аспектов коммуникации. Покажем различия деятельности и её продукта в виде оппозиции их сущностных признаков.

Критерии противопоставления	Дискурс	Текст
Интерпретативная система	Речемыслительная или коммуникативная деятельность	Речевой материал
Онтологический статус	Интерсубъектность	Объектность
Психологический статус	Деятельность	Продукт деятельности
Семиотический статус	Процесс означивания	Сложный знак
Эмпирический модус	Объемное восприятие процесса взаимодействия всеми органами чувств	Визуальное восприятие как результат письменной фиксации
Статус в коммуникативном событии	Речевое поведение как эмпирически наблюдаемая часть речевой деятельности	Речевое произведение как системно-структурное образование
Процессуальность	Динамичность и линейность	Статичность и иерархичность
Функция	Управление коммуникацией	Отображение, след, образ коммуникации

При всём различии подходов к исследованию дискурса и разнообразии постулируемых соотношений дискурса и текста, возможно выявление общелингвистической оппозиции в трактовке феноменов дискурс – текст в терминах пар соотносительных категорий: речевая деятельность – речевой продукт, речь – речевое произведение, процесс – результат, динамика – статика, временная линейность – пространственная объёмность, intersubjectность – объектность. При последовательном разграничении дискурса как процесса структурирования коммуникативного взаимодействия и текста как продукта этого процесса становится очевидным, что целостность акта деятельности, заданного границами коммуникативного события, и целостность речевого продукта должны рассматриваться на различных основаниях, так как их интегративность существует в рамках различных феноменологических подсистем. На основании выявленных противопоставлений констатируем, что в современной лингвистике дифференциация дискурса и текста сводится к противопоставлению дискурса как коммуникативной речевой практики, деятельности по использованию языка в коммуникативном акте и текста как продукта и результата этой деятельности. Э.В. Чепкина, используя термин «дискурсивная практика» (а не речевая/речемыслительная/текстовая деятельность, не коммуникативное поведение), подчеркивает, что «речь идет о включенности индивидов в процесс коммуникации, осуществляемый ими практически – по правилам, не всегда осознаваемым на вербальном уровне. Под практикой ... понимается процесс структурирования текста в пределах определенного дискурса».

Итак, дискурс представляет собой протекающую в реальных координатах пространства и времени, ситуативно и социально обусловленную коммуникативную деятельность, одним из продуктов которой в результативной сфере является текст.

Общие свойства дискурса и текста определяются тем, что текст вербально запечатлевает в себе образ, вербальный след той деятельности, в которой он создается. Свойства продуктов являются вторичными по отношению к процессам, их породившим. Своеобразие ситуативных условий и мотивирующих целеустановок коммуникантов в различных видах дискурса манифестируется в структурно-содержательном многообразии порождаемых в них текстов.

№ 5 К практическому занятию № 3:

Борисова, И.В. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.В. Борисова. – Екатеринбург, 2001. – С. 192 – 197.

Речевое поведение в структурном плане может быть рассмотрено как линейная синтагматическая последовательность речевых поступков. Свойства речевого поведения характеризуют и каждый отдельный речевой поступок.

Существует лингвистическая традиция выделения прагматического поведения в самостоятельный объект изучения (...) в теории речевых актов. (...) Единственной функционально ориентированной теорией, способной, казалось бы, в лингвистике конкурировать с концепцией речевого поведения, является теория речевых актов. Однако анализ живого разговорного материала показывает её недостаточную объяснительную силу. Неслучайно Т.А. ванн Дейк, стремясь преодолеть абстрактность речевого акта как единицы сообщения, противопоставлял ему коммуникативный акт как единицу общения, состоящую из 1) речевого акта говорящего, 2) аудитивного акта слушающего, 3) коммуникативной ситуации, включающей характеристики говорящего и слушающего, их взаимоотношения, сопровождающие события и т.д. В связи с этим отметим, что сам Сёрль признавал, что «...традиционная теория речевых актов... преимущественно ограничивается (is largely confined) единичным, изолированным речевым актом». Речевой акт – это лишь потенциальная единица речевого общения, не учитывающая ситуативный и социальный контекст текущего коммуникативного события, полифункциональность речевого поступка. (...)

Итак, речевое поведение дискретно. Его единицей является речевой поступок. Это эмпирически воспринимаемая единица речевого поведения, с которой говорящий и слушающий имеют дело в устной коммуникации. (...)

Речевой поступок вербализован. Его план выражения представляет собой отрезок речи (реплика-высказывание или её часть), структурированный в языковом плане.

В контексте коммуникативной ситуации и речевого поведения речевой поступок семиотичен: он имеет «...означаемое – характер воздействия на партнёра и означающее – внешнюю исполнительскую часть речевой деятельности или речевого действия». Основная психическая интуитивно-интеллектуальная деятельность участников коммуникации состоит в работе по декодированию коммуникативных смыслов речевых поступков, т.е. в распознавании и адекватной интерпретации речевых действий партнера в конкретной коммуникативной ситуации.

Изъятый из контекста речевой поступок не может быть однозначно интерпретирован (...). Речевой поступок контекстуален, причём эта контекстуальность тройкого характера. Во-первых, каждый поступок включён в последовательность других речевых поступков и поэтому синтагматически детерминирован внутренним контекстом речевого поведения. Во-вторых, конкретный прагматический смысл речевого поступка зависит от всего социально-коммуникативного ситуативного контекста речевого поведения, следовательно, он социально детерминирован. В-третьих, поскольку речевой поступок вербален, его форма определяется нормами, правилами, закономерностями речевого поведения и употребления языка.

Понятия речевого поступка и речевого акта являются различными способами описания речевых действий и по объему и степени абстракции не совпадают: смысл речевого поступка психологичен и межсубъектен, речевой поступок конкретно адресован и контекстуален. (...)

Проиллюстрируем различие в интерпретации дискурса, выявляющееся из сопоставления описательного потенциала речевого акта и речевого поступка на фрагменте диалога.

Ситуативный контекст: Ю. (21 год, студентка 3 курса, филолог) и А. (25 лет, студент 5 курса, социолог) – соседи по общежитию. А. в гостях у Ю., они пьют чай и болтают.

- А. – А ты знаешь/ что сёдня Диме морду набили?
- Ю. – (удивлённо) Морду набили? (с любопытством) Где? Когда? За что?

- А. – Короче/ только никому не говори/ ладно?

- Ю. – Ну//

- А. – (понижая голос) Ты помнишь мне говорила/ когда он начал с Леной крутить/ ты говоришь <жалко его>/ я говорю <а чё жалко?>/ ты сказала <вот друг есть/ дело уже к свадьбе>// вот/ короче сёдня он пригнал// я смотрю/ он уже с пузырьём водки// он высокий у неё?

- Ю. – Ага//

- А. – Там Дима как всегда/ он же у них жил последнее время// ну мы сидим у себя в комнате/ накатываем время от времени// раз/ я слышу/ открывается дверь из коридора/ такой Димка орёт// я говорю/ <не-е/ пацаны/ это нездоровая / надо выйти>// выхожу короче/ там стоит друг её/ вот этот/ приехавший/ и Димка/ у него рожа вся разбита// у него завтра вообще всё опухнет//

- Ю. – (с удивлением) Ого-го! Ну он же качок такой/ чё он/ не смог?

- А. – Да я вот тоже разочаровался малость в Диме// ну пацаны все вышли (нрзб) берёт димкину куртку и говорит/ <чтоб я тебя больше здесь не видел> (нрзб)

- Ю. – Это когда было?

- А. – Во-от уже стемнело/ часов в восемь/ около восьмью и девятью//

- Ю. – (с чувством) Кошма-ар!

- А. – (выразительно) Ты чё/ знаешь как он ему морду набил!

- Ю. – (с осуждением) Лена доигралась!

- А. – Ну не знаю чё щас будет/ но с её стороны так тоже делать нехорошо//

- Ю. – (с уверенностью) Да конечно//

Покажем, как выглядит описание речевых действий партнеров по коммуникации в этом диалоге в терминах речевых актов (Ра) и речевых поступков (Рп) в приведенной ниже таблице.

Интерпретация речевых действий коммуникантов

№№	К.	Ра	Рп
1	А.	Рогатив*	Привлекает внимание Ю.к новой теме (Т)
2	Ю.	Четыре Рогатива	Выражает интерес через уточняющие вопросы к (Т)
3	А.	Директив*	Просит о конфиденциальности
4	Ю.	Комиссив*	Обещает конфиденциальность
5	А.	Репрезентатив*+ Рогатив	Конфиденциально рассказывает о (Т) + спрашивает, уточняя
6	Ю.	Контактив*	Отвечает подтверждением
7	А.	Репрезентативы	Продолжает рассказ о (Т) с оценкой элементов (Т)
8	Ю.	Экспрессив*	Выражает удивление, оценивает элемент (Т)
9	А.	Репрезентативы	Соглашается с оценкой Ю.+ продолжает рассказ о (Т)
	Ю.	Рогатив	Выражает интерес через уточняющий вопрос к (Т)
	А.	Репрезентатив	Отвечает, уточняя
	Ю.	Вердиктив*+Экспрессив	Оценивает (Т), осуждая
	А.	Экспрессив- Вердиктив	Эмоционально соглашается с оценкой Ю. нестандартности (Т)
	Ю.	Вердиктив	Осуждает инициатора ситуации (Т)
	А.	Вердиктив+ Репрезентатив	Оценивает ситуацию (Т) + соглашается с мнением Ю.
	Ю.	Контактив	Выражает полное согласие с оценкой А

Условные обозначения, принятые в таблице: № – номер реплики; К – коммуникант; А., Ю. – имена коммуникантов; Т – предметно-ситуативное удержание темы; Ра – имя речевого акта; Рп – коммуникативный смысл речевого поступка.

1) *репрезентативы – сообщения, 2) *комиссивы – обязательства, 3) *директивы – побуждения, 4) *рогативы – вопросы, 5) *декларативы – объяснения, 6) *экспрессивы – выражения эмоций, 7) *контактивы – выражения речевого этикета.

Анализ показывает, что речевой акт не даёт представления о социально-коммуникативном содержании конкретного речевого действия, о его направленности адресату, о связи речевых действий в интеракции и более широком коммуникативном контексте, о том, что является объектом речевого действия (всё содержание предыдущей реплики, его элемент или само речевое действие партнёра коммуникации). Интерпретация речевых действий в терминах речевых поступков более конкретна, в ней абстрактный речевой акт

приобретает ситуативно и контекстно обусловленный коммуникативный смысл, мотивированность и адресованность. Речевой поступок подразумевает выбор говорящим конкретного коммуникативного средства для реализации своей интенции (выразить интерес к рассказу через оценку; стимулировать последующие речевые действия уточняющим вопросом и т.п.). Именно поэтому описание дискурса как речевого поведения более точно отражает реалии живого непринуждённого общения, чем описание дискурса в терминах теории речевых актов. (...) Кроме того, «...теория речевых актов пренебрегает "актами", связанными с организационными аспектами языкового общения, в частности, минимальными репликами адресата, не прерывающими говорящего, однако выполняющими множество локальных задач, не сводимых лишь к подтверждению». Ритуальные этикетные и контактные действия (речевые поддержки, придержки, реакции согласия и заинтересованности, междометные реплики подтверждения контакта) также являются социально и психологически мотивированными речевыми поступками (...).

Таким образом, речевое поведение и речевой поступок как его единицу можно считать универсальными категориями речетворчества, применимыми как к анализу устной спонтанной, так и письменной речи.

Многомерность самого феномена речевого поведения отражается во множественности его лингвистических интерпретаций. Речевое поведение изучается в лингвокультурологическом (этикет, культурные сценарии, обучение русскому языку иностранцев, паралингвистика), когнитивном (концептуализация деятельностных и культурных сценариев, фреймы), идеологическом (речевое поведение и речевое употребление в конкретных типах социумов), риторическом (эффективность речевого поведения ратора), стилистическом (языковое употребление, закономерности стилистического отбора единиц языка) и прагматическом (стратегии и тактики речевого поведения) аспектах.

№6 К практическому занятию № 4:

Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М., Екатеринбург, 2004. – С. 10 – 27.

Текст создается ради того, чтобы объективировать мысль автора, воплотить его творческий замысел, передать знания и представления о человеке и мире (...). Таким образом, текст не автономен и не самодостаточен – он основной, но не единственный компонент текстовой (речемыслительной) деятельности. Важнейшими составляющими ее структуры, помимо текста, являются автор (адресант текста), читатель (адресат), сама отображаемая действительность, знания о которой передаются в тексте, и языковая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие ему адекватно воплотить свой творческий замысел.

Сложность структурной, семантической и коммуникативной организации текста (...) являются причиной множественности подходов к изучению текста.

(...) Можно выделить следующие основные подходы к изучению текста:

- 1) лингвоцентрический (аспект соотносительности «язык – текст»);
- 2) текстоцентрический (текст как автономное структурно-смысловое целое вне соотносительности с участниками литературной коммуникации);
- 3) антропоцентрический (аспект соотносительности «автор – текст – читатель»);
- 4) когнитивный (аспект соотносительности «автор – текст – внетекстовая деятельность»).

Наиболее традиционен для анализа текста лингвоцентрический подход. Его логика основана на изучении функционирования языковых единиц и категорий в условиях художественного текста. Это то, чем занималась традиционная стилистика, стилистика языковых единиц, эстетика слова (А.И. Новиков, К.А. Долинин и др.). Предметом рассмотрения при таком подходе могли быть как лексические, так и фонетические, грамматические, стилистические единицы и категории. Например, предметом изучения во многих работах стали встречающиеся в художественном тексте прилагательные цвета, глаголы речи, безличные предложения, парцелированные конструкции, видовременные значения глагола и мн. др. Достоинство этих работ состояло в том, что они выявляли функциональные свойства тех или иных единиц, описывали особенности идиостиля определенного писателя, поэта. Такие функционально-стилистические этюды послужили в дальнейшем основой для возникновения как функциональной лингвистики, так и функциональной стилистики. Но с позиций лингвистики текста подобный подход не позволял в полной мере вскрыть текстовые функции рассматриваемых единиц, их роль в структуре и семантике текста, а потому познание текстовой природы этих единиц оставалось за рамками исследования.

Текстоцентрический подход основан на представлении о тексте как результате и продукте творческой деятельности. Текст рассматривается как целостный завершённый объект исследования. При этом в зависимости от предмета рассмотрения в качестве самостоятельных направлений изучения текста выделяются: семантика и грамматика (или отдельно синтаксис) текста, основу которых составляет взгляд на текст как на структурно-семантическое целое. Рассмотрение текста как уникального речевого произведения, отмеченного набором собственных текстовых категорий и свойств, обнаруживается в рамках текстоцентрического подхода (И.Р. Гальперин, Е.В. Падучева и др.). (...)

Антропоцентрический подход связан с интерпретацией текста в аспекте его порождения (позиция автора) и восприятия (позиция читателя), в аспекте его воздействия на читателя и в деривационном аспекте. Подобный коммуникативный подход «возник и развивался как результат попыток преодолеть неадекватность нетрадиционных классификаций текстов, основанных только на внутренне присущих тексту структурных признаках».

Внутри антропоцентрического подхода в зависимости от фокуса исследования выделяются следующие направления изучения текста:

- психолингвистическое (А.С. Выготский, Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя, Н.И. Жинкин, А.Р. Лурия, Л.В. Сахарный, А.М. Шахнарович);
- прагматическое (А.Н. Баранов);
- деривационное (Е.С. Кубрякова, Л.Н. Мурзин);
- коммуникативное (Г.А. Золотова; Н.С. Болотнова);
- речеведческое (жанрово-стилевое) (М.М. Бахтин, М.Н. Кожина, М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелева) .

Охарактеризуем каждое из этих направлений.

Психолингвистическое направление изучения текста. Это направление разработано в наибольшей степени. В этой области накоплено много достоверных сведений, чрезвычайно полезных для практики лингвистического анализа текста.

Психолингвистика отличается от традиционной классической лингвистики, во-первых, активным использованием экспериментальных методов; во-вторых, рассмотрением функционирования языка и языковых единиц как особого рода психологической реальности. Это находит отражение и в изучении природы текста.

Психолингвистическое исследование текста опирается на представление о нем как о двуедином процессе порождения/восприятия, лежащем в основе коммуникативной деятельности: текст – это одновременно и результат речевой деятельности, и его продукт, и сам процесс создания данного текста, вследствие чего текст по своей природе процессуален и динамичен. Динамичность текста определяется, во-первых, тем, что он создается говорящим в процессе общения с другими носителями языка, а во-вторых, тем, что существует и форме процесса восприятия и для слушающего, и для говорящего. Таким образом, порождение текста и его восприятие – две стороны динамической природы текста. Исследование текста со стороны говорящего и слушающего (автора и читателя) является динамическим, поскольку имеет целью раскрытие психологических механизмов текстообразования.

Модели порождения текста изучены достаточно глубоко и всесторонне (Т.В. Ахутина, Л.С. Выготский, Л.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Д. Кацнельсон, Г. Кларк, Л.М. Шахнарович, Ч. Осгуд), как и модели его восприятия (Т.М. Дридзе, Н.И. Жинкин, И.А. Зимняя, В.В. Красных, А.А. Леонтьев, А.И. Новиков, Ю.А. Сорокин).

Основанием для интерпретации текста как двуединого процесса служат общие свойства порождения и восприятия текста, а также лежащий в их основе единый универсальный механизм текстовой деятельности, воспринимаемый с противоположных (автор – читатель) позиций.

А.И. Новиков видит общность этих процессов в механизме свертывания информации: «Эти процессы не одноаспектные, а многоступенчатые, многоэтапные. Для этих процессов характерным является свертывание. Если при понимании свертывание завершает этот процесс формирования целостного

образа содержания, то при порождении текста свертывание заключается в отборе из всего содержания мышления тех элементов, которые должны составить содержание будущего текста, и в формировании некоторого целостного образования, соответствующего будущему тексту в целом. Такая свертка приобретает форму «замысла».

В то же время выявлены и изучены специфические особенности в механизмах порождения/восприятия текста.

Анализ и обобщение существующих психолингвистических схем речепорождения позволили определить принципиальную структуру модели порождения любого текста, его основные фазы, к которым относятся:

- 1) мотивация и замысел (программа, план);
- 2) осуществление (реализация) плана;
- 3) сопоставление реализации с замыслом.

Рассмотрим предлагаемую в психолингвистике структуру порождения текста более подробно.

Фаза мотивации определяет «изначальный» мотивационно-побуждающий уровень процесса порождения текста. Мотивация – это побуждение, вызывающее целенаправленную активность и определяющее ее направленность. Текстопорождающее действие не цель, а средство познания, воздействия, переживания. Побуждение формируется в виде мотива, концепта текста. Мотив – импульс, который запускает весь самый сложный механизм речемыслительной деятельности, это одновременно и экстралингвистический фактор, и интралингвистический. Фаза мотивации коммуникативной деятельности включает в себя в более или менее осознанной форме информацию в виде замысла (плана) текста, т. е. то, что и кому сказать. Замысел – нерасчлененный смысл, общая концепция текста, задаваемая автором, его индивидуальным авторским внутренним кодом. В зависимости от замысла и цели в психолингвистике различаются и сами тексты: 1) информационная цель инициирует текст, задача которого передать информацию; 2) побудительная цель приводит к созданию текста, побуждающего к целенаправленной деятельности: предметно-практической, познавательной, коммуникативной; 3) аффективная цель инициирует эмоциональный текст.

Фаза реализации замысла – это создание отчуждаемого от автора текста (от мысли к тексту), переход от внутренней речемыслительной деятельности к внешней. К факторам реализации данной фазы относятся: цель текстовой деятельности, репрезентируемая в замысле текста и реализуемая в течение всего процесса порождения текста (вплоть до отчуждения его от автора); коммуникативный портрет реципиента, с учетом которого происходит уточнение содержания и формы (тип, стиль) порождаемого текста.

Восприятие текста, как отмечает А.И. Новиков, имеет свои особенности, обусловленные самой природой текста, который представляет собой объект в виде последовательности смыслов, являющихся непосредственными раздражителями, воздействующими на органы чувств. В результате восприятие текста состоит как бы из двух этапов: «Первый из них связан с

непосредственным восприятием материальных знаков. На втором этапе осуществляется переход от образа языкового знака как материального объекта к образу его содержания. Оба эти этапа сопровождаются осмыслением, пониманием воспринимаемого материала». Сделав обзор множества психологических работ в области восприятия текста, А.И. Новиков приходит к выводу, что «...понимание – сложный мыслительный процесс, проходящий ряд этапов, в результате чего происходит активное преобразование словесной формы текста, представляющее собой многократное перекодирование. Областью кодовых переходов является внутренняя речь, где совершается переход от внешних кодов языка к внутреннему коду интеллекта, на основе которого формируется содержание текста как результат понимания. Конкретным видом такого кода является предметно-схемный код».

(...) Восприятие текста, как показали исследования психолингвистов, связано прежде всего с осознанием его цельности, обнаруживаемом в наборе ключевых слов (макросвязь), и связности, воспринимаемой как общая схема текста (микросвязь). Основной, исходный постулат: «Во всяком тексте, если он относительно закончен и последователен, высказана одна основная мысль, один тезис, одно положение. Все остальное подводит к этой мысли, развивает ее, аргументирует, разрабатывает» (Н.И. Жинкин).

(...) В психолингвистике термину «ключевые слова» близок термин «смысловые вехи» (Н.И. Жинкин, А.Н. Соколов), которым обозначены единицы внутренней речи, соотносимые со словами текста. Термин «ключевое слово» используется в разных науках. В литературоведении он обычно обозначает лейтмотив текста. В информатике ключевое слово – это слово или словосочетание, которые несут основную смысловую нагрузку с точки зрения информационного поиска. Процесс выделения ключевых слов в психолингвистике называется индексированием, суть его заключается в экспериментально-статистическом определении НКС. Существует также индивидуально-коллективный метод определения НКС. Испытуемому дается задание на 20 минут – подумать над содержанием текста и выписать 25 слов, наиболее важных для содержания. Опыт информатики и психолингвистики показывает, что наиболее удобный НКС включает 5-15 слов, а оптимальный – 8-15. Л.В. Сахарный проводил серию экспериментов по восприятию содержания текста. Так, при восприятии сказки «Курочка Ряба», состоящей из 23 знаменательных слов, по его данным, в набор входят 7 ключевых слов: яичко, курочка, разбиться, мышка, золотое, баба, дед. Эти слова, как видим, называют персонажей сказки, основной предмет, о котором идет в ней речь, и дают его характеристику (по статическому признаку и по действию). Пересказы сказки повторяют НКС, но включают новые лексемы, семантически развертывающие содержание сказки.

По данным психолингвистики, на принадлежность слова к ключевым словам (КС) указывают следующие сигналы:

1) его синтаксическая позиция (для технических текстов выведено правило индексирования, согласно которому КС содержатся прежде всего в заголовке и первом предложении; это характерно и для других жанров);

2) частотность слова (в 1958 г. именно эту характеристику КС использовал американский специалист в области информатики Г. Дун, создавая систему автоматического реферирования).

Набор ключевых слов связан с отражением цельности текста. А.В. Сахарный проверял эту гипотезу следующим образом: испытуемым предлагались 6-8 слов из текста (из той же сказки «Курочка Ряба»), с тем чтобы они восстановили полностью его содержание. Эксперименты подтвердили утверждение исследователя о том, что текст хранится в памяти в наборе ключевых слов, которые затем эксплицируются при его воспроизведении.

При воспроизведении связности текста важным является синтагматичность, соположение его компонентов. Текст – определенная схема, замкнутая структура, которая включает такие компоненты, как экспозиция, тело, развязка. По правильности воспроизведения, как выявили психолингвистические исследования, на первом месте находится экспозиция, на втором – развязка, на третьем – развертывание. При пересказе текста наблюдаются его модификации: 1) возможно свертывание текста с частичной утратой его элементов и потерей информации; 2) иногда изменяется содержание элемента текста (перифраза, изменение информации); 3) развертывание текста.

Прагматическое направление изучения текста.

Если при структурно-семантическом подходе к изучению текста он предстает как завершенное целостное речевое произведение – результат творческой деятельности автора, при психолингвистическом подходе – как динамический процесс взаимодействия автора и реципиента, то при прагматическом подходе текст рассматривается как сложный речевой акт, который осуществляется с определенными намерениями и целями и в котором используется комплекс языковых средств и приемов воздействия на адресата. «В прагматике литературного текста, – указывают ученые, – за исходное принимается ряд наиболее общих положений теории речевых актов. С этой точки зрения художественная литература характеризуется тем, что она представляется особым видом действия, осуществляемого в определенном виде ситуаций и признаваемого участниками этого действия в качестве литературного. Очевидно, что литература возникает в довольно сложном акте, результатом которого является текст, а завершается акт чтением (в чтении, обсуждении, критике). ...Прагматика не смещает внимание с самого текста. В то же время «тексты получают существенную реинтерпретацию. В прагматике они предстают актами».

Важно иметь в виду то, что при подобном подходе «литературные тексты предлагается рассматривать как «имитационные речевые акты» вследствие того, что имитация реальности, построение мира вымысла в художественной литературе возможны при условии «соглашения» между писателями и читателем как познаваемого «обмена» иллюкутивными актами».

(...) Прагматический подход позволил по-новому взглянуть на природу текста, открыв то обстоятельство, что даже письменный литературный текст является действием, связывающим участников литературно-эстетической

коммуникации – автора и читателя. Следы этой «действенности» текста обнаруживаются в нем самом и требуют собственной прагматической интерпретации.

Деривационное направление изучения текста.

Термины «деривация» и «дериватология» стали активно использоваться в лингвистике в начале 1980-х гг. Их появление было вызвано необходимостью обозначить тождество механизма образования языковых единиц разных уровней, в том числе и такого речевого образования, как текст (Е.С. Кубрякова). Содержанием этого термина является понятие производности. Развивая идею Е.С. Кубряковой о проявлении в тексте универсальных законов деривации, Л.Н. Мурзин осветил многие явления этого рода. По его мнению, в основе текстообразования лежат процессы мышления; образовать текст – это образовать мысль, так как мысль, заключенная в тексте, составляет его глубинный уровень, содержательную основу. Именно на этом уровне закладывается будущий фундамент текста и действуют универсальные законы его построения. В ряде работ Л.Н. Мурзина деривационные механизмы текстообразования вскрываются в отвлечении от психологических моментов, т. е. используется методика текстового анализа, относительно независимого от говорящего и слушающего. Внимание исследователя сосредоточено на объективных, независимых от воли и сознания говорящего универсальных правилах и законах построения текста. Текст рассматривается как множество создаваемых элементов с формирующимися между ними отношениями (динамический аспект). Текстообразование при этом понимается и как семиотический процесс развития текста, и как раздел науки, задача которого состоит в поиске внутренних движущих сил текстообразования, в поиске противоречий в самом текстообразующем механизме.

Ведущий универсальный закон глубинного уровня текста, по Л.Н. Мурзину, – инкорпорирование (от позднелат. *incorporatio* – включение в свой состав). Согласно ему каждая последующая семантическая конструкция строится на основе предыдущей по принципу инкорпорирования, т. е. включения в общий смысловой комплекс. Нечто не просто присоединяется, а как бы включается в новое предложение и в нем по отношению к предыдущему предложению выполняет функцию ремы. Приведем в качестве иллюстрации стихотворение Игоря Иртеньева «Автобус»:

По улице идет автобус.
В нем едет много человек.
У каждого – свои заботы,
Судьба у каждого своя.

Это стихотворение прекрасно демонстрирует закон инкорпорирования: первое предложение (1-я строка) полностью включается во второе (2-я строка), является его темой, которая репрезентируется местоимением (В нем), смысл второго предложения включен в третье, сигналом чего является передача смысла второго предложения местоименным субститутом в позиции субъектного детерминанта (У каждого).

А.Н. Мурзин, развивая концепцию внутренних законов текстообразования, неоднократно подчеркивает, что 1) закон инкорпорирования действует на глубинном уровне, а результаты его в разнообразных формах отражаются на поверхностном уровне текста; 2) не все компоненты глубинного уровня текста должны быть представлены на поверхностном уровне.

Процесс инкорпорирования в тексте, по Л.Н. Мурзину, имеет две стороны: процесс образования семантической структуры – предикацию и результат этого процесса – номинацию. Предикация на поверхностном уровне обнаруживается в предикативной основе предложения, в процессе соединения субъекта (в широком смысле слова) и предиката. Номинация обычно выражается существительными и словосочетаниями. Л.Н. Мурзин приводит следующую цепочку предложений, иллюстрирующих процесс превращения предикаций в номинации: *Ветер был сильный; Сильный ветер дул с моря; Дующий с моря сильный ветер гнал тучи.*

Предикирование и номинация как два главных текстообразующих механизма, предполагающих друг друга, существуют в нерасторжимом единстве. В то же время, как показывает анализ конкретных текстов, предикации и номинации в различных текстах распределяются неравномерно. Одни тексты насыщены предикациями, другие – номинациями, что, безусловно, связано с индивидуально-авторской картиной мира, особенностями стиля художника слова. Надо отметить, что предикации и номинации напрямую связаны с композицией текста, его сюжеторазвитием, что может выражаться в различной их представленности на разных участках текста.

По наблюдениям Л.Н. Мурзина, на поверхностном (лексико-грамматическом) уровне действуют еще два взаимосвязанных и противоположно направленных текстовых механизма – это контаминация, имеющая целью развертывание текста, и компрессия, предназначенная для его свертывания.

Развертывание – наиболее наглядный механизм текстообразования, так как он связан с линейной организацией и с реализацией замысла текста, с переходом с глубинного (содержательного) уровня текста на его поверхностный (лексико-грамматический) уровень. Свертывание, наоборот, это переход с поверхностного уровня текста на глубинный, это осмысление содержания текста, передаваемого его формой. Оба эти механизма существуют вместе и связаны друг с другом по принципу дополнительности.

Механизм контаминации призван обеспечить «стыковку» предшествующего и последующего предложений текста. Способом такой «стыковки» служит транспозиция предшествующего предложения в последующем. Рассмотрим, например, начало стихотворения И. Иртеньева «Песня»:

*Словно коршун в синем небе,
Кружит серый самолет,
А во ржи, срывая стебель,
Дева юная поет.*

*Песнь ее летит с мольбою
В неба купол голубой,
И слова ее просты,
Как репейника цветы...*

В данном текстовом фрагменте предложения тесно связаны по смыслу благодаря контаминации, которая осуществляется транспозициями базовой предикации дева поет: песнь ее летит, слова ее просты. Суть механизма контаминации – в превращении предыдущего высказывания в тему последующего, в сохранении, дублировании темы. Это фундамент связности текста. В то же время, если бы действовал только закон контаминации, тексты были бы велики по объему и в них преобладала бы многократно и вариативно репрезентируемая тематическая часть, не было бы никаких ограничений и были бы трудности в восприятии подобного текста, усложненного многократным дублированием темы при простой реме. Разрешение этого конфликта становится возможным благодаря закону компрессии, работающему вместе с контаминацией.

Предназначение закона компрессии, как уже отмечалось, свертывание предшествующей информации, с одной стороны, и обеспечение некоторой автономности, самостоятельности высказываний внутри текста – с другой. Все это осуществляется с одной целью – сократить план выражения текста при сохранении в полном объеме плана содержания.

Л.Н. Мурзин отмечает, что свертывание предшествующих высказываний может быть: 1) полным (редуцируется все предложение) и частичным; 2) собственным и субституциональным (осуществляется при помощи различных замещающих элементов, в том числе местоимений). Приведем пример: *Чудик обладал одной способностью – с ним постоянно что-нибудь случалось. Он не хотел этого, страдал, но то и дело влипал в какие-нибудь истории – мелкие, впрочем, но досадные* (В. Шукшин). В данном фрагменте имеет место полное субституциональное свертывание первого высказывания, смысл которого во втором высказывании передается анафорическим местоимением этого (ср.: *Он не хотел, чтобы с ним что-нибудь случалось – Он не хотел этого*). Компрессия способствует лаконичности, динамичности текста, обогащению его неявно выраженными подтекстовыми смыслами, избавляет текст от ненужного повторения информации.

Контаминация и компрессия – это способы проявления в тексте более общих, универсальных текстообразующих законов развертывания и свертывания, так как и те и другие связаны с тема-рематической организацией высказывания. Развертывание направлено на рему, поскольку развертывается наиболее важная информация, а свертывание сопряжено с темой, так как опускается, редуцируется именно то, что менее информативно значимо.

Самый яркий пример свертывания – парцеллированные конструкции, крупным планом передающие фрагменты и аспекты одной ситуации, тем самым как бы приумножающие их текстовую значимость. Возьмем рассказ В.М. Шукшина «Срезал». Он начинается следующим образом: *К старухе Агафье Журавлевой приехал сын Константин Иванович. С женой и дочерью.*

Попроведывать, отдохнуть. Прием этот в данном рассказе используется многократно. Итак, основной закон текстообразования – инкорпорирование в таких двух своих проявлениях, как развертывание и свертывание, – на поверхностном уровне обнаруживается в одновременном совместном действии контаминации и компрессии.

Когнитивное направление изучения текста. В последнее десятилетие вследствие смены на пороге XXI в. научных парадигм на первый план выдвигается когнитивная лингвистика, чье появление было стимулировано достижениями системного подхода к языку, психолингвистики, функциональной и антропологической лингвистики. Вобрав в себя, переработав достижения этих научных направлений, когнитивная лингвистика предложила новый взгляд на природу языка и соответственно текста.

Когнитивное направление в лингвистике исходит из понимания языка как основного средства выражения знаний о мире (ванн Дейк, Т. Виноград, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Т.М. Николаева, Б.А. Серебрянников и мн. др.). В свете когнитивной парадигмы художественный текст осмысливается как сложный знак, который выражает знания писателя о действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира. Д.С. Лихачев подчеркивает важное значение писателей, поэтов, фольклора, религии в создании концептов национального языка. Особую роль в обогащении концептосферы национального языка, считает Д.С. Лихачев, играют поэты, ибо «ощущение языка (а мы бы сказали, концептосферы русского языка. – Л. Б.) как своего рода концентрации духовного богатства, культуры в целом в высшей степени свойственно особенно чутким к русскому языку поэтам».

Ключевые понятия когнитивной лингвистики – концепт, концептуализированная область. По определению Е.С. Кубряковой, «концепт – сущность ментальная прежде всего, изучается в связи с процессами говорения и понимания как процессами взаимодействия психических субъектов», а, как мы уже отмечали выше, взаимодействие двух субъектов – автора и читателя – основа литературной коммуникации. Следовательно, использование концептуального анализа естественно и для лингвистики текста. Обобщение компонентов семантического пространства, а также существенных для данного текста когнитивно-пропозициональных структур позволяет исследователю текста описать концептуализированные текстовые области и выявить базовые для них концепты. (...)

Следует отметить, что окончательно сформировавшейся когнитивной теории текста пока еще нет, и проблема представления знаний о мире в художественном тексте по-прежнему актуальна. (...).

Итак, в изучении текста наблюдается множественность подходов и направлений, дополняющих друг друга и способствующих более полному раскрытию его природы в лингвистическом аспекте.

№7. К практическим занятиям 7-9:

Русская грамматика – М., 1980. – С. 214–231.

СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ И ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНО-МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О МОДАЛЬНОСТИ И ОБЗОР СУБЪЕКТИВНО-МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

«§ 2190. Термин «модальность» в языкознании многозначен: им называются разные явления, объединяемые тем признаком, что все они так или иначе – грамматически, лексически, интонационно – выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности». (...)

1) (...) Объективно модальные значения «это – заключенные в замкнутой системе абстрактных синтаксических категорий значения отношения сообщаемого к действительности, т.е. значения реальности (...) и ирреальности (...). Объективно-модальное значение, т.е. значение отношения того, о чем сообщается (сообщаемого), к действительности, присутствует в любом предложении». (...)

2) «К модальным значениям относятся также все те значения, в которых заключено отношение говорящего к тому, о чем он сообщает. Это – субъективно-модальные значения. Субъективная модальность, т.е. отношение говорящего к сообщаемому, присутствует не во всяком высказывании: говорящий может никак не выражать своего отношения к сообщению. Однако очень часто такое отношение присутствует; оно выражается самыми разнообразными языковыми средствами: интонацией, специальными синтаксическими конструкциями, словопорядком, повторением слов, сочетаниями знаменательных слов с частицами, междометиями, вводными словами и сочетаниями слов (иногда их называют «модальными словами»), а также разнообразными комбинациями этих средств. Круг субъективно-модальных значений очень широк, и сами эти значения, почти всегда экспрессивно окрашенные, не во всех случаях могут быть строго и однозначно определены». (...)

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

§ 2193. К синтаксическим фразеологизмам относятся прежде всего фразеологизированные предложения (...). Это такие предложения, как *Дом как дом* (значение несоответствия обычному, норме); *Вот голос так голос!* (значение высокой степени признака и оценки); *Праздник не в праздник* (значение лишения обычного положительного содержания); *Ехать так ехать* (согласие, принятие); *Всем пирогам пирог* (превосходство над всем подобным); *Чем не подарок!* (полное соответствие предмета представлению о нем); *Что за люди!* (удивление или экспрессивная оценка); *Ах он мошенник! Ай*

да молодец! Ох уж эти родственники! (экспрессивная оценка: одобрение или неодобрение) (...).

СОЕДИНЕНИЯ СЛОВОФОРМ (...)

БЕССОЮЗНЫЕ СОЕДИНЕНИЯ

§ 2197. К свободным бессоюзным соединениям относятся соединения, употребляющиеся как в относительно независимой позиции, так и в позиции зависимой – в качестве частей сложного предложения.

1) В относительно независимой позиции – в составе простого предложения – употребляется сочетание спрягаемой формы глагола (...) и предшествующего ей инфинитива того же глагола, часто с акцентирующей частицей *–то*: *читать (не) читаю, читать-то (не) читаю*; фразеологизмы: *знать не знаю, ведать не ведаю* (...)

2) (...) сочетания двух одинаковых форм одного и того же слова с обязательным отрицанием при второй форме: *рад не рад, шалаш не шалаш, спит не спит* (...)

3) Значение высокой степени признака имеют сочетания двух форм одного и того же имени типа *негодяй из негодяев, из чудаков чудак* (...).

4) Только как первая часть противительной конструкции употребляются обозначающие противопоставленный чему-то самостоятельный и отдельный факт построения типа *дружба дружбой (а...): Горе-то горем, а тут хлопоты еще (т.е. 'дружба сама собою, сама по себе, но...')*.

5) (...) сочетания двух одинаковых форм одного и того же слова (...): *шуты-шуты, да оглядывайся; лето-лето, а холодно; старик-старик, а туда же; учен-учен, а ошибся* (...)

6) Сочетания местоименных слов типа *кто-кто, а он-то придет* (...); *где-где, а у нас найдется; куда-куда, а к тебе обязательно приду; кому-кому, а мне напишет* (...)

§ 2198. К несвободным бессоюзным соединениям относятся следующие.

1) Обозначающие интенсивность и полноту проявления признака сочетания личных форм глаголов *есть, пропасть, пропадать, дрожать, ходить, слышать, слыхивать, видать, выдывать, валить* ('идти, двигаться во множестве'), *повалить, сидеть, стоять, лежать, стать, кишеть, реветь, жить, гореть, лить, полить* и некоторых других с однокоренными наречиями с суффиксами *–ом* и *–мя* (*–ма*): *поедом ест, пропади все пропадом, дрожмя дрожит, валом валит, ходуном ходит, стоймя стоит, кишмя кишат, ревмя ревет* (...).

2) Обозначающие интенсивность и полноту проявления признака сочетания некоторых качественных прилагательных (обычно в форме жен. р. или мн.ч.) и предикатов с однокоренными наречиями с суффиксом *–ым*: *красным-красна (красны), кругом голым-голо, пьяным-пьяно, черным-черно, пустым-пуста (пусты)* (...).

3) Обозначающие полноту, напряженность и длительность действия сочетания однокоренных глаголов – двух одинаковых спрягаемых форм форм,

спрягаемой формы и инфинитива или двух инфинитивов – при условии обязательного отрицания при второй форме (...): *ждет не дождется, глядит не наглядится, слушает не наслушается, радуется не нарадуется; возить вам не перевозить таскать не перетаскать, носить не переносить* (...).

4) Обозначающие длительное и свободно осуществляющееся действие или состояние сочетания однокоренных глаголов несов. вида типа *лежит-полеживается, ходит-похаживает, сидит-посиживает, визжит-повизгивает, льет-поливает, ждет-поджидает*. (...)

5) Обозначающие полноту и интенсивность проявления признака сочетания двух однокоренных прилагательных или причастий, из которых второе слово выражает высокую степень признака: *заняты-перезаняты, хожено-перехожено, чинено-перечинено, читано-перечитано, страшный расстрашный, злая-презлая, рад-радешенек* (...).

6) (...) сочетания им.п. и тв.п. одного и того же имени (...): *живет князь-князем, выскочила черт-чертом, лежит пласт-пластом, рука висит плеть-плетью, хозяин сидит туча-тучей*.

7) Сочетания типа *возьму убегу, взял приехал*, с лексически незаменяемым первым компонентом, означающие произвольное и ничем не затрудненное осуществление чего-л. (...).

8) Сочетания типа *знает болтает, знал гнул свою линию*, с лексически незаменяемым первым компонентом, означающие ничем не обусловленное, постоянно и независимо от чего-л. совершаемое действие (...).

9) Обозначающие отрицательную оценку, ироническое отношение, сомнение сочетания формы *пойди(те)* (и *поди-те*), *иди(те)* с другим глаголом в форме повелительного наклонения; при этом в названной форме прямое лексическое значение ослаблено или утрачено: *Пойди-ка поживи, не то заговоришь* (...).

10) Обозначающие подчеркнутое утверждение, несомненность сочетания со словами *может, нельзя, невозможно* – при двойном отрицании: *он не мог не знать об этом; человек не может не любить свою родину; нельзя не удивляться; невозможно не верить в его искренность*. (...)

СОЕДИНЕНИЯ С СОЮЗАМИ ИЛИ СОЮЗНЫМИ ЧАСТИЦАМИ

§ 2199. Соединения с союзами и соединяющими частицами могут быть свободными и несвободными.

К свободным соединениям относятся следующие.

1) Соединения двух одинаковых форм одного и того же знаменательного слова при помощи частицы *так* (...), придающей сообщению несколько разных субъективно-модальных значений.

а) Значение согласия, принятия, допущения: *Пропадут так пропадут, все равно!* (...)

б) Значение полного соответствия необходимому, желаемому, должному: *Ну, куда же ей женить, ей ли женить? Вот я женю так женю* (...).

в) Значение точного соответствия называемому, истинности и полноты имеют соединения с *так*, вводимые ударной частицей *вот*: *Вот урод так урод! Вот удружил так удружил (...)*.

2) Соединения при помощи союза и двух одинаковых форм одного и того же слова, имеющие несколько субъективно-модальных значений.

а) В соединениях в сказуемом – значение обыкновенности, соответствия обычному: *У лешего наружность обыкновенная. Мужичок и мужичок. (...)*

б) В соединениях в сказуемом – значение согласия, принятия, допущения: *«Глуп, говорит, ты!» Ну, глуп и глуп, не впервой мне это от него слышать (...)*.

в) В соединениях вопросительных и относительных слов – значение множественности при мыслимом перечислении: *Кто и кто те люди, которые могли бы решить, действительно ли он так умнее всех? (...)*

г) В соединениях имен – обычно в позиции подлежащего, при сказуемом *есть*, *бывают*, *существуют* и *под.* – значение различия, несходства в составе множества: *Есть друзья и друзья ‘друзья бывают разные’ (...)*.

д) В соединениях в сказуемом с отрицанием при второй форме – значение одновременно реализующегося состояния, действия, совмещение наличия и отсутствия: *надеялся и не надеялся; похож и не похож; рад и не рад (...)*.

4) Сказуемое сочетание двух форм одного и того же слова посредством союза *или (ли)*, с отрицанием при второй форме, означает безразличие, несущественность по отношению к чему-то другому, независимость от чего-то другого. (...) *Сердись или не сердись, делу не поможешь (...)*.

5) В составе предложения с *чтобы* употребляются именные соединения с фразеологическим единством *на то и*, означающие предназначенность, соответствие назначению: *Дети на то и дети, чтобы шуметь. Деньги на то и деньги, чтобы их тратить.*

§ 2200. К несвободным соединениям с союзами и частицами относятся следующие.

1) Союзные – с *и*, *да*, *да и* сочетания с лексически незаменяемым первым компонентом *взять (возьму, взял и т.д.)*, означающие незатрудненность и произвольность, иногда также неожиданность действия: *Возьму вот и продам завтра тройку! (...)*

2) (...) сочетания типа *только и знает (и делает), что спит (...)*: *С дедушкой они только и делали, что играли в шашки (...)*.

ПОВТОРЫ

§ 2201. Различные субъективно-модальные значения выражаются повторением в предложении одного и того же слова. Такие повторы – лексически не ограниченные – могут быть бессоюзными и союзными. В бессоюзном повторе значение выявляется только интонационно.

Бессоюзное повторение (...).

Наиболее обычны двукратные повторения: *Сапожник бился, бился. И наконец за ум хватился* (Крыл.); *Жили-жили, радели-радели, и ну-тка, ступай теперь вон, говорят!* (С.-Щ.); *Думаешь-думаешь, оправдываешься-*

оправдываешься, а на дне души все что-то повторяет: виновата, виновата, виновата (Гарш.); *Страх въедался в детей, рос, рос* (Г. Усп.). Такие повторы сами могут повторяться: *Сижу я и жду-жду, жду-жду; приезжает генерал* (Леек.); *Искала-искала, искала-искала – нет! Сгинул да пропал* (Дост.).

Повторением именных форм может выражаться значение множественности, полноты, интенсивности или исключительности: [Хлестаков:] *И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры...* (Гоголь); *Представь ты себе высокие-высокие горы, на тысячу раз выше, чем церковь... Наверху туман, туман, туман... Внизу громаднейшие камни, камни, камни...* (Чех.); *Из форточки далекое-далекое доносилось пение* (Малышк.).

Возможна позиционная раздельность повторяемых форм: *Терпел я терпел – не вмоготу стало* (И. Горбунов); *Ждали вас ждали к обеду-то* (Дост.); *Били тебя на службе, били, а ты все-таки не знаешь, в какой день пятница бывает* (М.-Сиб.).

Повторение слов, всегда с их интонационным разделением, употребляется для неодобрительного воспроизведения чужой речи: *Толкуют – просвещение, просвещение, а это просвещение – фук!* (Гоголь); *Обещал: куплю, куплю велосипед, а сам все не покупаешь* (разг. речь).

§ 2202. Повторение форм глагола сов. вида, произносимых слитно и с усиленным ударением на первой форме, имеет свои субъективно-модальные значения. Так, повторение глаголов с ограничительным префиксом *по-*, за которым следует сообщение о действии сменяющем или прерывающем, не заключает в себе указания ни на длительность, ни на интенсивность, а, напротив, подчеркивает ограниченность действия во времени: *постоял-постоял и пошел* значит: ‘немного, постоял, и пошел’: *Постоял я тут постоял, а потом опять говорю: «Простудитесь, барышня»* (Корол.); *Знобит всего, на печке лежу. Похожу-похожу по двору, на улицу загляну и опять на печь лягу* (С.-Щ.); *Пошумят-пошумят да и успокоятся* (разг. речь).

Повторения других глаголов сов. вида означают или эпизодичность, прерывистость, нерегулярную повторяемость (а), или интенсивность действия (б): а) *Только все как будто собачка эдак залает, залает где-то* (Тург.); *Костылин все отстаёт и охает. Жилин шикнет-шикнет на него, а сам все идет* (Л. Толст.); [Г л а ф и р а:] *Лежит, как мертвая; опомнится, опомнится да опять глаза заведет* (А. Остр.); б) *Разлетится, разлетится, по щеке – хлоп!* (Г. Усп.); *Понес, понес свою философию!* (Макар.); *Тетя Даша взволнованно зашептала, зашептала, вскочила, уронив стул* (Кавер.).

§ 2203. Союзные – с союзами *и, да, да и* – повторы имеют разные субъективно-модальные значения.

1) Значение длительности и постоянства, непрерывности (при союзе *да* – с возможным оттенком неукоснительности) характерно для повторения глаголов несов. вида и глагольных имен: *И хоть бы одно задушевное слово сказал! Крики и крики – и больше ничего!* (Писем.); *Пули летели и летели* (Гарш.); *Она не чувствовала ни ветра, ни темноты, а шла и шла* (Чех.); *Много людей сгнуло, а другие идут да идут* (Бажов); *Едем и едем, едем и едем: и*

день, и ночь (Троепол.); Да, брат, гостей стал водить. А то что? Один да один. Скучно (Г. Радов).

2) Значение интенсивности, полноты или исключительности не ограничено повторением слов каких-то определенных категорий: *Главным основанием его системы была, строгость. «Строгость, строгость и – строгость», – говаривал он обыкновенно (Гоголь); Для меня одно и одно – это твоя любовь (Л. Толст.); Ах, да все это скучно и скучно! (Чех.); Пристал и пристал: едем и едем (Макар.); степь да степь кругом, за ним нужен глаз да глаз, за вами гляди да гляди.*

3) Значение категорического утверждения также не ограничено повторением слов каких-то определенных категорий: *Это редкая девушка. Милый друг, я вас прошу, вы не умствуйте, не сомневайтесь, женитесь, женитесь и женитесь (Л. Толст.); – Никому не говорил. – Это странно. Неужели так-таки совсем никому? – Совсем никому. Никому и никому (Дост.); Нет у меня для вас места! Нет и нет! Оставьте меня в покое! (Чех.); Стала на своем, что иду и иду, и только. (Леск.).*

4) Значение иронического, неодобрительного воспроизведения чьих-либо слов обычно для повторов с да: *Пристал: купи да купи, петушок, говорит, славный (Гонч.); Так себе старичок мой зря болтает: женить да женить (Л. Толст.); – Ну, как у вас там дела? – Да ничего, помаленьку. – Вот все вы так: помаленьку да помаленьку, а я этого терпеть не могу (М.-Сиб.).*

ВЫРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТИВНО. МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ СРЕДСТВАМИ СЛОВОПОРЯДКА

§ 2204. Помимо всех случаев актуализации (см. § 2129–2169), изменением нейтрального словорасположения могут выражаться те или иные субъективно-модальные значения. Это чаще всего значения отрицательного отношения, недоверия, иронии. В начальную позицию в предложении при этом выносятся предикативно значимый член предложения (...). Предложение часто имеет форму прош. или буд. вр.: *Поймет (понял) он тебя!* ('конечно, не поймет'); *Поедет (поехала) она с тобой (как же)!; Дадут (дали) тебе премию (дожидайся)!; Охота ему (была) ехать в такую погоду!; Друг он тебе (прямо уж)!; Хорош мальчик!* Для глаголов при таком словопорядке обычны сочетания с частицей *так и*: *Так и дадут (дали) тебе премию!; Так и поедет (поехала) она-с тобой!*

Такие выносы обычны для слов *надо, нужно, нужен, много, мало, станет, будет*: *Стану (буду) я с ним спорить!; Очень надо с дураком спорить!; Нужно мне его участие!; Много он мне помогал!; Мало я с ним мучилась!* Конситуативно обусловленное значение так вынесенных слов оказывается обратным их прямому значению: *Мало я с ним мучилась!* значит 'очень много мучилась'; *Нужно мне его участие!* значит 'не нужно'.

§ 2205. Уступительно-акцентирующее значение выражается вынесением в начало предложения любого его члена, противопоставляемого, остальному составу предложения местоименным сочетанием *и то (и тот, и та, и того, и*

там, и туда, и тогда и под.) и интонационным выделением этого члена (...). *Письма – и то (и того) не написал; Мать – и то (и та) не понимает; С сахаром – и то (и с тем) не ест.*

§ 2206. Значение подчеркнутого утверждения при противопоставлении связано с выносами при поддержке частиц *да, да чтоб, чтоб* (подчеркивание несоответствия), безударной *так* (выделение противопоставляемого): *Вот я так всегда помогу; К другу да (да чтоб, чтоб) не зайти!; Сапер да не сумеет (чтоб не сумел, да чтоб не сумел)!; Начальника да как отчитала!; С твоим умом да (да чтоб, чтоб) не понять?; [М о л ч а л и н:] Нет, мне так довелось с приятностью прочесть (Гриб.); Небось, как себе, так шьешь новое платье. Шьешь. Себе так все можно, а мне так нельзя (Макар.). (...)*

§ 2207. Значение приблизительности и неуверенности связано с выносом в открывающую позицию формы род. п. в составе количественного сочетания; такой словопорядок обычно поддерживается специальными словами со знач. приблизительности: *Годочков ей (этак) приблизительно пять; Лет ей около тридцати; Рублей (так) сорок получим; Свидетеля два-три (может быть) и найдется; Книг пять за всю свою жизнь прочитал; Вернулись суток через трое.*

ПОСТРОЕНИЯ С МОДАЛЬНЫМИ ЧАСТИЦАМИ

§ 2208. В русском языке существует большое количество самых разнообразных частиц, специально предназначенных для того, чтобы в составе предложения, в разных сочетаниях с теми или другими его членами или с предложением в целом, выражать различные субъективно-модальные значения. По своему составу эти частицы могут быть простыми или составными. Списки частиц и их характеристики содержатся в § 1689—1699. Как выразители разных субъективно-модальных значений модальные частицы (и построения с этими частицами) группируются прежде всего на основании, самих этих значений. (...)

В предложениях с субъективно-модальными частицами могут быть выделены значения, связанные с непосредственными эмоциональными реакциями, с тем или иным волевым проявлением, и значения оценочно-характеризующие. Как сказано в § 2191, оба эти вида значений очень часто, и даже обычно, выступают в тесном взаимодействии друг с другом.

§ 2209. К сфере выражения непосредственных эмоциональных реакций на сообщаемое относятся субъективно-модальные значения эмоционально окрашенного подчеркивания, усиления: *Отвечай же! Да отвечай же!; Он-то (это он-то) не поможет!; Вот охота спорить!; И чему она радуется; Чудак, ну чудак!; Зачем только я пришел!; Таки изрядно замерз; прямо странно; просто непонятно; даже удивительно; Уж потрудись!; Ведь это просто страшно; значение положительной или отрицательной оценки или удивления: *Вот жулик!; Вот и верь тебе!; Вот чудак-то!; Ну и наработали!; Ну дом, ну хозяйство!; Уж и соседи!; Вот тебе и именины! (...); осуждения, сожаления, оценки совершенного как "нецелесообразного": [Анна А н д р е е в н а:] *А все ты со своим глупым жеманством: совершенно оделась, нет, еще нужно***

копаться... было б не слушать ее вовсе (Гоголь); Так и разошлись из-за трехсот рублей... Ругаю теперь себя, грешный человек, истинно говорю. Было б мне отдать ему триста, или же поугатать, на весь? город посрамить (Чех.); подчеркнутого отрицания: Так я и поверил!; – Помогли! – Какое (какое там, куда там) помогли!; значение угрозы: Поговори мне еще!; Покричи еще у меня...; согласия: – Отдохнем? – И то отдохнем; опасения: Ну услышит кто-нибудь?; Не ходи, вیره заблудишься; Ну как заблудимся?; Ну-ка да дождик?; Уж не он ли?; предположения, допущения: Разве к ночи доберемся; Разве. что семья поможет; сомнения, неуверенности, неясности, неопределенности: Гроза, что ли, собирается; Устал что-то; Непонятно все как-то; Словно зовут?; Будто кто-то стучит? –, Вроде как стучат; – Устал? – Не то чтоб устал (а...); Что ты, или нездоров?; уверенности: Будто я тебя оставлю!; Будто не знаешь?; Не иначе как дождик будет; смягченности при побуждении: возьми-ка; идите, что ли; при согласии: что ж, идем; при внутреннем, для себя решении: шел мимо: дай зайду сём-ка я отдохну (прост, и устар.); съезжу-ка я в Москву; значение приблизительности: Виделись так в году сороковом; частичного, не совсем охотного, по необходимости принятия, допущения: Хоть в чем-нибудь поможет; пошли хоть письмо; хоть рубль дай. (...)

§ 2210. К сфере выражения волевых проявлений относятся субъективно-модальные значения призыва к согласию, к ожиданию; решимости, просьбы дать возможность сделать что-н.: Дай освобожусь, тогда поговорим; Вот только дай пройдет это тяжелое время; Давайте к нам!; Не ходи, давай (дай) я схожу; Думаю, дай войду к подчиненному. Ведь не прогонит же он меня (Дост.); – Притворяется, – засмеялся Савушкин. – Будто мертвая. А дай солнышку пригреть, заскачет ой-ой как! (Нагиб.). Частицы дай(те), давай(те) употребляются только в предложениях, сообщающих о действии, состоянии.

§ 2211. К сфере характеристик сообщаемого со стороны его свойств, качеств относятся всегда сочетающиеся с эмоциональной реакцией значения высокой степени признака: Уж и зол!; Ну и умен!; Вот как уважаю!; То-то весело!; Что ни на есть лучший товар; полноты, исчерпанности: Дождь так и хлещет!; На что уж хуже!; Все как есть выполню (прост.); маловажности, несущественности: Что-то там сочиняет, переводит; Говорят, что герр Урбах чертит какие-то проекты. Но что это за проекты, – никто не знает. Т а к, одни разговоры (Фед.); неожиданности, неподготовленности: глядь и явился, хватать и приезжает; своевременности: как раз и письмо пришло; утверждения истинности: именно чудак, чудак и есть, как есть чудак; значение кажущегося действительным или несоответствия действительности: Вроде и просто, а на самом деле нет; Будто как (вроде как, будто бы) спит, а сам все слышит; Чуть не гением себя считает; Он якобы в это время отсутствовал. (...)

§ 2212. В сферу характеристик сообщаемого по его связям и отношениям или по отношению к и с т о ч н и к у (всегда в сочетании с той или иной эмоциональной реакцией) входят значения предпочтительности перед чем-н.

другим: *Я лучше пойду; Лучшие и не спорь!*; значение завершения или выявления предшествующего: *преступника так и не нашли* (т. е. 'искали и не нашли'); *так и не согласился* 'не соглашался и не согласился', *так и спит одетый* 'как лег одетый, так и спит'; несоответствия ожидаемому, тому, что должно было бы быть: *обидел и еще смеется* (т. е. 'не должен бы смеяться'), *грубит, а еще пионер*; значение связывания с известным, отнесения к известному: *Ты его видел, он еще в клубе выступал, еще рыжий такой* (разг. речь); независимости, несвязанности с чём-л., необусловленности чём-л., действия вопреки чему-н.: *Его зовут, а он идет себе; знай пишет; знай себе насвистывает*; свободы: *Никакого тебе начальства!*; единственности, исключительности: *Всё ты виноват; Только он знает; Лишь я пойду (...)*.

ПОСТРОЕНИЯ С МЕЖДОМЕТИЯМИ

§ 2217. В выражении субъективно-модальных значений, разнообразных эмоциональных реакций, акцентирования, усиления или интенсивности участвуют междометия. Они могут, во-первых, свободно вводиться в предложение как слова, синтаксически с ним никак не связанные; во-вторых, междометие может быть синтаксическим компонентом предложения или входить в состав того или иного его члена.

Как компонент элементарной синтаксической конструкции междометие выступает, в составе фразеологизированной структуры (например: *Ах он чудак!*; *Ай да герой!*; *Ох уж эти мне советчики!*; см. § 2589). С другой стороны, междометия *ах, ох, эх, ух, о, а-а, ай, ой, ай-ай-ай, ой-ой, эй, увы, эге, фу, эк, эка, батюшки, дудки* и другие свободно вводятся в предложение (обычно, но не обязательно открывая его) для выражения самых разнообразных эмоций и экспрессивных, реакций: *Ох, беда!*; *Эх, Ваня, что ж ты наделал!*; *Все кончено, увы!*; *О, как я устал!*; *Эй, образумься!*; *Фу, какой стыд!*; *Как нехорошо, ай-ай-ай!*; *Эге, вот оно в чем дело-то!*; *О жизнь!* (...)

ПОСТРОЕНИЯ С ВВОДНЫМИ СЛОВАМИ, ВВОДНЫМИ СОЧЕТАНИЯМИ СЛОВ И ВВОДНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ

§ 2220. К вводным словам и сочетаниям слов относится довольно обширная и легко пополняющаяся группировка лексико-синтаксических единиц – словоформ и в разной степени устойчивых сочетаний, выражающих отношение к сообщаемому или его характеристику: экспрессивную реакцию на сообщение; подчеркивание, выделение какой-то его части; характеристику сообщаемого с точки зрения его связей и отношений, достоверности или недостоверности; по характеру протекания во времени; отнесение сообщения к его источнику (подробнее см. § 2221). Вводные предложения по своей функции (выражение отношения к сообщению) смыкаются с вводными словами и сочетаниями слов; отличие состоит в том, что вводные предложения по форме являются законченными или относительно законченными сообщаемыми

единицами, т.е. имеют структуру того или иного простого предложения – обычно нераспространенного или мало распространенного. (...)

§ 2221. Круг субъективно-модальных значений, выражаемых вводными словами, вводными сочетаниями слов и вводными предложениями, близок к кругу значений, выражаемых модальными частицами (см. § 2208–2213), но полностью с ним не совпадает. В обобщенном виде значения эти следующие (перечни вводных слов и сочетаний – не исчерпывающие).

1) Значение акцентирования, подчеркивания, выделения в сочетании с усилением и с обращенностью к адресату с желанием привлечь внимание собеседника – выражается, такими вводными словами, сочетаниями и предложениями, как *напоминаю (напоминаем, напомню, напомним), повторяю, подчеркиваю, что важно, что еще важнее, что существенно, что еще существеннее, представьте, представь себе, поверьте, поверите, поверишь ли, вообразите, не поверишь,, согласись, заметьте, заметим, можете себе представить, например, к примеру. (...)*

2) В отличие от слов первой группы, ориентированных на адресата речи, многие вводные слова и сочетания служат для выражения субъективного отношения, эмоциональных реакций, интеллектуальных оценок самого говорящего – радости, одобрения, положительной оценки: *на счастье, к счастью, к радости, к удовольствию кого-н., что хорошо, что еще лучше;* сожаления, неодобрения, отрицательной оценки: *к несчастью, к сожалению, к стыду чьему-н., к неудовольствию, к огорчению кого-н., к прискорбию чьему-н., к досаде, на беду, по несчастью, грешным делом, как на беду, как нарочно, что еще хуже, что обидно, увы;* удивления, недоумения: *к удивлению кого-н., к изумлению, странно, странное дело, непонятное дело, удивительно, удивительное дело;* опасения: *неровён час, чего доброго, не дай бог;* оценки сообщаемого с точки зрения достоверности: *наверное, надеюсь, думаю, полагаю, пожалуй, кажется, думается, видимо, по-видимому, вероятно, по всей вероятности, может быть, должно быть, надо полагать, как кажется, видно, как видно; без сомнения, конечно, само собой, разумеется, само собой разумеется, бесспорно, действительно;* неопределенности: *некоторым образом, в каком-то смысле;* допущения: *положим, предположим, допустим, пожалуй, возможно, если хотите.* В ряде случаев общее эмоциональное отношение к сообщаемому выступает как недифференцированное, неопределенное; это характерно для таких вводных слов, сочетаний и предложений, как *говоря по совести, сказать по чести, между нами говоря, если правду сказать, кроме шуток, по правде говоря, прямо скажу, признаюсь, нечего зря говорить, по сути, по существу, в сущности говоря.*

3) Отношение к стилю, к манере речи, к характеру и способу изложения выражается словами: *лучше сказать, иначе говоря, прямо сказать, грубо говоря, если можно так выразиться, вернее сказать, короче говоря, одним словом, другими словами, проще сказать*

4) По разнообразным связям, отношениям и зависимостям, а также по месту в строе текста сообщение характеризуют вводные слова и сочетания: *кроме того, к тому же, в довершение всего, вдобавок, сверх всего, притом,*

следовательно, стало быть, тем более; во-первых, во-вторых, в-третьих...; по значению соответствия чему-н.: как водится, как повелось, по обычаю по обыкновению, как всегда; по значению независимости от чего-н., противопоставленности; напротив, наоборот; как ты хочешь, воля твоя, воля ваша (Воля твоя, я не согласен; Как ты хочешь, я никуда не пойду).

5) По источнику, по отнесенности к автору речи сообщение характеризуется вводными словами, сочетаниями и предложениями: *по слухам, как слышно, по мнению кого-н., с точки зрения кого-н., как полагаю (думаю, считаю, знаю), как говорят, как считают, как пишут, как указывалось; по моему, по-твоему; как оказалось, как известно; как говорили в старину, по словам кого-н., по сообщению кого-н., по выражению кого-н., говорит, говорят.*

6) Характеристика сообщаемого со стороны меры, степени или ограниченности чем-л. выражается сочетаниями *по меньшей мере, по крайней мере (Опаздываем по крайней мере на час), в той или иной степени, в значительной степени.*

7) Характеристику по протеканию во времени, по отношению ко времени выражают вводные слова, сочетания и предложения: *случается, как это бывает, как это случается иногда (всегда, постоянно, часто, изредка).*

§ 2222. Разные средства выражения субъективно-модальных значений: специальные синтаксические конструкции, особый словопорядок, повторы, частицы, междометия, вводные слова, сочетания слов и вводные предложения – всегда в сопровождении определенной интонации: (см. § 2223–2230) – могут в одном и том же предложении комбинироваться, выступать совместно. Строгих грамматических правил такого соединения нет: здесь возможны самые различные комбинации средств, или совпадающих по своему субъективно-модальному значению, или не совпадающих, различных (...)

№8. К практическим занятиям № 7-9:

Современный русский язык в таблицах и схемах. Ч 3. Учеб. пособие / Р.С. Астрина, А.М. Дмитриева, Л.Г. Коротаева и др. – М., 1985.

Частицы – это служебные слова, которые сообщают разнообразные смысловые, модальные и эмоционально-экспрессивные оттенки значения словам, частям предложения и всему высказыванию.

Функция: передают оценку содержания высказывания, обслуживают различные семантические потребности слов, членов предложения или целых предложений.

Разряды частиц по функциям

Разряды частиц	Значение	Частицы	Примеры
<p>1. Смысловые</p> <p>А) Указательные</p> <p>Б) Определительно-уточняющие</p> <p>В) Выделительно-ограничительные</p> <p>Г) Усилительные</p>	Придают смысловые оттенки	<p><i>Только, именно, вот</i></p> <p><i>Вот, вон, это, во</i></p> <p><i>Точно, именно, ровно, как раз, подлинно, почти, чуть не</i></p> <p><i>приблизительно</i></p> <p><i>Лишь, только, только лишь, все, исключительно, единственно, всего, всего-навсего</i></p> <p><i>Даже, даже и, же, и, ведь, уже, уж, ну, ни, то, просто, прямо, положительно</i></p>	<p><i>Хочу только предупредить вас.</i></p> <p><i>Вот и крепость.</i></p> <p><i>Ровно кто-то стучит?</i></p> <p><i>Точно, я читал эту книгу.</i></p> <p><i>Свет поднимается все выше.</i></p> <p><i>Только я знаю.</i></p> <p><i>Даже он придет.</i></p> <p><i>Как еще получится.</i></p>
<p>2. Эмоционально-экспрессивные</p>	Усиливают выразительность, эмоциональность высказывания	<i>Что за, как, вот так, куда там, где там, то-то, ну и</i>	<i>Вот то-то все вы гордецы.</i> <i>Валя, что это за чудо!</i>
<p>3. Модальные</p> <p>А) утвердительные</p> <p>Б) отрицательные</p> <p>В) вопросительные</p> <p>Г) сравнительные</p>	Выражают отношение к достоверности явлений, сообщаемых в высказывании	<p><i>Да, нет, разве, мол, дескать</i></p> <p><i>Да, так, точно, как же, определено</i></p> <p><i>Не, ни, нет, вовсе не, отнюдь не</i></p> <p><i>Разве, неужели, ли, что, что ли</i></p> <p><i>Как, как бы, словно, будто, как будто</i></p>	<p><i>Да, дерзкий человек</i></p> <p><i>Да, еще одна новость.</i></p> <p><i>Я не приеду.</i></p> <p><i>Разве я тебе чужая?</i></p> <p><i>На землю как будто опустились сумерки.</i></p> <p><i>Пусть сильнее грянет буря!</i></p>
<p>4. Словообразующие и формообразующие</p>	Служат для образования новых слов и форм слов	<i>Не, ни, пусть, пускай, бы</i>	<i>Пусть сильнее грянет буря!</i>

№9. К практическим занятиям № 7-9:

Современный русский язык в таблицах и схемах. Ч 3. Учеб. пособие / Р.С. Астрина, А.М. Дмитриева, Л.Г. Коротаева и др. – М., 1985.

Междометия. Категориальное значение. Функции. 1. Лишены лексического значения. 2. Служат для выражения чувств, ощущений, волевых побуждений, душевных состояний, но не называют их. 3. Не обладают познавательной ценностью.

Разряды междометий по семантическим функциям

Междометия, обслуживающие сферу эмоций и эмоциональных оценок	Междометия, обслуживающие сферу волеизъявления	Междометия, обслуживающие сферу этикета
<p>1.Междометия, выражающие отрицательные эмоции: презрение, отвращение, пренебрежение, насмешку, досаду, укор, порицание, угрозу, протест, осуждение, раздражение, испуг, огорчение, растерянность, недоверие, вызов, горе, боль, печаль, сожаление.</p> <p><i>Тьфу! Тю! Брр! Горе! Ад и проклятье! Дело табак! Дудки! Крышка! Капут! Смерть! Страх! Ужас! Труба! Увы! Беда!</i></p>	<p>1.Междометия с общим значением повеления, побуждения.</p> <p><i>Ну! Стоп! Тпру-у! пли! Ату! Баю-бай! Вира! Майна! На! Наме! Эх раз! Тппр! Тсс! Т-ш-ш-ш! шабаш!</i></p>	<p>1.Междометия-приветствия.</p> <p><i>Здравствуйте! Здравствуй! Мое почтение! Привет! Здорово!</i></p>
<p>2.Междометия, выражающие положительные эмоции: восторг, восхищение, облегчение, ликование, одобрение, поощрение, уважение, радость, счастье.</p> <p><i>Браво! Бис! Брависсимо! Ура! Добро! И дело кр-р- расота! Славно!</i></p>	<p>2.Междометия, служащие сигналом к вниманию.</p> <p><i>Ау! Ай! Чу! Алло! Караул! О-го-го! Гей! Полундра!</i></p>	<p>2.Междометия-прощания.</p> <p><i>До свидания! Прощай! Прощайте! До новой встречи! Прости-прощай! Пока!</i></p>
<p>3.Междометия, семантические функции которых диффузны</p> <p><i>А! ай! Ага! Батюшки! Вот это да! Вот так клюква! Вот так</i></p>	<p>3.Междометия, с помощью которых отгоняется или подзывается кто-</p>	<p>3.Междометия-пожелания.</p> <p><i>Всего хорошего! Всего! Спокойной ночи!</i></p>

Междометия, обслуживающие сферу эмоций и эмоциональных оценок	Междометия, обслуживающие сферу волеизъявления	Междометия, обслуживающие сферу этикета
<i>так! Вот так раз! О господи! Ишь ты! Матушки! Мать честная! Ну и ну! О-о-о! ого! Ой! Помилуй! Ух ты! Ха! Хм! Эге! Эх! Эхе! Эхма! Эх ты!</i>	<i>либо. Вон! Цыц! Прочь! Марш! Брысь! Кис-кис! Куть-куть! Фу!</i>	<i>Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер! Счастливо!</i>
		4.Междометия-благодарности. <i>Спасибо! Благодарю! Благодарствуйте! Пожалуйста! Мерси!</i>
		5.Междометия-извинения. <i>Прости! Простите! Извини! Извините! Пардон! Извиняюсь!</i>

№10. К практическим занятиям 7-9:

Материалы информационного спора по очерку «Черная вдова». – www.rusexpert.ru.

Текст очерка «Черная вдова»

Так за глаза называют в Чебоксарах Полину Попову. Трое ее мужей умерли один за другим – и все от сердечной недостаточности...

В народе любят рассказывать «страшилки» про «черных вдов» или вдовцов. Говорят, у этих людей такая «вампирическая» энергетика, что они в буквальном смысле слова сживают со свету своих спутников жизни: сколько раз ни вступают в брак, партнер вскорости умирает. И, как правило, причина смерти у всех одна и та же: у кого-то все жены вдруг заболевают раком, у кого-то все мужья тонут в реке... Случаев таких в истории действительно немало. А вот стоит ли что-то реальное за разговорами о злом роке, преследующем отдельных супругов? Каковы причины появления «черных вдов» и вдовцов? Сегодня мы попытались найти ответы на некоторые вопросы. Кстати, если вы знаете какие-то необычные семейные истории – обязательно на эту тему, – а также у вас есть свои версии, объясняющие бесконечное несчастье супругов, пишите нам на адрес редакции с пометкой на конверте «Мужчина и женщина» или звоните автору материала по телефону: (8422) 45-17-45.

О Полине Федоровне Поповой из Чебоксар чего только не говорят. Она и «черная вдова», и колдунья – 60 лет уж, а все хорошеет. А самое главное –

привораживает она мужиков. Стоит ей посмотреть на кого-то пристально своими пронизывающими карими глазами – тот будто приворотного зелья выпил. Да только всех, кто в нее влюбляется, ждут несчастье или смерть...

Первое замужество

Первого мужа 18-летней Полине подыскали родители. Василий – тракторист из соседнего села – был мужиком работающим и на восемь лет старше невесты.

Родив дочку, супруги уехали в город. Там Василий перестал быть первым парнем: никак не мог найти денежную работу. А Полина мечтала о достатке. И срывала раздражение на муже. Накричит – ей вроде легче становится, тут же и отойдет, пожалеет, что так обидела. А Василий – по натуре тихоня, в споры с женой не вступал, переживал все в себе... Да только стал чахнуть на глазах, а потом слег. Полина самоотверженно за ним ухаживала. Когда Василий скончался от сердечного приступа в 38 лет, вдова казалась безутешной.

Вторая попытка

Год без мужа Полина прожила в трауре.

Сослуживец покойного супруга Сергей навещал 30-летнюю вдову, природной красоты которой не смог скрыть даже ее черный платок. Вскоре Сергей переехал к Полине, но совместная жизнь не заладилась. Полину раздражало в сожителе все до мелочей. Как он ест, какие передачи смотрит, как разбрасывает по дому носки.

Она бесконечно сравнивала его с бывшим мужем, и сравнение всегда оказывалось не в его пользу. Сергей стал худеть, осунулся, на висках появилась седина. «Все соки она из него выпила!» – злословили соседи. Внезапная смерть Сергея от инфаркта через год совместной жизни с Полиной вызвала волну пересудов. Горевала она с полгода. Да и вышла замуж.

Муж Александр пропил свою жизнь

С очередным мужем – Александром Кузьминым – Полину познакомили подруги. Мужчина симпатичный, деловой. Зажила с ним как у Христа за пазухой. А потом пошли разлады. Муж начал пить, поднимать руку на Полину. Она написала заявление в милицию, что

муж ее бьет, взяла справку в поликлинике... И влетело постылому по полной – три года колонии. Полине досталась квартира. Рассказывают, выйдя из тюрьмы, бывший муж неприкаянным возле ее подъезда ходил: не прошла любовь-ненависть...

А потом уехал, два раза женился, да неудачно... Сейчас пропадает в глухой деревне.

Дядя Миша

Пожив в одиночестве, 60-летняя Полина вновь затосковала по мужской ласке. Соседка присоветовала с дядей Мишей из соседнего дома познакомиться. Одиноким старик с квартирой, по характеру добродушный, но

больно стеснительный. Полина заглянула к нему в гости на чаек. Дядя Миша незнакомке обрадовался. И уже на третью встречу ей пожениться предложил!

Теперь родные дяди Миши Полину недобрым словом вспоминают. После замужества она запретила ему с родней видеться. До свадьбы Михаил Петрович был крепким, здоровым. А после стал жаловаться на резкие боли в груди. Умер он через два года жизни с Полиной. Медицинская экспертиза заключила: остановилось сердце.

«Бог дал – Бог взял»

На встречу с «черной вдовой» я, признаться, шла с тяжелым сердцем – ожидала увидеть угрюмую колдунью... А Полина Федоровна оказалась молодежкой, симпатичной и болтливой. Про то, что ее за глаза «черной вдовой» называют, она слышала, но всерьез эти рассказы о смертях мужей не воспринимает: «Бог дал – Бог взял». Зато долго рассказывала мне, как квартиру покойного дяди Миши у его настырного племянника больше года отсуживала. Отсудила-таки!

Одна родственница Полины в разговоре со мной так прокомментировала ее жизнь: «Она женщина неплохая, единственную дочку полностью обеспечила, внуков любит, но мужики для нее – что расходный материал.

Влюбит в себя, попользуется, душу вытрясет – они и «ломаются», как испорченные игрушки».

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВ, ЭКСТРАСЕНС:

– Полина Федоровна – яркий пример «семейного вампиризма». Видимо, ей попадались слабые духом мужчины, так называемые энергетические доноры. Она их «обесточивала». Таких примеров сотни!

Как распознать «вампира»?

Он агрессивен к окружающим, злопамятен и не умеет прощать.

Провоцируют у партнера «выбросы психической энергии»: идет на рожон, обостряет отношения, подталкивает другого человека спорить и сердиться, изматывает придирками по пустякам. Знайте, что человек, который на вас кричит, пытается глотнуть вашей энергии.

3. Не выносит закрытых дверей, во время ссоры пытается подойти поближе, а не отступить. После разговора с ним люди чувствуют себя усталыми, выжатыми. А он как в душе искупался – бодр, весел, даже готов извиниться и наладить отношения.

Как защититься?

Не паникуйте – почти у 70 процентов пар один из супругов – энергетический вампир. И чем меньше вы перед ним пасуете, тем лучше.

Не спорьте с ним, не встраивайтесь в пустячные ссоры, мысленно ограждайте себя стеной, барьером (как бы накройте себя колпаком, скрестите незаметно ноги или пальцы рук).

Психолог Елена Вдовина:

– Говорят, все наши болезни от нервов. И чем хуже психологический климат в семье, тем чаще в ней болеют. В данном случае, возможно, у Полины настолько склочный характер, что она буквально сживает со свету своих бесхарактерных мужей, в душе не желая того. Не исключено, эта от природы здоровая женщина, любящая хорошо поесть, кормила своих мужей жирной обильной пищей, которая и спровоцировала сердечную недостаточность. А вообще, мне кажется, мало она мужей любила – оттого и личного счастья нет как нет.

«Тебе нельзя жениться!»

Так сказала Игорю П. медсестра онкоклинки города Екатеринбурга. В эту больницу он привез... третью по счету жену.

Его первая жена умерла от рака совсем молодой. Игорь через год снова женился. А через пять лет после свадьбы уже вторая жена умерла в той же больнице и тоже от рака. Игорь после этого долго не женился. Но наконец встретил новую любовь. Прошло четыре года. И тут вдруг третью жену положили в онкологию, прогнозы врачей неутешительны...

Пожилая медсестра, на глазах у которой происходили эти трагедии, сказала безутешному мужу: сколько бы ты ни женился – жены будут заболеть. Есть такие мужчины – носители рака, сами не болеют, а женщинам болезнь передают!

Комментарий врача-гинеколога Геннадия Алексеева:

– Такие разговоры ходят, но медициной ничего не доказано. По нашим наблюдениям, только рак шейки матки могут провоцировать вирусы, передающиеся половым путем. Но что это за вирусы – неизвестно. И провоцировать рак они могут лишь у женщин с ослабленным иммунитетом. Утверждать, что именно муж был носителем рака, – неграмотно.

Анна ВЕЛИГЖАНИНА, Валерьян АНДРЕЕВ. («КП» – Чувашия»)

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ о защите чести и достоинства

В газете «Комсомольская правда» ... опубликована статья Валерьяна Андреева и Анны Велигжаниной («КП» – Чувашия) под названием «Черная вдова» с печатанием моих семейных фотографий.

Считаю, что в данной статье напечатаны сведения, не соответствующие действительности и оскорбляющие мою честь и достоинство. Так, на 1 странице газеты напечатано «Черная вдова» довела до инфаркта трех мужей». На стр. № 6 под названием статьи «Черная вдова» сказано, что так за глаза называют в Чебоксарах Полину Попову. Трое ее мужей умерли один за другим – все от сердечной недостаточности. Из чего следует, что «Черная вдова» – это я, и я довела трех мужей до инфаркта, что категорически не соответствует действительности.

Я действительно трижды была замужем, однако первый мой муж Ефимов А.Е. умер в 1966 году от ревматизма и порока сердца, второй муж Кузьмин А.И., брак с которым расторгнут в 1982 году, жив и здоров на сегодняшний день, третий муж Попов М.П. умер в 1999 году в возрасте 69 лет, при этом нет никаких фактов, кроме умозаключений авторов статьи, подтверждающих, что жизнь или смерть этих людей зависела от меня.

Фраза: «Она «черная вдова» и колдунья», оскорбляет и унижает мою честь и достоинство, поскольку никогда не занималась колдовством либо магией. Однако авторы утверждают: «Стоит ей посмотреть на кого-либо пристально своими пронизывающими карими глазами – тот будто приворотного зелья выпил», что также не соответствует действительности. Авторы видят в моем абсолютно обыкновённом взгляде какие-то сверхъестественные возможности, что никогда и никем не было установлено и является вымыслом.

В абзаце «Первое замужество» авторы утверждают: «Полина мечтала о достатке. И срывала раздражение на мужа. Накричит – ей вроде легче становится». Считаю, что этот факт не соответствует действительности, поскольку достаток либо его отсутствие никогда не были причинами скандалов между мною и моим мужем. Кроме того, отношения в семье между нами были всегда хорошие, что могут подтвердить бывшие соседи, которые знали наши отношения в семье. Далее авторы утверждают, что «Василий скончался от сердечного приступа», что не соответствует действительности, тогда как смерть Василия наступила от ревматизма и порока сердца.

Абзац «Вторая попытка», где сказано «Вскоре Сергей переехал к Полине... Полину раздражало в сожителе все до мелочей. Как ест, какие передачи смотрит, как разбрасывает по дому носки. Она бесконечно сравнивала его с бывшим мужем. Сергей стал худеть, осунулся, на висках появилась седина. «Все соки они из него выпила!» – злословили соседи. Внезапная смерть Сергея от инфаркта через год совместной жизни с Полиной вызвала волну пересудов», – абсолютно не соответствует действительности, поскольку я никогда не сожительствовала с «сослуживцем мужа» по имени Сергей. Этот факт является абсолютным вымыслом авторов статьи.

До замужества в июне 1968 года за Кузьмина А.И. я ни с кем не сожительствовала. В те тяжелые годы о приобретении телевизора не могло быть и речи, поскольку в засыпном домике, по Базовому проезду, который мы построили с Василием, долгое время вообще не было электричества. Все соседи, в том числе и мы, пользовались керосиновыми лампами. Поэтому и споров о том, «какие передачи смотреть», не могло быть, что также подтверждает несоответствие истине, ложность и вымышленность этого абзаца.

В абзаце «Дядя Миша» указано: «Пожив в одиночестве, 60-летняя Полина вновь затосковала по мужской ласке». Эту фразу считаю оскорбляющей мою честь и достоинство, поскольку в возрасте 60-ти лет люди объединяются в брак не из-за желанья ласок, а в страхе перед старостью и одиночеством.

Предложения «До свадьбы Михаил Петрович был крепким, здоровым. А после стал жаловаться на резкие боли к груди», – также не соответствуют действительности, оскорбляют и унижают мою честь и достоинство, поскольку

с 1975 года, за 22 года до регистрации брака со мной, он являлся инвалидом 3 группы, а с 1989 года, т.е. за 8 лет до регистрации брака со мной, являлся инвалидом 2 группы и систематически болел.

При таких обстоятельствах считаю, что обвинение меня в болезнях и смерти Попова М.П. оскорбительны, не обоснованны и порочат мою честь и достоинство.

В абзаце «Михаил Васильев, экстрасенс» написано «Полина Федоровна – яркий пример «семейного вампиризма». Также утверждают, что я «обесточивала» своих мужей. Считаю данные высказывания ненаучным вымыслом, порочающим мою честь и достоинство.

В абзаце «Бог дал – Бог взял» авторы утверждают: «Одна родственница Полины в разговоре со мной так прокомментировала ее жизнь...» Это также искажение действительных фактов, поскольку авторы статьи ни с кем из моих родственников не встречались, и никто из моих родственников не мог дать мне такую характеристику. Поэтому этот фрагмент комментария моей жизни также не соответствует действительности и является вымыслом авторов.

В абзаце «Психолог Елена Вдовина» напечатано, что «у Полины настолько склочный характер, что она буквально сживает со свету своих бесхарактерных мужей, в душе не желая того. Не исключено, эта от природы здоровая женщина, любящая хорошо поесть, кормила своих мужей жирной обильной пищей, которой спровоцировала сердечную недостаточность». Данные высказывания в мой адрес также порочат мою честь и достоинство, поскольку никто из моих бывших сослуживцев в период работы, соседей по месту жительства, знакомых, родственников не может охарактеризовать меня как человека со склочным характером. Кроме того, не установлено, что мои мужья Василий и Михаил умерли от неправильного, жирного, обильного питания и умерли от сердечной недостаточности, также неверно, что я имею склонность к указанному выше питанию.

Данная статья унизила и оскорбила мою честь и достоинство, нарушила мое право на неприкосновенность частной и личной жизни. Авторы статьи, сравнивая меня с пауком, вампиром, через всю статью провели мысль о том, что я являюсь источником смерти моих мужей.

Эта статья глубоко ранила мою душу. Причинила мне и моей семье моральные и физические страдания, т.к. после ее опубликования у меня ухудшилось состояние здоровья, я перенесла гипертонический криз.

В связи с тем, что в статье «Черная вдова» напечатаны сведения, не соответствующие действительности, порочащие мою честь и достоинство, прошу обязать представительство Издательского дома «Комсомольская правда» в г. Чебоксары опубликовать опровержение и принести извинения. Также прошу взыскать в мою пользу моральный вред, который выразился в моих переживаниях, страданиях и бессонных ночах, оскорблениях и неприязни со стороны соседей, которые я пережила после опубликования этой статьи. Моральный вред я оцениваю в 300 000 рублей и прошу его взыскать с

Издательского дома «Комсомольская правда» в сумме 200 000 рублей и с Андреева В.В. и Велигжаниной А.А. по 50 000 рублей с каждого.

Ложность распространенной обо мне информации доказывается свидетельствами о смерти, постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, свидетельскими показаниями.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст. 151, 152 ГК РФ, прошу:

1. Признать вышеуказанные сведения, распространенные в газете «Комсомольская правда» от... в статье «Черная вдова», не соответствующими действительности, и обязать представительство Издательского дома «Комсомольская правда» в Чебоксарах напечатать опровержение этой статьи.

2. Взыскать в возмещение морального вреда с ответчиков Издательского дома «Комсомольская правда» 200 000 рублей, Андреева Валерьяна Витальевича – 50 000 (пятьдесят тысяч) рублей, Велигжаниной Анны Анатольевны – 50 000 (пятьдесят тысяч) рублей.

3. Вызвать в суд в качестве свидетелей: Семенова Александра Семеновича, Семенову Зинаиду Николаевну, проживающих: г. Чебоксары, ул. Ашмарина, д. 34, кв. 97, Бардасову Зинаиду Прокопьевну, проживающую г. Чебоксары, ул. Гастелло, д. 1/72, кв. 235, тел. 568-168.

Приложения: ксерокопия статьи, копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, копия свидетельства о смерти Ефимова В.Е., копия свидетельства о смерти Попова В.П., справка о заключении брака, выписка из истории болезни, справка отдела назначения пенсий, медицинская справка.

Попова Апполинария Федоровна.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Вопрос 1: Какие типы лексики современного русского языка российские ученые-лингвисты относят к оскорбительной лексики?

В современной лингвистике есть группа слов, которые отмечены как оскорбительные, хотя иногда и не имеют словарной фиксации.

Прямые инвективы:

1. Слова и выражения, констатирующие номинации лица, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *бандит, жулик, мошенник*. Такие слова к тому же нередко имеют четкую юридическую квалификацию ср., например, слова-понятия *вор, взяточник, сутенер, шулер* в Комментариях к УК РСФСР.

Подобные слова в силу своей логико-понятийной природы обозначаемых им лиц в самом номинативном значении имеют уже негативную оценку, оставаясь все же в рамках констатирующей семантики. См., например, толкование некоторых таких слов в современных словарях: **Жулик...**– вор, занимающийся мелкими кражами (МАС). **Проститутка...**– женщина, занимающаяся проституцией; публичная женщина (МАС).

При переносном, метафорическом употреблении такого рода слова приобретают пейоративную экспрессию и явно негативную оценку, общественно осознаваемую и реально воспринимаемую адресатом как оскорбительная или клеветническая характеристика. Негативная оценка таких слов при их метафорическом употреблении значительно усиливается. См., например: **Проститутка...** – разг. О продажном, крайне беспринципном человеке (МАС); **Политическая проститутка...** – презр. Беспринципный и продажный политик (СОШ).

2. Слова и словосочетания, в самом значении которых при констатирующем характере семантики содержится негативная оценка деятельности, занятий, поведения кого-либо, сопровождаемая экспрессивной окраской публицистического характера. Например: *антисемит, двурушник, изменник, предатель, расист, ренегат, русофоб, юдофоб...* Ср. *враг народа*. В отличие от слов 1-го разряда эти слова переносного употребления не имеют (видимо, в силу присутствующей уже в номинативном употреблении яркой экспрессивной окраски). Такого рода слова, обращенные к какому-либо лицу без достаточного основания и доказательства, воспринимаются и расцениваются им как клевета.

3. Нейтральные номинации лица по его профессии, роду занятий, например: *бюрократ, коновал, мясник, чиновник...*, которые в переносных значениях приобретают резко негативную оценку, обычно сопровождаемую экспрессией неодобрения, презрения и т.п. Например: **Коновал...** – 2. Разг., пренебр. О плохом, невежественном враче (МАС); **Мясник...** – Перен., предикат. О жестоком, склонном убивать человеке.

4. Зоосемантические метафоры, содержащие, как правило, негативные оценки адресата речи и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения и т.п.; многие из таких метафор относятся к бранной (инвективной) лексике, оставаясь, впрочем, в рамках литературного языка. См., например: *быдло, кобель, кобыла, рыло, свинья, сука, сукин сын, свиное рыло...*

5. Слова, обозначающие действия или качества, свойства кого-либо или чего-либо. Среди таких слов есть слова констатирующей семантики (*украсть, убить, мучить, издеваться, насиловать, хулиганить, врать, воровать...*) и слова оценочные, с яркой экспрессивной окраской (*хапнуть, двурушничать, лицемерить, лихоимствовать, прикарманить, вранье...*). Очень часто подобная характеристика действия переносится на самого деятеля. Одно дело, если мы говорим, что *Н. лицемерит* (с этим можно не соглашаться, но здесь нет оснований для правового вмешательства), но совсем другое, если утверждается, что *Н. – лицемер* (т.е. лицемерие – это его постоянный признак).

6. Слова и словосочетания, в самом значении которых заключена негативная (бранная) оценка кого-либо как личности, с достаточно сильной негативной же экспрессией. Например: *дурак, гадина, гнусный...* (все они – в рамках литературного языка).

7. Словосочетания, представляющиеся эвфемизмами по отношению к словам-номинациям 1-го разряда. Тем не менее в эмоционально напряженной речи эти эвфемизмы не в меньшей степени оценочны, чем соответствующие

«прямые» обозначения адресата. Например: *женщина легкого поведения, падшее создание, стоять на панели, агент иностранных спецслужб*. Важно подчеркнуть, что словосочетания этого разряда относятся преимущественно к книжной речи.

8. Оказиональные образования (часто построенные на «игре слов», каламбурах), создаваемые с целью оскорбить, унижить адресата, подчеркнуть со стороны говорящего (пишущего) активное неприятие адресата, его деятельности, поступков, презрение к нему и т.п. (*демшиза*)

Вопрос 2: Содержатся ли в статье «Черная вдова» слова, словосочетания или фразы, относящиеся к одному или нескольким типам оскорбительной лексики?

В тексте статьи «Черная вдова» не содержится слов, словосочетаний и фраз, относящихся к оскорбительной лексике.

Вопрос 3: Каковы устойчивые и возможные типовые ассоциации в языковом сознании носителя русского языка может вызвать словосочетание «Черная вдова»?

Как устойчивое словосочетание *черная вдова* в словарях современного русского языка не зафиксировано. В целом слово *черный* ассоциируется в русском языке либо с чем-нибудь по цвету темным по сравнению с белым, например: *черный хлеб* – хотя по цвету он не черный; либо с чем-нибудь отрицательным, негативным. Например: *черный ящик* – в авиации: прибор-самописец, фиксирующий во время полета его технические параметры и переговоры экипажа; этот прибор называется черным, так как к информации, содержащейся в нем, обращаются при катастрофах, в действительности этот прибор оранжевого цвета. Ср. также *белая магия* – чародейство, объясняемое влиянием божественных сил, способное избавить от зла, излечить; *черная магия* – чародейство, волшебство, объясняемое участием и помощью сатанинских сил, способное причинить вред, зло кому-чему-нибудь (см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 338, словарная статья «магия»; Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Складчиковой. М., 2001, с. 69, словарная статья белый; с. 429, словарная статья «магия»; см. там же: *белая ведьма* – занимающаяся белой магией; *черный маг* – занимающийся черной магией).

Кроме того, следует заметить, что ассоциации зависят от фоновых знаний, от уровня образованности носителей языка.

Словосочетание *черная вдова* может вызвать у носителей русского языка ассоциации двух типов:

1) Констатирующее обозначение известного психологического типа человека, обладающего определенными отрицательными качествами (или свойствами), воспринимаемыми как негативные в очень распространенном традиционном бытовом представлении, в обывательском мнении носителей русского языка.

В этом отношении словосочетание *черная вдова* стоит в одном ряду с такими словосочетаниями как *синяя борода*, *синий чулок*, *кисейная барышня* и под. Действительно, *синяя борода* – это ревнивый муж, зверски обращающийся с женой (Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. Крылатые слова. М, 1955, с. 500); о жестоком и коварном муже (Русский семантический словарь: В 6 т. Т. 1/ Под общ. Ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998, с 497); *синий чулок* — о женщине, лишенной женственности, всецело поглощенной научными интересами (Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1984, с. 96; ср.: С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 718); *кисейная барышня* – жеманная девушка с мещанским кругозором (там же, с. 274).

2) С негативной экспрессивной окраской, неодобрительно (но без какого-либо намека на оскорбление). Эта, второго типа, ассоциация связана с тем, что словосочетание *черная вдова*, как и приведенные выше выражения, содержит в своем значении отрицательный характеризующий компонент и может в определенных контекстах (больше всего в речи аффективной, которой присуща эмоциональная напряженность) выражать отрицательное отношение к адресату речи, приобрести экспрессивную окраску, передающую отрицательную оценку говорящим адресата речи, устной и письменной. В рассматриваемом газетном материале таких контекстов нет.

Специалисты также обращают внимание на то, что в одной из врезок содержится текст: «"Черной вдовой" называют наука-каракурта. Самки этого наука после оплодотворения поедают самцов. Лишь в отдельных случаях им удастся бежать от "возлюбленной"». Этот текст несомненно задает определенный аспект восприятия словосочетания (оно же название статьи) *черная вдова* как связанного с негативными ассоциациями.

Вопрос 4: В абзаце (цитируем): «О Полине Федоровне Поповой из Чебоксар чего только не говорят. Она и «черная вдова», и колдунья – 60 лет уж, а все хорошеет», является ли слово колдун – колдунья языковой единицей, несущей ярко выраженную негативную характеристику? Имеется ли в данном абзаце прямое утверждение, что Попова А.Ф. – колдунья?

В современных толковых словарях русского языка фиксируется три значения слов *колдун*, *колдунья*: 1. В народных поверьях, сказках: волшебник, чародей (обычно злой). *Заклятье, чары колдуна*. 2. Человек, занимающийся колдовством, с помощью магической силы воздействующий на людей, животных. *К. насылает, снимает порчу. Белый к.* (народный целитель, владеющий тайнами белой магии). *Черный к.* (владеющий тайнами черной магии). 3. мн. Маленькие пирожки с жирной проперченной мясной начинкой.

По смыслу толкования слова *колдовство* (см. второе значение слова *колдун*) слово *колдунья* может употребляться (и употребляется) в переносно-метафорическом значении – «женщина, очаровывающая своей красотой, обаянием».

Контекст приведенного в вопросе № 3 предложения подразумевает именно это переносное употребление слова *колдунья*, ср. также ниже: «Сергей

навещал 30-летнюю вдову, природной красоты которой не смог скрыть даже ее черный платок».

Из сказанного следует, что негативной экспрессии в предложении, приведенном в вопросе № 4, нет.

Утверждение о том, что А.Ф. Попова – колдунья, в анализируемой фразе содержится с ссылкой на то, что так говорят многие – «*чего только не говорят*». Таким образом, авторы публикации приписывают это утверждение неограниченному количеству источников информации (*чего только не говорят* = говорят многие и говорят разное). Написание словосочетания «*черная вдова*» в кавычках – указывает на употребление этих слов как цитирования (чужих слов).

Вопрос 5: Содержит ли фраза (цитируем): «*Стоит ей посмотреть на кого-то пристально своими пронизывающими карими глазами – тот будто приворотного зелья выпил*» слова или словосочетания, унижающие честь и достоинство А.Ф. Поповой?

Эксперты понимают, что честь – то, что оценивается социумом, – можно умалять, а достоинство – как совокупность высоких моральных качеств и уважение этих качеств в самом себе – можно унижать. Несомненно, что вся анализируемая публикация, главной героиней которой является конкретное физическое лицо (в публикации названы не только Ф.И.О., но и приведены несколько фотографий), представляет собой очевидное вторжение в частную жизнь героини публикации А.Ф. Поповой. Часть информации, содержащейся в публикации, несомненно обидна для А.Ф. Поповой.

Фраза, предложенная для рассмотрения в вопросе № 5, не содержит ничего, что унижало бы честь А.Ф. Поповой. Эта фраза свидетельствует или а) о сильном характере героини данного газетного материала, и/или б) о ее способности приворожить, обворожить того, на кого она посмотрит. С точки зрения здравого смысла, в этом нет ничего плохого, предосудительного, но это может быть обидным.

Вопрос 6: Какова семантико-стилистическая характеристика в русском языке словосочетания *срывать раздражение*, включая разговорную речь?

Словосочетание *срывать раздражение* относится к разговорной речи. См. толкование в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1997): «Сорвать... 4. что на ком-чём. Со словами «гнев», «злоба», «зло», «сердце» и под.: выместить на ком-н. злое чувство (разг.). С. *раздражение на домашних*» (с. 749)

В контексте фрагмента статьи «*А Полина мечтала о достатке. И срывала раздражение на муже*» данное словосочетание имеет констатирующий характер. Авторы отмечают, что Полина так вела себя по отношению к мужу. Негативной оценки в этой фразе нет (то же можно сказать и об аналогичной фразе несколько ниже по тексту статьи «*Полину раздражало в сожителстве все до мелочей*). Но отнесение такой характеристики к лицу могут быть обидными для него.

Кроме того, утверждение о том, что Полина срывала раздражение на мужа, невозможно подвергнуть верификации (проверке).

Вопрос 7: Содержатся ли во фразе (цитируем): *«Когда Василий скончался от сердечного приступа в 38 лет, вдова казалась безутешной»* слова или словосочетания, устойчиво ассоциирующиеся у носителя русского языка с понятиями *«оскорбление»* и *«унижение»*?

В рассматриваемой фразе глагол *казаться* выступает в первом, основном значении: 1. кем-чем. Иметь тот или иной вид, производить то или иное впечатление. *К. умным. К. старше своих лет* (там же, с. 259). Фраза *«Когда Василий скончался от сердечного приступа в 38 лет, вдова казалась безутешной»* имеет смысл *«Когда Василий скончался от сердечного приступа в 38 лет, вдова производила впечатление безутешной, имела вид безутешной»*.

Глагол *казаться* может употребляться и при выражении мысли относительно того, что кто-то хочет произвести известное, ложное впечатление (например: *Он старался казаться таким наивным простачком, хотя на самом деле был тертый калач*) или что-то производит обманчивое впечатление (например: *Счастье всегда маленьким кажется, пока его в руках держишь, выпусти – узнаешь, как оно велико и дорого*). Такой смысл обычно выявляется в контексте самой фразы, в построении фразы.

В анализируемой фразе нет слов и словосочетаний (нет контекста), которые бы давали основания полагать, что авторы намерены оскорбить или унижить А.Ф. Попову.

Вопрос 8: Каковы лингвистические и семантико-стилистические характеристики абзаца (цитируем): *«Вскоре Сергей переехал к Полине, но совместная жизнь не заладилась. Полину раздражало в сожителе все до мелочей. Как он ест, какие передачи смотрит, как разбрасывает по дому носки»* и, в частности, слова *сожитель*? Имеются ли в современном русском языке отрицательные значения слова *сожитель*?

Фраза, приведенная в вопросе № 5, не содержит каких-либо особенностей, понимается буквально.

Согласно толковым словарям современного русского языка слово *сожитель* имеет следующие значения: 1. Человек, к-рый живёт где-н. вместе с кем-н. другим (другими) (устар.). *С. по квартире, по меблированным комнатам, по частному пансиону*. 2. Тот, кто находится в половой связи с какой-либо женщиной (муж или любовник) (прост.). В анализируемом предложении слово *сожитель* употреблено во втором значении. Ни один из толковых словарей современного русского языка не содержит указание на негативную экспрессивно-эмоциональную окраску этого слова, то есть не содержит помет типа *неодобр.* <ительно>, *пренебр.*<пренебрежительно>, *презр.*<ительно>. Таким образом, слово *сожитель* во втором значении относится к лексике нейтральной, негативной экспрессивно-эмоциональной окраски не содержит.

Вопрос 9: Несет ли словосочетание *выпить из кого-либо все соки* в русском языке функцию негативной оценки об объекте высказывания помимо констатации факта регулярных бытовых споров и конфликтов?

Словосочетание *выпить (выжать) все соки из кого-нибудь* (разг.) имеет значение «окончательно измучить, истощить» (Русский семантический словарь: В 6 т. / Под общ ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1998, с. 56, словарная статья «сок»). Такая характеристика несомненно отрицательно характеризует лицо, которому приписывают такое поведение. В тексте публикации эта характеристика – воспроизведение мнения соседей: «*Все соки она из него выпила!*» – *злословили соседи**. Важно обратить внимание на то, что авторы статьи, передавая это мнение, пишут «*злословили соседи**», то есть соседи говорили злые, недоброжелательные слова, высказывали о Полине злые сплетни, пересуды (см. значение глагола *злословить* в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. М., 1997, с. 230, словарные статьи «злословить», «злословие»).

Таким образом, выражение *выпить все соки из кого-нибудь* негативно характеризует поведение человека, и такая характеристика может восприниматься человеком как обидная для него. В контексте статьи эта характеристика – воспроизведение мнения соседей, которое авторы публикации оценивают негативно.

Вопрос 10: Содержит ли предложение (цитируем): «*Внезапная смерть Сергея от инфаркта через год совместной жизни с Полиной вызвала волну пересудов*» слова или словосочетания, унижающие честь и достоинство Поповой А.Ф.?

Это предложение не содержит слов, словосочетаний, утверждений, умаляющих честь А.Ф. Поповой.

Вопрос 11: Содержатся ли во фразе (цитируем): «*Пожив в одиночестве, 60-летняя Попова вновь затосковала по мужской ласке*» слова и словосочетания, устойчиво ассоциирующиеся у носителя русского языка с понятиями «оскорбление» и «унижение»?

Словосочетание *затосковала по мужской ласке* как эвфемизм, заменяющий прямое выражение *желание нового замужества* или *любовной связи*, конечно, некорректно и может быть обидным для 60-летней женщины (тем более что авторы в той же фразе подчеркивают: «... *60-летняя Попова...*»).

Это словосочетание в данном контексте предполагает недоброе отношение говорящего (пишущего) к адресату речи (авторов публикации к Поповой). Но оснований для заключения о намерении оскорбить героиню публикации нет.

Вопрос 12: Содержатся ли в предложениях (цитируем): «*До свадьбы Михаил Петрович был крепким, здоровым. А после стал жаловаться на резкие боли в груди*» слова и словосочетания, устойчиво ассоциирующиеся у носителя русского языка с понятиями «оскорбление» и «унижение»?

В этих предложениях нет слов, словосочетаний, а также утверждений, устойчиво ассоциирующихся у носителей русского языка с понятиями «оскорбление» и «унижение». Все слова и строї фразы стилистически нейтральны.

Вопрос 13: Какое значение и какую стилистическую окраску имеют слова *энергетический донор* и *обесточить энергетического донора*!

Энергетический донор – словосочетание, употребляющееся в парапсихологии, антонимично, противоположно по значению зафиксированному в словарях современного русского языка словосочетанию *энергетический вампир*: «Парапсихол. Человек, живущий за счет энергии, жизненных сил других людей. *Энергетический вампир*» (Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2001, с. 107–108, словарная статья «вампир»). *Энергетический донор* – человек, являющийся источником жизненной силы для других людей. Стилистически словосочетание *энергетический донор* нейтрально.

Следует подчеркнуть, что вся анализируемая публикация помещена в рубрике «Темная комната», в которой, видимо, помещаются публикации, содержащие сведения о парапсихологических явлениях.

Обесточить энергетического донора = лишить энергетического донора энергии.

Вопрос 14: Имеются ли в информационной вставке «Кстати» сведения, унижающие честь и достоинство Поповой А.Ф.?

Вставка (врезка) «Кстати» с точки зрения стилистической нейтральна, но ее текст задает (как уже было сказано в ответе на вопрос № 3) определенный аспект восприятия словосочетания (оно же название статьи) *черная вдова* как связанного с негативными ассоциациями.

Вопрос 15: Какова общая психолингвистическая и лингвостилистическая оценка сведений, содержащихся в комментарии психолога Елены Вдовиной по отношению к Поповой А.Ф.?

Сведения в комментарии психолога содержатся в форме предположения (*возможно, не исключено, мне кажется*), такая предположительная форма характера для комментариев специалистов в подобных случаях (специалисту известно о ситуации с чьих-либо слов). Однако речь этого специалиста имеет явно разговорный оттенок: «*склочный характер*», «*сживает со свету своих ... мужей*», «*личного счастья нет как нет*».

Специалисты полагают нужным подчеркнуть, что вся анализируемая публикация непосредственно касается частной, личной жизни конкретного лица и собственно авторские утверждения, а также утверждения других людей, на которые ссылаются авторы публикации, несомненно имеют отношение к личности этого конкретного лица.

Ю.А. БЕЛЬЧИКОВ, М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ, Ю.А. САФОНОВА

№ 11. К практическим занятиям № 16-18:

Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса / А.В. Олянич. – М., 2007. – С. 393 – 426.

Глюттоническая коммуникация как модель презентационной структуры массово-информационного дискурса

Что может быть более массовым, нежели информация о пище (еде), питании и способах (культуре) питания? Питание неотъемлемо от сути и существования человека как вида. Прежде всего, это источник его жизни: именно поэтому весь окружающий человека материальный мир дихотомичен по признаку: «съедобное – несъедобное». Известный тезис о бытии, определяющим сознание, указывает на одну из главных фобий человечества – потерю ресурсов продолжения жизни, каковыми являются пища и вода. Именно пища оказывается тем основанием, на котором выстраивается обширная парадигма человеческого мировосприятия и человеческой деятельности. Это означает, что данная область бытия не может не быть описана при помощи инструментов семиотики, и, соответственно – языковыми знаками.

(...) вначале сделаем ряд предварительных рассуждений о потребностной связи всей системы глюттонии с концептом удовольствия как центральной операциональной сущностью гедонизма.

1. Драматургия гедонистического дискурса

(...) Интересное наблюдение: удовольствие, получаемое от еды, и смерть – всегда рядом; на это обратили внимание современная литература и кино: сорокинский «Пир», как-то соседствующий с замыслом «Декамерона» и пушкинских «Маленьких трагедий», где пир течет во время чумы; жутковатая современная готика Макса Страхова «Кулинар: жизнь одного маньяка» с историей о рафинированном поваре-экспериментаторе, использующим для своих гастрономических экзерсисов органы человеческого тела. Обжорство (англ. *gluttony*, глюттония) как смертный грех, порицаемый и караемый (...).

Удовольствие – вечное напоминание о грядущем конце (*Après nous le deluge* – после нас – хоть потоп). Это грезы по раю, модель которого выстраивается как над-культурно, так и внутри-культурно. Не случайна семиотизация ритуала погребения, всегда связанная с приемом пищи: еда, которую кладут покойнику в гроб, облатка (просвира) в руки, пища и питье на поминках. И там, в потустороннем мире ушедший должен быть сыт и весел, а весел – от еды и питья!

Смачное – или вкусное? – описание трапезы. Удовольствие от еды и питья. Радость насыщения – тихое удовлетворение после оногo. Урчащий желудок – не тот, который *бурчит* – нет, тот, который *урчит* от удовольствия при переваривании захваченного внутрь... Вот она – семантика гнева от голода

и семантика радости и счастья от сытого состояния! Это состояние имеет свою сценарность и постановку. Здесь все спектакль – от поиска еды до сна после еды. Культура насыщается знаками, символами и образами, сугубая лингвистика – словами, дискурс – и тем, и другим. Удовольствие проникает в культуру через «знак», «образ», «смысл»... (...)

Всякий раз, когда заходит речь о еде и ее приготовлении, рассказчик становится страстным, – вдохновенным, одухотворенным, эмоциональным. Он приобретает функции presenter-а, он транспортирует свой образ удовольствия и свой образ среды, в которой он испытал это удовольствие, в массы. Его дискурс есть не что иное, как целая система презентем: вот монолог «горячего грузина» Валерия Меладзе о том, как он готовит грузинское блюдо сотэ: – *Я обожаю блюда из баклажан. В Грузии существует много способов их приготовления. Для овощного рагу «аджапсандапи» баклажаны режутся кубиками и тушатся одновременно с другими овощами в собственном соку в одной кастрюле. Но для читателей «Гастронома» я сделал сотэ, оно вкуснее. Каждый вид овощей готовится по отдельности на сковороде, а затем укладывается чередуясь слоями в красивой посуде.*

Надо взять 4 баклажана, 4-5 штук сладкого перца, 2-4 помидора, 1 большую луковицу, немного чеснока, зелени можно не жалеть. Баклажаны нарезать кружочками, обжарить на растительном масле до появления корочки. Отложить в емкость. Далее пожарить болгарский перец кусочками – цвет на вкус не влияет, но для красоты можно взять красный. Также отложить. Лук порезать, оросить на сковородку, а когда он немного обжарится, добавить помидоры и тушить все вместе. Помидоры не надо очищать от кожицы, при тушении она станет мягкой. Потом туда же положить чеснок и зелень и тушить не более минуты, чтобы не потерялся вкус.

И в заключение уложить в посуду сначала баклажаны, потом перец, затем помидоры с луком, зеленью и чесноком, опять баклажаны и т.д. Сотэ можно кушать и горячим, и остывшим. Это мое самое любимое блюдо. Оно вполне полноценное и в то же время достаточно легкое, не оставляет чувства тяжести в желудке. С овощами лучше пить красное сухое вино, оно вообще способствует пищеварению. Водку тоже можно. («Гастроном», 2003г. – №12-1, стр. 17).

Меладзе воздействует на нас, создавая «вкусный» текст и возбуждая слюноотделение, не простым channeling образа баклажанов и всего им сопутствующего, а при помощи обсессивной эмоционализации процесса приготовления, вольно или невольно структурируя свое воздействие, расчлняя его на последовательности-презентемы «мое отношение к блюду», «происхождение моего блюда», «моя [родная] Грузия», «это полезно для здоровья», «это приносит удовольствие», «будьте щедры», и т.п. Образ блюда и образ процесса его приготовления проникают в наше сознание и требуют немедленного – вашего – воспроизведения; они инициируют вторичную обсеессию, заражая вас гастрономическим гедонизмом. (...)

§2. Когнитивная система глоттонии

(...) весь мир в глазах голодного человеческого существа делится на мир съедобный и мир несъедобный. Этот глобальный когнитивный посыл связан с базовым стремлением человека к всеобщей утилизации материального мира: потребление съедобного влечет за собой использование несъедобного в процессе добычи съестного, его переработки / превращения в пригодную форму потребления и собственно потребления.

Таким образом, материальный несъедобный мир в когнитивной системе глоттонии представлен 1) средствами добычи пищи (орудия добычи – напр., рыболовные сети, удочка, ружье, лассо, капкан); 2) средствами выращивания (огородные и садовые инструменты, удобрения, и т.п.); 3) средствами и инструментами обработки добытого или выращенного пищевого продукта для полноценного потребления (средства тепловой обработки – огонь и вода, заостренные инструменты – ножи, и т.п.); 4) собственно и орудиями для приготовления пищи (ножи, доски для резки продуктов, инструменты отделения пригодных для еды частей продукта и превращения продукта в полуфабрикат, посуда для тепловой обработки – кастрюли, миски, горшки, и т.д.); 5) средствами превращения естественного (сырого) продукта в продукт, готовый к потреблению (очаг, газовая и электрическая плита, микроволновая печь, гриль); наконец, 6) средствами и инструментами, обеспечивающими собственно потребление (столовые приборы) и эстетизацию потребления (украшения блюд из самих продуктов, салфетки, украшения стола, свечи, и пр.). Поскольку приготовление пищи и ее потребление составляет один из приоритетов существования Человека Потребляющего, центральное место в среде его обитания занимает само место приготовления пищи – кухня. Именно кухня превращается в культурную доминанту существования Homo Consummatus и становится одной из его приоритетных ценностных доминант. Символическим ценностным стержнем существования в современном мире оказывается место хранения пищи – холодильник: именно вокруг него происходит коммуникация современного общества. Интересно, что этот сугубо утилитарный объект бытия впервые был использован самой коммуникабельной нацией – американцами – как средство коммуникации: нет такой американской семьи, в которой стенки холодильника не были бы увешаны посланиями членов семьи друг другу. Это коммуникативное превращение используется сегодня всем современным миром.

(...) В социализированной глоттонической системе важное место занимают субъекты-добытчики съедобного (производители мяса, рыбы, огородники, и т.д.) и субъекты-обработчики, когнитивно-компетентные в области обработки и приготовления пищи, т.е. владеющие технологиями процесса приготовления еды (шеф-повар, повар, подсобные работники кухни). Ролевая структура глоттонии значительно расширяется в связи с ценностной ориентацией цивилизации на эстетизацию самой глоттонической среды. Субъекты глоттонии оказываются носителями выработанных человечеством культурных ценностей в области потребления еды, связанных с

формированием образа потребляемой пищи, способов ее потребления и . формированием категории вкуса. Формирование ценностей происходит в социализированной среде (кафе, ресторан, бар, паб, закусочная) и вовлекает в коммуникативную глуттоническую среду повара как дизайнера блюда, повара как конструктора и изобретателя нового кушанья, сомелье как знатока вин и их сочетания с видами еды, бармена как конструктора смешанных напитков (коктейлей) и как профессионального актера, виртуозно жонглирующего бутылками, бокалами и шейкером для смешивания напитков.

Эстетизация социализированной среды потребления выдвигает на передний план также такие субъектные роли, которые способствуют ритуализации приема пищи. Так, в ресторане роль хозяина/хозяйки заведения играет метрдотель, управляющий процессом подачи блюд и поддержанием порядка приема пищи. Исполнителями ритуала подачи еды являются официанты, в задачи которых входит не только исполнение очередности подачи, но и формирование когнитивной компетенции посетителя заведения (совет, что попробовать, с чем попробовать, какой гарнир лучше к определенному блюду, и т.д.).

Отметим, что в процессе потребления пищи не прекращается коммуникация, которая протекает в рамках массово-информационного дискурса, представленного знаками дискурса гастрономического, достаточно жестко структурированными и иерархизованными в лингвосемиотическую систему.

§3. Лингвосемиотическая система глуттонии

В самом общем виде лингвистические знаки гастрономического дискурса исполняют четыре важнейших коммуникативных функции: 1) *иконическую или собственно денотативную*, связанную с закреплением в сознании коммуникантов образа еды, ее качества, места и способа ее приготовления, а также субъектов действий, связанных с приготовлением еды; 2) *директивную или инструктивную*, описывающую структуру процесса приготовления пищи и регулирующие его качественные, количественные, разрешительные и запретительные характеристики; 3) *кваликативно-оценочную*, характеризующую социальное отношение к процессу приготовления и потребления пищи, а также формирующую культурные приоритеты в самом этом процессе; 4) *презентационную*, связанную с ритуализацией и драматизацией процесса глуттонической коммуникации.

Иконической или денотативной семиотической нагрузкой наделяются четыре типа языковых знаков – *знаки-глуттонимы, знаки-локативы и инструментативы, знаки-персоналии* и *знаки-квалификаторы*.

Глуттонимами предлагается именовать собственно знаки пищи и ее компонентов. Система глуттонимии может быть подвергнута классификации по ряду признаков:

а) вещество :: носитель вещества :: продукт («мясо» :: «говядина» :: «ростбиф»; «рыба» :: «осетр» :: «осетрина в тесте»; «пшеница» :: «мука» :: «хлеб»);

б) состояние: жидкое :: твердое («суп» :: «сухари»);

в) доминантность :: дополнительность («котлета» :: «гарнир», «судак» :: «в кляре», «селедка» :: «под шубой», «килька» :: «в томатном соусе»);

г) монокомпонентность :: олиго(мало)компонентность :: поликомпонентность («мука» + «вода» = «маца» – ритуальный еврейский хлеб [дву-, то есть малокомпонентность]);

д) класс – элемент класса («seafood», «shrimps» – «морепродукты», «креветки»; «колбасные изделия», «сосиски»).

К знакам-локативам и знакам-инструментативам в глуттонической системе могут быть отнесены 1) знаки, номинирующие место происхождения продукта или способ его приготовления как прямо («соус чили», «цыпленок по-кентуккийски», «свинина на вертеле», «овощи на шпажках», «баранина в горшочке»), так и косвенно («чохохбили» – грузинское блюдо, «карри» – индийские пряности, «строганина» – мясо, наструганное при помощи ножа, «солонина» – обработанное солью мясо, причем соль играет роль инструмента обработки для хранения; «carved turkey» – североамериканское блюдо, состоящее из мяса индейки, срезанного с костей птицы особым ножом, «minced meat» – мясо, прокрученное через мясорубку, «ground coffee» – кофе, смолотый в кофемолке; «coffee a la Turkey» – кофе по-турецки, приготовляемый в особой кастрюльке-джезве); 2) знаки, номинирующие как собственно место, где готовится продукт («кухня», «костер», «очаг», «плита», «мангал», «микроволновая печь», «печь», «гриль»), так и инструменты, используемые в процессе приготовления и потребления («cutlery», «kitchen utensils», «нож», «вилка», «ложка», «половник», «лопатка», «ситечко», «тарелка», «миска», «кастрюля», «супница», «чашка», и пр.).

Классификация таких знаков также подчиняется ряду признаков-параметров:

а) локативность (ареальность), пан-территориальность («кофе» как продукт, произрастающий только в странах с теплым климатом, но не произрастающий в странах с континентальным климатом кофе как напиток, потребляемый повсеместно);

б) функциональная универсальность, функциональная связанность (из мяса можно приготовить бульон, из шоколада – нет; хлеб совместим с любым блюдом; солью можно испортить сладкое

в) градация количества / качества, категория меры (солью можно пересолить, перцем – переперчить, мясо – недоварить, хлеб – недомесить, рыбу – пережарить, специи – недосыпать, макароны – переварить, напиток – пересластить, блюдо передержать в печи, на мангале, в микроволновой печи, и т.д.);

г) инструментальная универсальность, инструментальная связанность (кофе можно молоть только при помощи кофемолки, но нельзя резать ножом;

суп можно пить и есть ложкой, но нельзя есть ножом, рукой или вилкой; чай можно размешивать любым предметом; бутылкой можно раскатывать тесто, отбивать мясо, использовать в качестве опоры для обжарки курицы в духовой печи, использовать в качестве контейнера для сыпучих и жидких продуктов; кофейная джезва может использоваться просто как кастрюлька для подогрева воды);

д) функциональная специфика знака-инструмента (сито существует только для просеивания муки, морозильная камера – только для заморозки продуктов, микроволновая печь – только для тепловой обработки продуктов, различные виды ножей для нарезки или очистки определенного продукта).

Знаки – квалификаторы (...) распределяются по достаточно четко градуированным оппозициям и шкалам.

а) шкала вкусовых качеств продукта (оценка « – »: несъедобно – безвкусно – вкусно; оценка « 0 »: съедобно – нормально; оценка « + »: вкусно – очень вкусно – изысканный вкус – деликатес);

б) шкала потребительских качеств продукта (блюдо готово [в самый раз, прямо на стол, как раз, доведено до кондиции] – блюдо не готово [недоварено, недожарено, недопарено, недосолено, недоперчено, недомешано, недодержано, недошинковано, не доведено до нужной кондиции/готовности, непротушено] – блюдо переварено, пережарено, перепарено, пересолено, переперчено, передержано, перестояло, переварилось испорчено в результате нарушения технологии и меры);

в) градация вкусовой (перцептивной) сочетаемости продуктов:

1) бинарная сбалансированная («хлеб – соль», «котлеты – гарнир», «мясо – соус», «щи да каша», «каша с маслом», «пиво с воблой», «пиво – раки», «кофе с молоком», «чай с лимоном»; «водка под огурчик»);

2) многокомпонентная сбалансированная («кулебяка = рыба + капуста + тесто», «пирог с мясом и рисом», «гамбургер = бифштекс + булочка + лист салата», «чизбургер = сыр + булочка + лист салата», «фишбургер = рыба + булочка + лист салата», «хотдог = сосиска + булочка + кетчуп + лист салата»);

3) несбалансированная с положительной вкусовой оценкой («куриные пупки на меду», «курица с ананасом», «ананасы в шампанском»);

4) несбалансированная с отрицательной вкусовой оценкой («борщ с шоколадом», «сладкий бульон»; «соленая дыня»);

5) квалификация сочетаемости продуктов («сервируется с...», «идет к ...», «подходит к ...», «поливается...», «заправляется «...», «употребляется вместе с...»);

б) квалификация несочетаемости продуктов («не идет с ...», «не подойдет к ...», «не употребляется с ...», «испортит вкус...»). Знаки–персоналии номинируют деятелей, связанных с добычей, обработкой, доставкой и переработкой пищи, а также с ее презентацией. В глуттонической системе существует иерархия таких знаков, целиком подчиняющаяся следующему алгоритму.

Иерархия знаков-персоналий в глоттонической коммуникации

Директивная или инструктивная функция закреплена за знаками глоттонической системы, которые названы нами *директивными знаками-процессивами* и призваны, во-первых, описать процесс подготовки пищи к потреблению, во-вторых, прокомментировать ход процесса и исполнить функцию регуляции процесса, в-третьих, определить возможные варианты, не влияющие на ход процесса в сторону его ухудшения, и, наоборот, наложить ограничения на ход процесса, поскольку некие факторы могут его изменить в сторону ухудшения.

В глоттонической системе задействованы четыре типа таких лингвистических знаков. Это *знаки-дескрипторы, знаки-комментативы и регулятивы, знаки-пермиссивы, знаки-лимитаторы*.

Знаки-дескрипторы описывают глоттонические процессы и формируют дескриптивную подсистему глоттонии. К ним относятся:

а) номинации процесса подготовки пищи к приготовлению – \создание полуфабриката («замораживание – размораживание», «очистка», «засолка», «мытьё», «нарезка», «разделявание», «замешивание», «просеивание»);

б) номинации процесса приготовления («варка», «обжарка», «пассерование», «тушение», «кипение», «соление», «перчение», «шинковка», «раскатывание»);

в) номинации презентации пищи к потреблению («гарнирование», «подача», «сервирование», «украшение», «раскладка»);

г) предикаты подготовки к приготовлению пищи («чистить», «замораживать – размораживать», «очистить», «резать», «засолить», «мыть», «разделять», и т.п.);

д) предикаты приготовления пищи («жарить», «варить», «кипятить», «тушить», «пассеровать», «солить», «перчить», «добавлять», «напивать», «переливать», «нашинковать», «обдавать [кипятком]», «сушить», «раскатывать», «перевернуть»);

е) предикаты презентации пищи к потреблению («гарнировать», «подавать», «сервировать», «украшать», «раскладывать», «наливать», «разливать», «накладывать», «обносить»).

Особую группу дескрипторов образуют лингвистические знаки потребления пищи. Это, во-первых, номинации процесса потребления – как нейтральные («еда», «питание», «завтрак», «обед», «ланч», «ужин», «банкет», «трапеза»), так и эмотивные («пир», «оргия», «пьянка», «пирушка», «вечеринка», «попойка», о которых подробнее речь пойдет ниже – при описании знаков-квалификативов и эмотивов). Во-вторых, это предикаты действий и состояний процесса потребления, также градуированные по шкале эмотивной нагруженности от нейтральных («есть», «поесть», «наесться», «напиться», «попробовать», «отпить») до эмотивных («объесться», «обожраться», «нажраться», «нализаться»).

К знакам-комментативам и знакам-регулятивам в нашей классификации относятся такие знаки, задача которых – номинировать условия успешного или неуспешного хода и завершения процесса приготовления пищи, а также процесса потребления пищи.

Их основной особенностью является конвенциональная способность наложения условий на сам процесс: «кипятить в течение пяти минут», «лучше тушить в сметане», «рекомендуется заправить уксусом», «мясо будет мягким, если бульон посолить в конце варки», «если нет майонеза, можно заправить сметаной», «выключить, как только подрумянится». Знаки-регулятивы предупреждают либо о повышении качества приготовленной еды в результате изменения хода процесса приготовления, либо о последствиях нарушения технологии процесса логическим силлогизмом «если...то»: «если добавить в макароны сыра, то они будут вкуснее», или «если насыпать много соли, то кушанье можно испортить». Это же относится и к процессу потребления, только в этом случае речь идет о регуляции и комментировании успешности/неуспешности приема пищи и его комфортности/некомфортности: «ешь неспеша – так пища лучше усваивается», «тщательно пережевывай еду – тогда не будет проблем с желудком», «это блюдо следует есть только горячим, в остывшем виде оно будет невкусным».

Функционально комментативы и регулятивы смыкаются с другими знаками-пермиссивами и знаками-лимитаторами.

Первые обеспечивают вариативность процесса приготовления пищи и процесса ее потребления, вторые налагают ограничения на эти процессы. Так, к пермиссивам можно отнести знаки – функциональные замены типа «можно», «подойдет», «рекомендуется», «годится», «за неимением», «будет вкуснее,

если», «советуем...»: «если нет кинзы, используйте петрушку», «за неимением сельдерея, подойдет и корень петрушки», «рекомендуется не солить».

В процессе потребления его вариативность обеспечивается знаками типа «курицу можно есть руками», «никто вас не осудит, если вы соус станете доедать, промокая его корочкой хлеба», «рыба вкусна и в холодном виде».

Знаки-лимитаторы напрямую запрещают отклонения от директив и инструкций, регламентирующих процессы приготовления и потребления пищи. Они совмещают в себе предупредительную и лимитирующую функции: в качестве операторов используются знаки «не [предикат], иначе (в противном случае) (а то; не то)» – «после закладки в кастрюлю пельмени помешать, иначе они слипнутся», «крышкой кастрюлю не накрывать, а то бульон выкипит». Запретительная директива может быть как комментированной («посолить в конце варки, в противном случае мясо станет жестким»), так и сугубо запретительной без комментариев («Не кипятить!»).

В процессе потребления знаки-лимитаторы исполняют запретительную функцию регулирования этикетных инструкций («Хлеб нельзя брать вилкой», «О скатерть руки не вытирать», «Не пей из тарелки», «Икать за столом неприлично», «Не строй горы из костей на столе», «Не пей из бутылки», и т.д.).

Кваликативно-оценочную функцию, характеризующую социальное отношение к процессу приготовления и потребления пищи, а также формирующую культурные приоритеты, исполняет семиотическая подсистема, состоящая из (...) знаков-идеологем.

Связь власти и глоттонии представляется очевидной прежде всего потому, что вся история человечества свидетельствует о прямой зависимости власти от глоттонического процесса. Существование того или иного режима власти предполагает как обладание пищевыми ресурсами, так и их распределение. Смена режимов власти не в последнюю очередь происходит прежде всего из-за стремления обладать именно пищевым ресурсом. Манипуляция инстинктами выживания толпы – главный инструмент власти во все времена. Среди предвыборных обещаний любого политика (в том числе и демократической принадлежности) одно из основных – обещание сытно накормить: недаром, поэтому власть в дискурсе любого народа ассоциирована с «кормушкой» – близостью к пищевому ресурсу. Иерархия властной структуры в народном сознании россиян определяется именно такой близостью.

(...) Отголоски этого культурного феномена слышны и сегодня, во времена демократические (например, Микояновский мясокомбинат сегодня рекламирует колбасные изделия как поставщик Кремля с ностальгическим подтекстом прежней его близости к власти; или прайм-таймовская презентация «Масла кремлевского» со всеми атрибутами власти – изображение Московского Кремля и рекламный манипулятивный message о том, что все «кремлевское» – качественное).

Тоталитарные режимы власти наделяли многие пищевые продукты чужеродным символизмом («пища капиталистов и империалистов») и всячески стремились их дезавуировать. Главным инструментом такого

дезаурирования выступали «замены». Так, книга «Guten Appetite Гюнтера Линде и Хайнца Кноблоха – журналистов из ГДР, переведенная на русский язык в 1972г. (Линде, Кноблох, 1972) и описывающая разные национальные кухни мира, пестрит такими заменами: советскому читателю 70-х годов просто были незнакомы такие продукты, как каперсы, анчоусы, рыбка коринка, и пр. Многие продукты заменялись в рецептах другими просто потому, что в СССР их можно было достать разве что в пищевых кремлевских распределителях «по благу» (ананасы, бананы, горбуша, кета, салями).

Другой вектор тоталитарного манипулирования направлен в прошлое с целью его дискредитации. При этом используются разные манипулятивные приемы – от подмены понятий до замалчивания. В журнале «Сельская молодежь» № 3 за 1975г. появляется серия статей о «Книге для молодых хозяек» Елены Молоховец (1912г.), высмеивающих ее рецепты, в которых присутствовали черная и красная икра, осетрина или медвежатина, как рецепты, «издевающиеся над простым народом, не имевшим доступа к подобным продуктам» (можно подумать, что не облеченные властью советские граждане имели такой доступ в 70-е годы!). На самом деле послеперестроечное открытие архивов сделало общедоступной информацию о том, что например, осетрину можно было купить до октябрьской революции 1917г. за копейки в любой продовольственной лавке.

Таким образом, лингвистические знаки-глуттонимы получили некое новое – идеологическое – содержание и стали использоваться в иной – классовой – среде, став знаками-идеологемами.

Идеологией как компонентом семантическим наделены многие глуттонимы. Знаки-идеологема распределяются по шкале «экономическая доступность – недоступность» или «богатство – бедность». Так, осетрина – это «знак богатства», рис – в ряде стран, особенно восточных – «символ бедности», как и сочетания «хлеб да вода», «корочка хлеба».

(...) Среди глуттонических знаков, относящихся к данному классу кваликативов и эмотивов можно выделить также **знаки самоидентификации и национальной идентификации**, в полной мере описываемых пословицей «О нас можно судить по тому, что мы едим» (англ. «we are what we eat»). Пища очень часто представляет собой свидетельство национальной самоидентификации и идентификации: англичане ассоциируют себя с ростбифом, бифштексом и пудингом; французы во всем мире именуются «лягушатниками», поскольку лягушки – изысканная, но вполне доступная всем слоям французского общества еда; итальянцы – «макаронниками», ибо макароны – широко известный стереотип всеобщего национального потребления, приписываемый итальянцам.

(...) К лингвистическим знакам самоидентификации следует также отнести такие религиозные базисные знаки, которые номинируют символы религиозных представлений о благополучной жизни и празднеств, связанных с обретением этой жизни: у христиан это «яйца» и «пасха» как символы воскрешения Иисуса Христа и продолжения жизни («яйцо» как символ живого

и самовоспроизводящегося, символ самой жизни; «пасха» как яство, дающее продолжение жизни и одновременно являющееся «телом христовым», т.е. дарующим вечное спасение); у иудеев – «маца» как символ пропитания, дарованный Моисеем – спасителем евреев; у мусульман – «баранина» как символ процветания и благополучия, одобренный и практиковавшийся Аллахом; у исповедующих индуизм – «рис» как источник жизни, благословленный самим Буддой.

(...) Рассуждая о культурной принадлежности пищи, можно с уверенностью заявить, что она представляет собой весьма важную сторону культуры потребления. Вкус как метафора играет чрезвычайно активную роль в формировании культурных ценностей – манеры поведения за столом, мода на томаты, высушенные под солнцем, знание того, какое вино следует употреблять в сочетании с определенным блюдом. Произвести неотразимое впечатление изысканной едой гораздо легче, чем сделать это при помощи дорогой одежды, автомобиля или богатого убранства дома (ср. русскую поговорку «Не красна изба углами, а красна пирогами»).

Кстати говоря, разнообразные паремии занимают значительное место в метафорическом арсенале глуттонии как аксиологическом феномене: нет такой лингвокультуры в мире, которая не зафиксировала бы пословицы и поговорки, связанные с едой. Только в русском паремиологическом фонде мы насчитали 80 единиц. Обращает на себя внимание тот факт, что пословицы исполняют роль своеобразных презентационных сгустков, демонстрирующих глубинные национальные ценности в их первоначальном, фиксированном виде (представляют мудрость создавшего их народа).

Знаки-культурные доминанты в глуттонической системе «расставлены» таким образом, что при рассмотрении процесса всей глуттонической коммуникации в целом можно достаточно четко определить ценностные ориентиры носителей той или иной культуры, а также специфику самой культуры и культурной среды. Соответственно, эти знаки помогают выявить культурный потенциал той или иной нации или социальной группы.

Культурные доминанты отвечают ряду параметров, которые определяют их функционирование. К таким параметрам относятся:

1. Отношение к процессу приготовления пищи (ритуальное – эстетическое – прагматическое).
2. Отношение к образу пищи в разных культурах и его изменение в соответствии с культурными представлениями (верованиями).
3. Классовые различия в процессе потребления пищи.
4. Приоритеты потребления пищи (приоритетные продукты питания в разных культурах).
5. Приоритеты инструментов приготовления и потребления.
6. Время как фактор приготовления и потребления пищи.
7. Место как фактор приготовления и потребления пищи.
8. Способы обработки пищи.
9. Способы потребления пищи.

(...) Наряду с знаками-культурными доминантами в квалификативно-эмотивной секции глоттонической системы языка существуют особые знаки, определяющие гендерные различия глоттонии – гендерные знаки.

В традиционных представлениях о приготовлении еды кухня – это место, где властвуют женщины. Этот контроль за отбором и приготовлением еды привел к разграничению культурных значений для мужчин и женщин. Женщины по-прежнему доминируют в ежедневном приготовлении пищи как на условиях оплаты своего труда, так и бесплатно (в ситуациях, когда речь идет о высокооплачиваемом труде, то здесь приоритет за мужчинами в роли шеф-повара). У женщин еда – это источник особого удовлетворения и одновременно источник комплекса вины (диета, булимия, анорексия). (...)

В лингвосомиотической системе глоттонии гендерные знаки противопоставлены друг другу во всех ее областях и формируют иерархию с доминантами «привилегированность труда – подсобность труда», «тяжесть труда – легкость труда», «первоочередность потребления пищи по гендерному признаку». Например, профессия мясника – мужская (трудно представить себе женщину в этой роли), посудомойки – всегда или, как правило, женщины. (...) галантная французская кухня право приготовления мясных блюд оставляет за мужчиной, нежные женские руки необходимы только при приготовлении салатов. Спиртные напитки в ряде глоттонических культур также противопоставлены по гендерному признаку: водка и коньяк – напитки мужские, вино – как правило, напиток женский.

4. Презентационная функция глоттонии

Теперь мы переходим к описанию последней и весьма важной для глоттонической коммуникации функции – **презентационной функции** лингвистических знаков глоттонии.

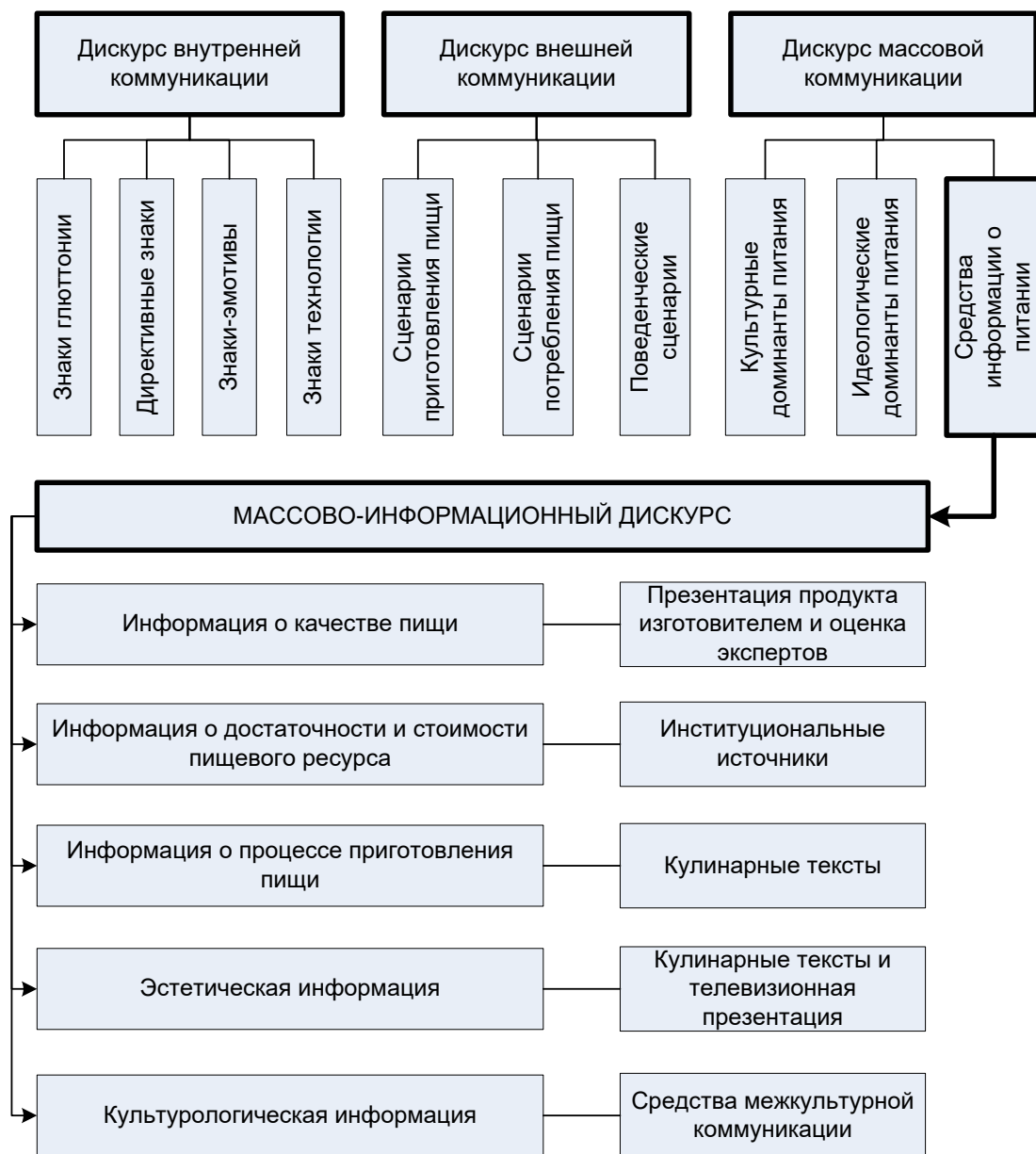
Здесь на передний план выступает главная роль массово-информационного дискурса вообще и глоттонического в частности как комплекса (в том числе и лингвистического) методов, способов и инструментов влияния / воздействия на социум в части формирования вкусов, предпочтений, образа бытия, в глобальном смысле – формирования картины мира.

(...) Каким образом формируется стиль и культура потребления пищи? Естественно, только под воздействием передовых рядов социума, действующих либо в своих интересах, либо в интересах доминирующих групп, ответственных за формирование социальных ценностей. Соответственно, интересы социального авангарда требуют задействования определенных лингвистических знаков, способствующих успешному влиянию и воздействию на вкусы и привычки потребителей пищи с целью их изменения в пользу вышеозначенных субъектов.

Важным средством такого воздействия с задействованием целого репертуара лингвистических знаков оказывается массово-информационный дискурс, связанный с репрезентацией глоттонических знаков в массовой

коммуникации. Процесс репрезентации подчиняется определенному алгоритму, который мы попытаемся описать.

Алгоритм репрезентации глуттонических знаков в массовой коммуникации

Отправной точкой воздействия оказывается кухня, внутри которой существует своя специфическая коммуникация, связанная, во-первых, с очередностью операций по приготовлению пищи, и, во-вторых, с иерархическим распределением ролей между субъектами процесса приготовления.

Социализированная среда кухни всегда таинственна для социума, которому небезразлично, чем его кормят, и как получается то, от чего в результате возникает эстетическое переживание в связи с потреблением пищи. Ритуальность происходящего на кухне давно стала метафорой раскрытия тайны творчества или интриги (ср. «кухня писателя», «политическая кухня»). Процесс приготовления пищи есть не что иное, как обряд, структура которого

известна социуму, но только в общих чертах. Острый интерес, как правило, вызывают детали и подробности приготовления.

Задействованные в *дискурс внутренней коммуникации* лингвистические знаки неравноправны по своему статусу. Здесь на передний план выдвигаются прежде всего номинации технологии приготовления пищи для массового потребления – «технологические карты и раскладки» (...).

В целом же, дискурс внутренней коммуникации кухни характеризуется общей жесткой директивностью процесса приготовления и четким распределением ролей субъектов этого процесса. Повар-технолог следит за режимами приготовления и соблюдением рецептуры блюда, шеф-повар – за презентабельностью подаваемого блюда и его дизайном; подсобные работники ответственны за соблюдение технологии подготовки продуктов к операциям приготовления, и т.д. Соответственным образом структурирован и задействованный в коммуникацию дискурс участников коммуникации: указания и команды исходят от шеф-повара нижестоящим в иерархии кухни работникам, они также могут сопровождаться эмотивными высказываниями по поводу качества работы подчиненных. Снизу вверх – от нижестоящего к вышестоящему работнику кухни могут исходить только просьбы, запросы совета, консультативные высказывания. Знаки межличностной профессиональной коммуникации в дискурсе кухни, как правило, директивны, поскольку вся коммуникация подчинена фактору времени (кухня должна успеть приготовить блюдо к назначенному сроку, клиент не любит ждать, блюдо можно переварить, и пр.). В *дискурсе внешней коммуникации*, имеющем статус переходного между дискурсом внутренней коммуникации и коммуникации массовой, сосредоточены знаки, структурированные в кластеры понятий, фреймы или сценарии приготовления и потребления пищи и поведенческие сценарии.

О технологии процесса приготовления пищи субъекты внешней коммуникации – клиенты (посетители, потребители) узнают от посредников. В роли которых могут выступать шеф-повар, одной из функций которого является функция представительская (он один из работников кухни имеет право общаться с клиентами в ресторане) или официанты. Сценарий приготовления пищи сообщается клиентам в самом общем его виде («Из чего это приготовлено?», «Что входит в состав блюда?» – «Блюдо приготовлено из мидий, пропаренных в белом вине», «В состав гарнира входит морская капуста»). Сценарий потребления может быть развернут достаточно подробно и эстетизированно («Как это следует есть?», «Как это есть?» – «Блюдо нарезают на равные кусочки, обмакивают в соус, при этом положено пользоваться специальной вилкой для рыбы»). Дискурс внешней коммуникации по преимуществу консультативен – в нем отсутствует директивность. Кроме того, он максимально подчинен максима́м вежливости и этикета, во всяком случае со стороны обслуживающей. Сбои в поведенческих сценариях внешней коммуникации, как правило, происходят в связи с неудовлетворенностью потребителя качеством пищи и качеством обслуживания (...).

Сбалансированность сценариев определяет внимание массовой коммуникации, которая выступает, с одной стороны, как средство, формирующее публичный образ среды питания, а с другой – как индикатор состояния культурной картины мира.

Таким образом, *дискурс массовой коммуникации* аккумулирует в себе знаки, которые представляют собой культурные вехи, принимаемые социумом как доминанты, а также знаки, которые очерчивают принятые в том или ином сообществе принципы и представления о питании, выгодные власти или доминирующим в социуме группам (группировкам). Все эти семиотические образования обеспечивают поток информации о глуттонии во всех ее проявлениях, направленный в социум в виде массово-информационного дискурса.

(...) Так, информация о качестве пищевого продукта предьявляется потребителю на сопровождающих продукт инструкциях и сведениях о содержащихся в продукте элементах. Степень воздействия на потребителя с целью возбуждения его потребительского интереса, как правило, регулируется рекламой через СМИ или использованием оценки институтов, ответственных за тестирование качества продукта.

Информация о наличии, отсутствии, достаточности и стоимости пищевого ресурса всегда находится в центре внимания СМИ; малейшее отклонение от нормы в состоянии пищевого ресурса сразу становится объектом внимания (как правило, объектом критики) прессы, соответственно в массово-информационном дискурсе вектор воздействия с информирования потребителя о качестве продукта может быть перенаправлен на власть и ответственных за качество и количество пищевого ресурса. Таким образом, можно говорить об институционализации массово-информационного дискурса в отношении глуттонической системы.

Процесс приготовления пищи, ее качество, внешний вид, содержание и происхождение также отражаются в массово-информационном дискурсе в виде триады «процесс – образ – культура». Сценарии приготовления пищи формируют общий образ эстетического потребления и поставляют информацию о культурной и национальной идентификации и самоидентификации потребителя. Средствами такого отражения выступает массовое распространение рецептов и информации о стилях питания (кулинарные книги, газетные и журнальные колонки специалистов в области питания, телешоу, рассылки рецептов по сети Интернет, и т.п.).

Массово-информационный дискурс также оказывается регулятором взаимодействия национальных культур, распространяя информацию о способах приготовления и манере потребления пищи разными нациями и народностями, формируя при этом предпочтения потребителя и напоминая ему о его национальной принадлежности, тем самым способствуя его национальной самоидентификации. Здесь необходимо сказать о транснациональной тенденции в массовой коммуникации разворачивать вектор внимания к той или иной культуре, в том числе, и в области потребления пищи в связи с социально и политически важными событиями: так, по данным экономического

телеагентства «Bloomberg TV», вступление Китая в ВТО (Всемирную Торговую Организацию) и широкое освещение этого факта в средствах массовой информации резко увеличили посещаемость китайских ресторанов по всему миру; вскользь произнесенное признание Владимира Путина о его приверженности японскому блюду из рыбы «суши» сделало это блюдо самым модным в ресторанах Москвы.

Выводы

Пища (еда) – есть не что иное, как 1) когнитивная система, представляющая собой конгломерат ценностных и культурных доминант, связанных между собой общей идеей глоттонии, т.е. потребления и поддержания жизни Homo Consummate – Человека Потребляющего; 2) особая знаковая система, состоящая из достаточно четко иерархизированных знаков, имеющих свою особую лингвистическую интерпретацию.

Лингвистические знаки пищи, ее характеристик и действий / состояний, связанных с ее добычей, приготовлением и потреблением, формируют особую когнитивную и информативно-коммуникативную среду, в которой общение подчинено законам дискурса, точнее – его особой разновидности, которая именуется нами как массово-информационный дискурс.

В рамках массово-информационного дискурса существует особый тип дискурса – гастрономического, цель которого – особый вид коммуникации, именуемой нами глоттонической. Как всякий дискурс, дискурс гастрономический подвержен социальной стратификации, а следовательно, представлен разными речевыми жанрами.

Еда (пища) и связанный с ней дискурс представляют собой знаковую систему, в которой сконцентрированы «культурный капитал», национальная самоидентификация, персональная идентификация и субъективное отношение (вкус), гендерные характеристики и характеристики социальные (классовые). Иными словами, исследуемые нами сущности в совокупности представляют собой особый культурный концепт.

Лингвистические знаки гастрономического дискурса формируют значимости (значения), складывающиеся в особую семантическую систему, структурируемую в кластеры значимостей, именуемые нами сценариями или фреймами, которые, в свою очередь, в коммуникативных целях презентации расчленяются человеческим сознанием и хранятся в нем в виде директивных сообщений (рецепты, меню, эстетические образы блюд, правила поведения за столом, ритуалы потребления пищи, и т.д.).

В массовой коммуникации одно из важнейших мест занимает коммуникация, связанная с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления. Эта коммуникация именуется нами глоттонической. В процесс глоттонической коммуникации, представляющей собой целую когнитивную систему, вовлечено значительное количество взаимоорганизованных знаков, в том числе и лингвистических, которые, в свою очередь, образуют обширную лингвосомиотическую систему глоттонии.

Средством реализации этих систем в массовой коммуникации выступает массово-информационный дискурс, который в свою очередь представляется нами как гастрономический или глуттонический дискурс, в задачи которого входит как воздействие на потребителя в смысле выбора его пищевых предпочтений, так и формирование самих предпочтений и культурных доминант, связанных с поддержанием жизни посредством потребления пищи.

№12. К практическим занятиям № 16-18:

Михалева, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – Иркутск, 2005. – С. 15 – 86

1.1. Дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определённого текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего.

1.2. Дискурс характеризуется как способ видения мира, реализуемый в самых разнообразных (не только вербальных) практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но и проектирующий и сотворяющий его.

1.3. Анализ дискурса дает возможность восстановить особые фрагменты ментального мира и установить их специфические особенности.

1.4. Таким образом, дискурс следует понимать как вербализацию определённой ментальности, или такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создаётся свой (присущий определённому социуму) способ видения мира, способ упорядочения действительности.

2. С учётом представлений, сложившихся в современной когнитивной науке, можно сформулировать следующий ряд зависимостей: дискурс есть вербализация ментальности; ментальность (= ментальное пространство) – это совокупность концептов, способом структурирования которых являются фреймы; актуализация того или иного слота фрейма обеспечивается действием когнитивного сценария. Способ структурирования концепта определяет выбор языковых средств, выражающих позицию говорящего.

3. Политический дискурс является специфической разновидностью дискурса вообще. Он обладает набором системообразующих признаков, в число которых входят (а) цель общения; (б) участники общения; (в) способ общения: избираемые стратегии и тактики.

3.1. Основной целью, конституирующей сущность политического дискурса, является борьба за власть. Эта цель обуславливает манипулятивную природу политического дискурса и определяет характерные для него стратегии и тактики.

3.2. Анализ коммуникативных ролей участников политического общения обнаруживает полисубъектность политического дискурса, в котором представлены: Субъект политического действия-1 (Адресант), Субъект политического действия-2 (Прямой Адресат) и Субъект политического действия-3 (Адресат-наблюдатель).

Исследование способов номинации участников политической коммуникации показывает наличие двух тенденций, характеризующих специфику данной разновидности дискурса: тяготение к неопределённому или обобщённому именованию субъекта политической деятельности и установка на размежевание «своих» и «чужих».

Полисубъектность, как и цель общения, обуславливает такие особенности политического дискурса, как выбор участником коммуникации стратегии речевого поведения и стремление манипулировать аудиторией.

3.3. Стремление говорящего максимально увеличить значимость собственного статуса (Sb-1) и максимально уменьшить значимость статуса политического противника (Sb-2) определяют реализацию стратегии на повышение и понижение соответственно. Задача привлечения сторонников обуславливает необходимость постоянного учёта адресата-наблюдателя (Sb-3), а следовательно, реализацию стратегии театральности.

(...) Каждая стратегия политического дискурса реализуется благодаря использованию определённого набора тактик.

(...)

Стратегия на понижение

Направленность на соперника, стремление развенчать его позиции предполагает стратегию «игры на понижение» («to play on downtown»). Реализуется эта стратегия через следующие тактики.

1. Тактика анализ-«минус» – основанное на фактах рассмотрение, разбор ситуации, предполагающий выражение отрицательного отношения к описываемому, а также – к людям, их действиям и поступкам.

Б.Немцов: Так вот, я должен сказать следующее. Конечно, у Владимира Вольфовича сложная ситуация. Если в девяносто третьем году он набрал где-то двадцать три процента... Замечательно! В девяносто... (аплодисменты) в девяносто пятом году они набрали в два раза меньше. Сейчас... Вот сейчас их уровень довели до пяти процентов. И сейчас, сейчас ему уже очень трудно что-либо сделать, чтобы преодолеть пять процентов. Потому что всё дело в том, что ... всё дело в том, ... что шансов никаких. Человек на излёте, нервничает.

При использовании тактики анализ-«минус» говорящий описывает ситуацию, не эксплицируя своего отрицательного отношения к анализируемым событиям или поступкам людей. (...)

2. Тактика обвинения – приписывание кому-либо какой-либо вины, признание виновным в чем-либо, а также раскрытие, обнаружение чьих-либо неблагоприятных действий, намерений, качеств.

В. Жириновский: *Давай! Отвечу тебе, Каля! Я бы мог, мог тебе дать больше, чтоб ты что-нибудь другое сказал в отношении Немцова, но не буду тебе давать. Потому что этот молодой человек спросил, что такое депутат – проститутка, нет, есть артисты – проститутки. Они орут за Ельцина, потом Ельцина поливают грязью. Вот они – проститутки, эти артисты (в зале шум, крики). (...)*

3. Тактика безличного обвинения – обвинение, при котором не указываются виновники осуждаемых действий или поступков, т.е. те лица, чьи злоупотребления, тайные замыслы и т.п. становятся предметом открытого обсуждения и осуждения.

(...) Б. Немцов: *Я понимаю, что только человек, который с презрением относится к своему народу, постоянно обманывает, только такой человек... И вообще, есть хамство, смешанное с ложью, и это, понимаете, оружие для некоторых политиков.*

(...) В контексте субъект действия (с презрением относится к своему народу, постоянно обманывает) обозначен максимально обобщённо — человек, политик.

Политику выгодно фокусировать внимание слушателя на объекте, не называть субъекта действия, поскольку благодаря этому усиливается прагматический эффект противопоставления «своего» и «чужого» мира: происходит фиксация сознания слушающего на негативе, который везде, который окружает человека, с которым поэтому бессмысленно бороться самому, а надо просто послушаться данного конкретного политика, довериться ему, а значит, проголосовать за него.

4. Тактика обличения – приведение с целью уличения фактов и аргументов, делающих явной виновность, преступность кого-либо.

В. Жириновский: *А когда вы говорите, что мы не поддержали там, Дума не смогла провести импичмент ... вспомните, что вы орал в августе 91-го года: «Да здравствует Ельцин!». Мы кричали тогда, вы его поддержали. Он ввёл должность, вы должны за это отвечать. Мы же вам помогли, получается? Вы сегодня предаёте своего отца, человека, который дал вам возможность быть на политической арене. Он ехал в отпуск в Сочи с женой, никто его не знал. И когда он прибежал ночью в августе девяносто первого года и поддержал президента России будущего. Он ещё не был президентом России. Он всё имеет сегодня за эти восемь лет, вплоть до первого вице-премьера России и проклинает того, кто ему дал это место. Представляете, какая тип ... низость наших людей.*

Эта тактика – своего рода комбинация анализа-«минус» и обвинения. (...)

5. Тактика оскорбления – нанесение обиды, унижение, уязвление кого-либо, сопровождаемое экспликацией эмоционального составляющего компонента вместо приведения доказательств.

Статья «Я вас ненавижу» из газеты «Действие» иркутских национал-большевиков: *Я вас ненавижу за всё, за ваши лица, образ жизни, за ваши мечты и ваши желания. Бесполезные существа, возомнившие себя венцом*

творения – бесполезная раса, разъедающая время. В основе своей серые и бесталанные, примитивные и пошлые шевелитесь вы под инфракрасным излучением солнца, жрётё и плодитесь, – это называется жизнь, когда перестаёте сокращаться – это называется смерть. ... Безликие, аморфные украшаете свою ничтожность крутыми тачками, нарядами, степенями, званиями, бесполезными томами и тоннами бессвязных мыслей и речей. Человечество – звучит как чавканье заплывшей от жира пасты, доедающей очередной бутерброд с колбасой. (...)

6. Тактика угрозы – запугивание, обещание причинить адресату неприятность, зло.

В. Анпилов: Пусть рабочие, крестьяне, творческая интеллигенция не сомневаются. Банда политических выжиг, рвачей и банальных жуликов рано или поздно предстанет перед судом и понесут возмездие. Будет кара прямо пропорциональна размерам наворованного ими капитала.(...)

Стратегия на повышение

Эта стратегия отражает стремление говорящего максимально увеличить значимость собственного статуса.

1. Тактика анализ-«плюс» – основанное на фактах рассмотрение, разбор ситуации, предполагающий имплицитное выражение положительного отношения говорящего к описываемой ситуации.

Б. Немцов: Полностью разрушена область была, да, и сейчас всё-таки область живёт, развивается, растёт. Кстати говоря, вот, стала всемирно известной. Мы открыли окно в Европу. Я должен сказать, что мы сделали очень важный шаг. Жириновский ... Жириновский обманывает, причём как всегда нахально, людей, когда говорит, что развалено сельское хозяйство. Миллионы нижегородцев за пять с половиной лет получили землю. Больше двухсот церквей, которые были взорваны большевиками, восстановлены. Единственная награда, которая у меня есть, это не правительственная награда, а это орден святого Даниила Московского, который я получил из рук святейшего Патриарха. Я должен сказать, что мы восстановили пять тысяч километров дороги, газифицировали сто тысяч домов.(...)

2. Тактика презентации – представление кого-либо в привлекательном виде.

Б. Немцов: И считаю, что нам не нужны потрясения сейчас, у нас не плохой премьер-министр, мы его поддерживаем. Его поддерживают миллионы российских граждан. В силу того, что он человек ответственный, он человек решительный и честный, и ещё к тому же ему всего 47 лет.(...)

3. Тактика неявной самопрезентации – выраженное косвенно, без прямого указания на объект позитивного оценивания представление говорящим себя в привлекательном, выгодном свете.

В. Жириновский: Так вот, Борис Ефимыч сказал, что Дума якобы не приняла законов. Она приняла тысячу законов. По этим законам, Борис Ефимыч, вы и сидите в этом кресле. Именно ЛДПР приняла Конституцию, по которой вы стали губернатором. Вы сегодня здесь можете находиться во

главе Союза правых сил, потому что многопартийную систему ввела новая Конституция России и без ЛДПР она бы не была принята. Вы бы жили в условиях диктатуры сегодня, Борис Ефимыч.(...)

4. Тактика отвода критики – приведение с целью доказательства невинности аргументов и/или фактов, с помощью которых можно объяснить (оправдать) какие-либо действия и поступки.

Б. Немцов: Теперь по поводу законов давайте вернёмся. Я Оолжен разочаровать Владимира Вольфовича. Закон хамский об установлении пенсий и заработной платы принят 5 июля 1999 года, когда я уже как год был в отставке и повлиять на принятие этого закона, естественно, никоим образом не мог. Вот. (...)

5. Тактика самооправдания – отрицание негативных суждений об объекте критики и его причастности к тому, чему даётся отрицательная оценка.

Зритель (вопрос к С. Кириенко): У меня такой вопрос. Вот Им сейчас очень легко отвечали, что бы вы сделали, если бы вы были избраны или были бы председателем правительства.

Вот Вы были председателем правительства, а что Вы сделали для того, чтобы народы России жили лучше? Вы довели до того, что рубль ... обвал рубля неслыханный в истории цивилизации. Это было при Вас. То есть на практике Вы доказали, что вы не способны действовать и вдруг сейчас Вы так легко решаете все проблемы. Ответьте, пожалуйста, почему Вы там допустили такую оплошность, а здесь Вы так легко решаете проблемы?

В. Познер – С. Кириенко: Прошу Вас.

С. Кириенко: Я не считаю это, наверно, оплошностью. Я понимаю, что Вам, наверно, это неприятно слышать. Я не считаю это оплошностью. Мы сделали то, что должны были сделать. Жить по средствам должна каждая страна, ничего другого нет.

Стратегия театральности

Наличие в политическом дискурсе адресата-наблюдателя обуславливает реализацию стратегии театральности – «театральный» подход к ситуации, представляющий её трактовку в качестве драмы, где люди стараются произвести друг на друга определённое впечатление. По справедливому замечанию Е.И. Шейгал, театральность политического дискурса снижена с тем, что одна из сторон коммуникации – народ – выполняет преимущественно роль не прямого адресата, а адресата-наблюдателя, который воспринимает политические события как некое разыгрываемое для него действие. (...)

1. Тактика побуждения – призыв к какому-либо действию, принятию точки зрения.

(а) С. Умалатова: И я обращаюсь ко всем, кому не безразлична судьба нашей Родины: не оставайтесь в стороне, не смотрите спокойно на то, как рушится великая и могущественная в прошлом держава. Дорогие друзья! Сегодня быть вне политики – значит быть вне жизни, вне общества. Если мы дорожим своей Родиной, любим её, мы вместе сделаем всё для того, чтобы она вновь обрела своё величие и славу. Я обращаюсь ко всем прогрессивным

силам, к ветеранам, к молодёжи, особенно я обращаюсь к женщинам с призывом поддержать нас в этот решающий момент.(...)

2. Тактика кооперации – такой способ обращения к адресату, с помощью которого говорящий конструирует образ последнего, апеллируя к идеям и ценностям, носителем которых он (по мнению говорящего) является.

В. Тюлькин: Мы обращаемся к тем, кто понимает, что происходит, кто готов подключиться к борьбе, кто выступает против деления людей на господ и слуг. Таких людей в России много. В господа не рвутся, в холуи не пойдут.(...)

3. Тактика размежевания – выявление различий и несходства в позициях и мнениях.

В. Жириновский: Они туда едут учиться, лечиться и получать инструкции. Мы туда не едем.(...)

4. Тактика информирования – приведение данных и фактов, не сопровождаемое выражением отношения говорящего.

В. Путин: В последние годы, десятилетиями, можно сказать, у нас складывалась такая ситуация, что м-м основного, основным видом топлива был газ. Газ – это дешёвое сырьё. И внутри страны оно, э, это сырьё в десять раз примерно дешевле, чем на внешнем рынке. Естественно, что газодобывающие предприятия, Газпром в целом стремится значительную часть газа поставить на экспорт. Нужно подумать о том, как заместить газ в ближайшее время, нужно иметь в виду, что это нельзя сделать за один год, даже за два. Но, э, здесь проблема угольной отрасли возникает. Я думаю, угольщики заинтересованы в том, чтобы использовать больше угля, угля, решение той проблемы, которую затронули, возникают вопросы, связанные с экологией, с ценообразованием.

При реализации данной тактики говорящий ограничивается предоставлением информации, которую аудитория может учесть в процессе принятия решения.

5. Тактика обещания – добровольное обязательство сделать что-либо.

Г. Зюганов: Мы снизим существенно налоги, мы поднимем ответственность за их сбор, и казна получит большие деньги. (...)

6. Тактика прогнозирования – предсказание, суждение о дальнейшем течении, развитии чего-либо на основании интерпретации различных имеющихся данных.

В. Тюлькин: Уворовав народную собственность, новые господа зубами будут за неё держаться и будут на это удержание направлять любые, все усилия, которые даёт власть.(...)

7. Тактика предупреждения – предостережение, предваряющее извещение о возможных событиях, действиях, ситуациях и т.п.

С. Умалатова: Если не предпринять решительных мер по возрождению нашей экономики, наведению порядка в собственной стране, мы можем потерять Россию как единое независимое государство.(...)

8. Тактика иронизирования – осуществление воздействия за счёт контраста между сказанным и подразумеваемым.

(а) Б. Немцов: И меня, знаете, что умиляет? Когда сравнивают зарплату депутатов России с заработной платой рабочего где-нибудь на General motors. Да, меня это умиляет. А пенсии российских граждан не хотят сравнить с пенсиями американских бабушек и дедушек? Это просто умилительно, да? Это вообще не тема для дискуссий и не о чем здесь говорить. Всё ясно. Значит, я вообще считаю, что в Думу надо выбирать людей, у которых не потеряны хотя бы остатки совести. Я так понимаю, что у ЛДПР в этом смысле шансов никаких. И в общем и расстраиваться не надо (аплодисменты). Вот и всё. (...)

9. Тактика провокации – подстрекательство кого-л. к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжёлые для него последствия.

(а) Б. Немцов: Когда звучит постоянный бред, то лучше расслабиться и получать удовольствие. Поэтому всех, кто сейчас за Правых, тех, кто сейчас за Союз правых сил, я просто призываю не обращать внимания на собеседника, вот. И просто расслабиться и всё будет хорошо. (...)

№ 13. К практическим занятиям № 16-18:

Михалева, О.Л. Основы психолингвистики: учебно-методический комплекс / О.Л. Михалева. Иркутск, 2005. – С. 10 – 12.

Образец контрольной работы
по теме «Дискурс-анализ текста политического выступления»

Задание: Выявите специфику ментального пространства, свойственного говорящему как представителю определённого вида политического дискурса.

Дорогие друзья!

В России заканчивается, пожалуй, самая тяжёлая, самая неприятная избирательная кампания. Я решил сегодня сам прийти к вам, чтобы сказать несколько слов. Мы с вами хорошо знаем основные проблемы, которые нужно решать в Государственной Думе. Об этом говорили буквально все. Это и зарплата, и пенсии. Я бы добавил сюда ещё укрепление государства, нашу безопасность. И «Яблоко» сделает всё для того, чтобы эти задачи были решены. Вы знаете, что в нашей партии много талантливых, умных, чистых и честных людей, но сегодня нас беспокоит больше всего то, что может сделать Думу буквально парализованной. Все мы наблюдали с вами, как в течение этой кампании произошла схватка двух партий, сформированных властью.

Г.Явлинский, реализуя стратегию театральности посредством использования тактики информирования, начинает свою речь с формальной констатации факта окончания избирательной кампании: *Дорогие друзья! В России заканчивается, пожалуй, самая тяжёлая, самая неприятная*

избирательная кампания. Благодаря использованию приёма ассерции, маскирующейся под пресуппозицию, говорящий преподносит слушающим своё мнение о том, что избирательная кампания была тяжёлая, неприятная, как факт. Для усиления производимого воздействия привлекается превосходная степень прилагательного, выражающая интенсивную степень признака, названного лексемами с негативной оценочностью: *тяжёлая, неприятная.*

Я решил сегодня сам прийти к вам, чтобы сказать несколько слов.

Используя личное местоимение *Я*, при реализации тактики неявной самопрезентации говорящий позиционирует себя как деятельную, сильную личность. Данный прагматический эффект подкрепляется тем, что в предложении *Я решил сегодня сам прийти к вам* субъект пропозиции равен говорящему, поскольку участник ситуации (партиципant) обозначен соответствующим ему канонически оформленным актантом. Партиципant выполняет в ситуации ту роль, которая стандартно выражается именно данной грамматической формой (им.п., ед.ч). Таким образом на прагматическом уровне создаётся эффект яркой, сильной личности.

Далее в предложении *Мы с вами хорошо знаем основные проблемы, которые нужно решать в Государственной Думе* говорящий, формально переходя к реализации тактики кооперации, демонстрируя единение со слушателями, на самом деле актуализирует стратегию на понижение посредством использования тактики анализ-«минус». Происходит это следующим образом: благодаря использованию приёма *Мы-инклюзивное* и, подкрепляя это лексическими средствами (*мы с вами*), репрезентирующими идею совместности, говорящий, вводя слушающего в свою личную зону, акцентирует его внимание на идее общности, параллельно (через приём «ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию») навязывая мысль о том, что ‘у нас есть проблемы’.

В следующем предложении *Об этом говорили буквально все* для названия субъекта действия использовано местоимение, указывающее на неопределённый референт, что даёт возможность говорящему уйти от конкретной номинации. Но тогда, когда говорящему выгодно актуализировать внимание адресата-наблюдателя, он называет реалии, которые для обычного человека имеют особую значимость: *Это и зарплата, и пенсии.*

Следующее высказывание *Я бы добавил сюда ещё укрепление государства, нашу безопасность* очень интересно как яркая иллюстрация особенностей дискурса Явлинского. Формально есть субъект действия, использовано двусоставное предложение с прямой диатезой, но тогда, когда требуется назвать конкретных исполнителей, дискурс, отображающий ментальность говорящего, навязывает ему использование номинализации, при которой, как известно, происходит свёртывание пропозиции, передаётся отвлечённость представления о процессе самом по себе, вне связи с производителем процесса. Говорящий не называет конкретных деятелей, тех, кто реально будет укреплять государство. В результате активно создаваемый образ деятельной, сильной личности начинает разрушаться.

Этот процесс продолжается далее, несмотря на то, что теперь говорящим используется тактика обещания. При анализе следующего высказывания *И «Яблоко» сделает всё для того, чтобы эти задачи были решены* можно установить, что субъект в предложении *чтобы эти задачи были решены* отсутствует, есть только называющее объект подлежащее, представленное фактитивом, т.е. партиципантом, возникшим, прекратившим существовать или подвергшимся изменению. Предикат же выражен краткой формой страдательного причастия. Благодаря этому усиливается прагматический эффект снятия говорящим с себя ответственности.

Используя тактику презентации, удерживая внимание адресата-наблюдателя использованием лексем, обозначающих качества, положительно оцениваемые социумом, в предложении *Вы знаете, что в нашей партии много талантливых, умных, чистых и честных людей*, говорящий указывает на очередную проблему, актуализируя тактику прогнозирования: *но сегодня нас беспокоит больше всего то, что может сделать Дума буквально парализованной*.

Политик обосновывает свой прогноз следующим образом: *Все мы наблюдали с вами, как в течение этой кампании произошла схватка двух партий, сформированных властью*. Наблюдаемое использование личных местоимений в выражениях *Сегодня нас беспокоит...* и *Все мы наблюдали с вами...* способствует осуществлению манипулирования: в первом случае представлено Мы-эксклюзивное, под которым понимается партия «Яблоко», представителем коей является говорящий. А затем, употребляя Мы-инклюзивное в выражении *Все мы с вами*, говорящий присоединяет себя и тех, от лица которых он выступает, к слушающим. Иллюзия включённости усиливается благодаря использованию местоимений *все, мы с вами*, содержащих в своих лексических значениях компонент общности, а используя глагол *наблюдали*, говорящий тем самым исключает себя и свою партию, а также слушателей из участия в этой схватке. Такое навязываемое аудитории говорящим объединение себя со слушателями позволяет ему скрыто внушить своему адресату мысль о том, что благодаря этой включённости все они вместе (он сам, созданная им партия и имеющаяся в данный момент аудитория) тем самым исключаются из числа оставшихся, т.е. тех, кто жаждет власти и пытается получить её любыми способами.

Кроме того, используя метафору *парализованная Дума*, говорящий навязывает слушающему своё виденье мира, побуждает адресата речи воспринимать окружающую действительность негативно. Поскольку данная метафора построена на сходстве ассоциаций, возникает образ существующего, но бездействующего, не способного что-либо реализовать органа власти – Государственной Думы. Представляя Думу больной, *парализованной*, автор апеллирует к чувствам и эмоциям адресата, создавая в его сознании параллельную связь с его собственным организмом, тем самым производя наложение проблем общества на личные проблемы слушателя.

Далее, произнося *произошла схватка двух партий, сформированных властью*, политик для реализации тактики обвинения использует приём

речевой имплицатуры, инкриминируя существующей власти вину в произошедшем: имплицирована мысль *‘власть спровоцировала схватку’*.

Вывод: О принадлежности анализируемого текста к политическому дискурсу свидетельствует специфический набор коммуникативных ролей, свойственных участникам именно этого вида дискурса. Анализируемый текст предполагает (помимо говорящего, являющегося основным субъектом дискурса) установки говорящего и реализует функцию контроля как над существованием второго субъекта («соперника»), а также – наличие адресата-наблюдателя, т.е. третьего субъекта политического дискурса, того, чье внимание добивается политик. Как следствие, основной, ведущей стратегией проанализированного текста является стратегия театральности, т.е. тот способ общения, который предполагает наличие наблюдателя.

Реконструирование ментальных структур, организующих данный вид дискурса, может быть осуществлено посредством дискурс-анализа, благодаря которому выявляется также использование говорящим манипулятивных приемов. Таким образом, благодаря дискурс-анализу подтверждается тезис о влиянии ментальных структур, организующих дискурс, на осуществляемый говорящим выбор языковых средств.

Таким образом, анализ, приведённый в данной работе, доказал, что отбор языковых средств в политическом дискурсе отражает ментальные нити, так и над поведением слушающих.

№ 14. К практическим занятиям № 16-18:

Федорова, И.Р. Информация и интерпретация в жанре современной газетной хроники и заметки: к вопросу о модальности «авторской пристрастности» / И.Р. Федорова // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии и синхронии: Сб. науч тр. – Калининград: Изд-во КГУ, 2004 – С. 107 – 120.

XXI век – время перенасыщения информационного пространства и роста информационного давления, главным образом со стороны средств массовой коммуникации. Будучи глобальной коммуникативной сетью, СМИ поставляют коллективному адресату огромное количество информации, подаваемой непрерывно и с большой скоростью. Мощность и темпы распределения информационного потока, поддерживаемые конкуренцией на рынке коммуникации, не позволяют человеческому мозгу своевременно провести необходимый анализ и синтез воспринимаемой информации, препятствуют критическому осмыслению нового семиотического окружения, приводят к унификации мышления и информационной зависимости. Восприятие информации осложняется не только фактором ее избыточности, но и смысловой многослойностью новости, неточностью изложения, обилием оговорок, обыгрыванием цитат, намеков и т. д. В этой ситуации сознание (и подсознание!) массового адресата оказывается максимально доступным для

усвоения многократно повторяемой информации, тиражируемых клиповых фрагментов действительности. (...)

Функции интерпретации действительности и убеждения (внушения) реализуются не только в аналитических журналистских текстах, но и в информационных жанрах – «святая святых» факта, новости. Современные информационные публикации (хроника, заметка, репортаж, интервью, отчет) представляют модальную неоднородность: не только (а подчас – не столько!) документальность, фактологичность, объективность изложения, но и оценочность, авторизацию, заслонение реального виртуальным. Сложность модального рисунка информационных жанров обнаруживается не только в «расширенной» информации, но и в таких «консервативных» жанрах, как хроника и заметка. Обратимся к их анализу.

Модальная «отмеченность» газетной информации проявляется уже на уровне первоэлемента информации – факта. О факте как ступке первичного знания в рамках массово-информационного дискурса говорить не приходится: даже в таких по определению «строгих» формах, как хроника и информационная заметка представлен не факт, а его модель (хотя в журналистском обиходе говорят «факт»), осложненная оценкой журналиста, поскольку для разных субъектов один и тот же объект может иметь разные смыслы. Другой уровень модальной маркированности – проявления авторизации и оценочное – способ отбора «фактов» для освещения в СМИ. Что доведется узнать читателю – решает журналист (главный редактор). Ср.:

«Комсомольская правда» успешно реализует свою концепцию новостной журналистики и обрела на этом пути значительный опыт. Из потока новостей мы выбираем только те сообщения, которые полезны в практическом плане миллионам людей, которые полезно знать всем. Либо такие, которые вызовут яркую эмоциональную реакцию – опять-таки у миллионов. Итак, полезность или эмоциональная реакция у миллионов. Вот такими категориями мы мыслим при отборе новостей. Например, если мы видим, что какой-то персонаж: зацепит 5 миллионов населения, то мы можем вообще о нем не упоминать, а вот если видим, что история – неважно, где она произошла – зацепит каждого (в Татарстане пьяная медсестра а роддоме заменила женщинам младенцев, они выросли до 20 лет и жили в соседних деревнях), то вот такую типично индийскую мелодраму прочитают все матери, и это значит, что это наша новость (Из интервью с главным редактором «Комсомольской правды» В.Н. Сунгоркиным). (...)

Массовая аудитория зачастую вводится в заблуждение жанровым статусом хроники и информационной заметки: предполагается, что официально-документальный характер жанра имеет неизбежным следствием точность, беспристрастность в изложении событий. Между тем новость не только отбирается – она интерпретируется, «упаковывается» и преподносится. Так, известным и широко используемым в СМИ является прием «встраивания» в подаваемую информацию упрощенных представлений, стереотипов, мифов. С этой целью часто используется сравнение объектов, рассчитанное на появление между ними устойчивых ассоциативных связей (часто оскорбительного

характера): Лукашенко, подобно Гитлеру в 1937 году, разогнав законный парламент, создал свой собственный «карманный» и свою систему безопасности, подобную гестапо, под названием ОМОН (Нов. газ., 1999). Генерал, как собака Павлова, был остолбеневши от взаимоисключающих вопросов (Нов. газ., 1999). Навязывание ассоциаций может осуществляться и методом соположения в одном ряду: Плевались. Костерили на всякий случай всех. Кроме, пожалуй, Зюганова и Анпилова (Нов. газ., 1999). Речь идет о политиках типа Примакова и Зюганова (Коме, пр., 2000). К указанным приемам примыкает и наклеивание ярлыков, рождающих стереотипное, инерционное восприятие тех или иных политических фигур: «Единство – прислужники Семьи», «Путин – сильная рука», «Примаков, который всегда болен...» (Нов. газ., 1999). Моль как главный враг генпрокурора (заголовок). Знаменитые 13 костюмов Скуратова ждут предложений от аукционных домов (мод) (Независ, газ., 1999). Не коммунистам же доверять эти посты – за социальную сферу должны отвечать профессионалы (Комс. пр., 2003).

Авторизация текстов газетных хроник и заметок заключается и в «подправлении», «корректировке», модальной трансформации фактов (расстановке акцентов, замалчивании «невыгодной» информации): *Новость дня: новостей нет! В стране информационный штиль. Чуть-чуть говорят о кандидатах в президенты, а все остальное – либо новости из провинции, либо зарубежная «клюква». Есть дежурные темы, обсуждаемые по десятому кругу: пенсионная реформа, курс рубля, «дело Юкоса»... за полтора месяца до президентских выборов никто резких движений делать не станет* (Комс, пр., 2004). «Правка» факта как реализация авторских интенций состоит и в отвлечении читателя от определенной информации, которая подается «между прочим», с ненавязчивой оценкой «незначимое», «неважное». Так, информация о протесте представителя коммунистов (напоминание о поводе для отказа в регистрации Ю. Скуратова на думских выборах 2003 г.) понижается в ранге, словно помещаясь в скобки (заметка в «Комсомольской правде» от 3.02.2004 под рубрикой «Официально»):

Путин стал третьим кандидатом в президенты. Вчера за это решение единогласно проголосовали члены избиркома.

Итоги проверки подписных листов, представленных главой государства, оказались близки к идеальным. Из 600 тыс. подписей, отобранных методом случайной выборки, было забраковано лишь 1,16 % (на прошлых выборах у Путина признали недействительными 1,4 % автографов избирателей). Причем, по словам сотрудников ЦИК, брак носил исключительно технический характер».

С решением избиркома не согласился только представитель КПРФ Вадим Соловьев, которому не понравилось, что Путин в документах на регистрацию указал лишь одну свою должность – Президент РФ. «Между тем он является также Верховным главнокомандующим и председателем Госсовета, что также надо было отразить в документах», заявил коммунист, после чего напомнил, что опальному Генпрокурору Скуратову на парламентских выборах ЦИК отказал в регистрации именно по причине

неполного указания своей должности. Впрочем, на придирки Соловьева никто не обратил внимания.

Таким образом, Владимир Путин стал третьим зарегистрированным кандидатом. Напомним, что ранее кандидатами в президенты были зарегистрированы Олег Малышкин (ЛДПР) и Николай Харитонов (КПРФ) – они освобождены от сбора подписей, так как их партии прошли в Думу.

Заявление Соловьева автор заметки называет «придирами», на которые, «впрочем», «никто не обратил внимания» (импликатура: потому что они, эти «придиры», «разумеется», внимания и не заслуживают). Таким образом, при передаче информации осуществляется влияние на формирование общественного мнения. Эффективность восприятия массовой аудиторией навязываемой точки зрения высока, так как авторская оценка совпадает со стереотипами адресата, давно внедренными СМИ (Соловьев – коммунист, значит «коммуняка», «глупый», «пережиток прошлого») (результаты ассоциативного эксперимента). В то же время в оппозиционной прессе параллель «регистрация Скуратова / Путина» получила подробное освещение с противоположной оценкой (публикация в «Правде» под рубрикой «Закон молчит»: *Чего не сделаешь по команде из Кремля!*)

Газетные хроники и заметки оказываются вовлеченными в прагматический дискурс: данный жанровый тип публикаций регулярно реализует содержательно-подтекстовую информативность, обнаруживает оценочную интенцию. В хроникальной информации может явно просматриваться позиция ее автора (хроники, как правило, не имеют авторства), напр., субъективизм в оценке информации, неполнота информации. См. в приведенной ниже хронике: сочувствие белорусской оппозиции, антикоммунистической настрой, выстраивание стереотипной ассоциации «где Лукашенко, там Зюганов»:

Московская милиция не позволила белорусской оппозиции провести пикет у здания Госдумы. В то же время сторонники интеграции получили возможность реализовать свое конституционное право. Площадь возле здания на Охотном ряду заполнили красные флаги и плакаты «Лукашенко и Зюганов – будущие вожди нашей страны» (Независ, газ., 1999).

Или «антикремлевская» позиция автора другой хроники (позиция априори обусловлена характером печатного органа):

Вчера состоялось очередное – последнее в нынешнем году – заседание Совета Федерации. Сенаторы единогласно приняли постановление: назначить выборы президента Российской Федерации на 14 марта 2004 года.

Как и ожидалось, послушная Кремлю верхняя палата парламента одобрила закон о бюджете на будущий год (Правда, 2003).

Современная пресса, как правило, стремится к деофициализации языка, к языковой раскрепощенности, что закономерно приводит к разрушению жанровых канонов и границ. Одни газеты, «оберегая читателя от скуки», вообще отказываются от жанровой формы хроник («Комс. пр.»), другие, предпринимая агрессивные меры для продвижения информационного продукта, специализируются на светской хронике. «Непожелтевшие» издания,

сохранив верность жанру «чистой информации», модифицируют его за счет экспрессии заголовков: **«Аэрофлот» обижает депутатов** При покупке билетов в кассах Аэрофлота у депутатов Госдумы требуют копии их удостоверений и интересуются партийной принадлежностью. Об этом заявил глава Комитет Госдумы по проблемам Севера Борис Мисник (Россия, 2000). **Белорусский акцент на татарском конгрессе** Вчера в Казани открылся III Всемирный конгресс татар. Накануне форума президент белорусского общественного объединения татар «Зикр уль-Китаб» Абу-Бекир Шабанович сообщил корреспонденту «Союза», что в числе приглашенных на конгресс делегатов принимают участие гости из Белоруссии (Союз, 2002).

или элементов разговорности:

Шойгу посетил Северный Кавказ Вчера глава МЧС Сергей Шойгу подвел итоги своей поездки по Северному Кавказу. Министр в очередной раз заявил, что ни о какой гуманитарной катастрофе речи быть не может. Шойгу сказал, что в северные районы Чечни беженцы смело могут возвращаться. По данным МЧС, так уже поступили более 13 тысяч человек, а позавчера впервые за историю последних военных действий бегущих в Ингушетию из Чечни было меньше, чем возвращающихся в освобожденные районы.

Нередко заголовки носят рекламно-сенсационный характер, авторы хроник решают задачу привлечения внимания потенциальных читателей, «играя» с информацией. Такая «игра» может способствовать ироническому, пародийному переосмыслению «новости»:

Водка льется лучше, чем металл

Перебои с «горючим» Свердловской области в ближайший год не грозят. Там ударно заработали предприятия, выпускающие алкогольную продукцию. За 7 месяцев 2003 года ими было выпущено 1 млн. 76 тыс. декалитров, что почти на треть превышает показатели аналогичного периода прошлого года. Передовиком отрасли стал Среднеуральский винзавод, увеличивший выпуск продукции в 1,8 раза. Отличились также Екатеринбургский виншампанзавод (24,8 %) и ОАО «Тагилводка» (34 %) (Россия, 2003).

Текст приведенной хроникальной заметки составлен в стиле пародии на хроник советской печати (характерная лексика – ударно, передовиком, синтаксис «парадных рапортов», обилие цифр), и эта кодовая интертекстуальность также отражает стремление автора преодолеть стилистические каноны жанра, «разбавить скучную информацию». Обращение к аллюзиям, жанрово-сюжетным параллелям, ставшее излюбленным приемом в журналистике последних лет, реализует различные авторские интенции (усилить выразительность текста, развлечь читателя, компенсировать недостаток информации неординарностью речевого кода, затемнить смысл информации, воздействовать на систему ценностей, стереотипов потребителя новости и др.) и нередко используется в сильных композиционных позициях хроник и заметок; ср.: **Тараканы всех стран, соединяйтесь!** (заголовок заметки), **Что должен знать каждый таракан об оружии массового поражения** (подзаголовок) (Комс. пр., 2002). **Вечный жир** (заголовок; *Завтра,*

2003). Функция информативности может иметь периферийную значимость, будучи потесненной не свойственными информационным жанрам задачами: развлечь, эпатировать, воздействовать, внушить. В подобных контекстах фактическая информация выступает лишь фоном, преобладает субъективная модальность, эксплицируемая оценочной лексикой, метафорами, сравнениями, антитезами, вводными словами, приемами цитатного письма и т. д. Ср.:

Илья Олейников пошел дорогой Ильича

Нет, не того, который Владимир Ильич, а того, который Петр Ильич Чайковский. Великий русский композитор написал цикл фортепианных миниатюр «Времена года», и Олейников приступил к созданию сезонной серии песен для группы «Чай вдвоем». Уже написаны актуальная «Осень» и несколько преждевременная «Метель». В марте ожидается «Весна», а там уж и до «Лета» недалеко (Моск. комс., 2003).

Оппозиционная пресса («Правда», «Завтра») представляет модально-отмеченные хроники, в которых реализованы интенции обличения политического противника за счет саркастических оценок (излюбленный прием – закавычивание): *Логичным завершением выборной кампании, где добился «успеха» глава МВД Грызлов, стал взрыв у «Националя» в центре Москвы. Трагедия, унесшая многочисленные жизни, произошла прямо под окнами Госдумы, которой и собирается руководить главный «борец с преступностью» (Завтра, 2003).*

Подхлестываемые законами информационного рынка, желая привлечь читательское внимание, журналисты стремятся к сенсационности в ущерб документальности, что приводит к грубому искажению информации:

Грузинам запретили летать из Москвы в Тбилиси

Политическое противостояние России и Грузии отразилось и на экономических отношениях. Российские авиационные власти запретили грузинской компании «Айрзена» выполнять регулярные рейсы Москва – Тбилиси в удобные для пассажиров утренние часы. Российские же самолеты летают по расписанию (Известия, 2002).

Сенсационная информация, представленная в заголовке, совершенно не соответствует содержанию сообщения (на самом деле, как видно из текста, речь идет о переносе времени вылетов рейсов). Обманный трюк заголовка разоблачается самим текстом, но поймет это читатель, лишь прочитав (!) информацию.

Еще более многослойной является «модальная аранжировка» текстов информационных заметок (заметка представляет более развернутую информацию, чем хроника). Узус современных заметок предполагает реализацию канала экспрессии, новость предстает «красиво» и «вкусно» упакованной, разложенной на яркие детали, «подсвеченные» воображением и оценкой журналиста. Одним словом, реализуется установка автора: не только (или не столько!) дать информацию, но и «поиграть» с ней (в ироническом, пародийном, театрализованном ключе); ср.: *Моника Левински («Люди, которые нас удивили» – заголовок в рубрике): Глупые дядьки пачкают своим теткам платья. А умные тетки не торопятся смывать пятна стиральным*

порошком... Вот и Моника Левински дождалась-таки возвращения с экспертизы своего платья – главного вещдока по делу Билла Клинтона: Кстати, знаменитое синее платье оценивается теперь аукционистами в 2 миллиона долларов (Комс. пр., 2001). Отражение эмоционально-волевой установки автора информационной публикации наблюдается в контекстах ерничества и стеба: *27 января около 17 часов на улице Комсомольской ударили по головушке заместителя директора известной в городе охранный фирмы... (Моск. комс).*

Как показывает проведенный анализ, тексты хроник и информационных заметок современных газет оказываются вовлеченными в прагматический, авторизованный дискурс: с одной стороны, журналисты стремятся преодолеть стилевые стереотипы, обновить ассортимент средств выразительности, с другой – осуществить речевое воздействие на сознание массового читателя.

№ 15. К практическим занятиям 16-18:

Братищенко А.С. Речевые стратегии и тактики в газетном репортаже (на материале газеты «АиФ») (дипломная работа, 2008 г.)

Можно выделить общую цель для текстов, написанных в исследуемом жанре: ориентировать в мире событий. Данная цель реализуется через систему более частных коммуникативных установок: объективно и оперативно отразить действительность; показать значимость события для общества; внушить читателю особую важность незначительного или рядового события; дать адресату новые знания, новые представления о событии. Данные цели реализуются в стратегиях: «внушение читателю особой важности незначительного события» и «показ значимости события для общества»

1. Стратегия «внушение читателю особой важности незначительного события»

Тактики:

1. «именование события»,
2. «акцентирование значимости деталей события»,
3. «апелляция к авторитету»,
4. «описание личных ощущений участников события»,
5. «внесение элементов неформальности»,
6. «утрирование информации»,
7. «указание на доступность события для рядового читателя»,
8. «драматизация события»,
9. «счастливый конец»,
10. «контраст»,
11. «уточнение отдельных параметров события»,
12. «сообщение интересных подробностей события»,
13. «усиление значимости события»,

14.«описание события в логической и хронологической последовательности».

Пример анализа:

№ МСЕ	Микроцель	Тактика	Текст
1.Время и место совершения события	<p>Проинформировать читателя о прошедшем событии</p> <p>Привлечь внимание читателя</p>	<p>«именно вание события»</p> <p>«контраст»</p>	<p>На прошедших в это воскресенье выборах смогли проголосовать абсолютно все категории граждан.</p> <p>Даже южноуральские бомжи получили право отдать свой голос.</p>
2. Описание места совершения события	Проинформировать читателя	«уточнение отдельных параметров события»	<p>Накануне 2 декабря стало известно, что они смогут проголосовать на двух избирательных участках: в административном здании Торгового центра или на железнодорожном вокзале. Правда, ни одного настоящего бродяги в этих избирательных пунктах замечено не было.</p> <p>На вокзале голосовали челябинцы, не имеющие регистрации, и пассажиры транзитных поездов с открепительными удостоверениями. И то не все. Те, кто не смог проголосовать по месту жительства, придя на участок, получали отказ – этот участок был предназначен для лиц без регистрации и пассажиров поездов дальнего следования, имеющих билет. А граждане РФ, имеющие регистрацию, могли обратиться на участок в Торговом центре.</p> <p>И потому огромная очередь на избирательном участке №2222 также состояла из вполне приличных южноуральцев, а не бомжей, как опасались многие сотрудники Торгового центра.</p>
3. Участники события о предмете речи	Повысить статус события	«описание личных ощущений участника события»	– Я из Копейска, работаю на Каширинском рынке, – говорит продавец Ирина. – Нас только что привезли на «газельке». Обязали всех проголосовать. Вот стоим и ждем своей очереди.

№ МСЕ	Микроцель	Тактика	Текст
	Привлечь внимание читателя	«сообщение интересных подробностей события» «описание личных ощущений участника события»	– Вообще, особые указания мы получили, – внимательно наблюдая за очередью, делится охранник участка. – Но с утра еще ни одного бомжа на участке не было. А вы попробуйте к храму сходить. Может, на паперти найдете кого! У Свято-Симеоновского кафедрального собора – постоянный «караул». Правда, никто их нищих на выборы не торопится. – А зачем? И без нас все ясно. В общем, если смогу, пойду, если нет – не пойду, – говорит немолодой потрепанный Володя. – Вот если денег дадите, рублей 50, пойду. Правда, даже за деньги Володя и его товарищи готовы отдать голос далеко не за каждого. К примеру, он согласен проголосовать только за Жириновского. – Жирик не обманет. За коммунистов – нет, не буду, за Путина – тоже нет... Меня не купишь! Ну что, пойдём голосовать? Дашь денег?..
4. Ход события	Проинформировать читателя	«драматизация события»	Выборы состоялись. Явка избирателей достигла 67%. Правда, сложно сказать, сколько из них – голоса вот таких «принципиальных» бродяг и использовали ли они вообще право голоса.

В рамках данного текста выявляются четыре блока минимальных смысловых единиц. В первом блоке под названием «Время и место совершения события» автор преследует две микроцели: *проинформировать читателя о прошедшем событии* и *привлечь внимание читателя*.

Для реализации микроцели *проинформировать читателя о прошедшем событии* автор создает высказывание (*На прошедших в это воскресенье выборах смогли проголосовать абсолютно все категории граждан*), с помощью которого вводит читателя в курс события и отвечает на вопросы: что за событие произошло? когда? где? За данной языковой формой на глубинном смысловом уровне скрывается тактика «именование события».

Журналист для создания текста выделяет в действительности некоторый фрагмент, а в нем – определенный аспект (событие), который не всегда бывает интересным для читателя, поскольку обыденная действительность не всегда предоставляет журналисту «жареное». Тем не менее, профессия журналиста требует регулярного создания текстов, поэтому журналист должен уметь заинтересовывать читателя изложением даже самых тривиальных событий. В

этом аспекте достижение микроцели *привлечь внимание читателя* возможно при помощи тактики «контраст». В данном тексте она реализуется в высказывании: *Даже южноуральские бомжи получили право отдать свой голос*. При помощи противопоставления автор будто ставит на разные чаши весов обычных граждан и бомжей. У читателя, по мнению журналиста, должен возникнуть вопрос: а как же голосуют бомжи? Таким образом, тема выборов становится свежей, новой и интересной.

Вторую минимальную смысловую единицу мы назвали «Описание места совершения события». Микроцель журналиста в рамках данного блока – проинформировать читателя. Автор описывает отдельные наиболее значимые детали события, которые могут быть интересны читателю. Они видны в тексте: *Накануне 2 декабря стало известно, что они смогут проголосовать на двух избирательных участках: в административном здании Торгового центра или на железнодорожном вокзале. Правда, ни одного настоящего бродяги в этих избирательных пунктах замечено не было. На вокзале голосовали челябинцы, не имеющие регистрации, и пассажиры транзитных поездов с открепительными удостоверениями. И то не все. (...) А граждане РФ, имеющие регистрацию, могли обратиться на участок в Торговом центре. И потому огромная очередь на избирательном участке №2222 также состояла из вполне приличных южноуральцев, а не бомжей, как опасались многие сотрудники Торгового центра.*

Данный перечень подробностей события является вербальной реализацией тактики «уточнение отдельных параметров события».

В третьем блоке под названием «Участники события о предмете речи» журналист преследует две микроцели: *повысить статус события* и *привлечь внимание читателя*.

Микроцель *повысить статус события* видна в репликах интервьюируемых участников события. Они создают «эффект присутствия», с помощью которого читатель как бы сам имеет возможность быть на месте события, «видеть», что происходит, ощущать атмосферу происходящего. Данная микроцель последовательно реализуется при помощи двух тактик: «описание личных ощущений участника события» и «сообщение интересных подробностей события». Эти тактики вербализуются в двух, на первый взгляд, одинаковых репликах участников события. Однако первое высказывание (– *Я из Копейска, работаю на Каширинском рынке, – говорит продавец Ирина. – Нас только что привезли на «газельке». Обязали всех проголосовать. Вот стоим и ждем своей очереди*) отражает личные ощущения участника. Фразы *Нас привезли на «газельке», обязали всех проголосовать, вот стоим и ждем своей очереди* имплицитно содержат указания на чувства *продавца Ирины*, что свидетельствует о том, что на глубинном смысловом уровне происходит реализация тактики «описание личных ощущений участника события». Эта речевая партия участника события дает наглядное представление о происходящем, но она не отражает главной темы текста – описать, как голосуют маргинальные слои общества. Вероятно поэтому, автор вводит в текст сюжета слова другого интервьюируемого: – *Вообще, особые указания мы*

получили, – внимательно наблюдая за очередью, делится охранник участка. – Но с утра еще ни одного бомжа на участке не было. А вы попробуйте к храму сходить. Может, на паперти найдете кого! В данном высказывании приводятся детали события и их неоднозначная трактовка. Вербализованная в данном отрывке тактика носит название тактика «сообщения интересных подробностей события».

Вторая микроцель *привлечь внимание читателя* реализуется при помощи тактики «описание личных ощущений участника события», которая уже использовалась в предыдущем отрывке текста. Однако вербализация этой тактики в данном случае несколько иная: *У Свято-Симеоновского кафедрального собора – постоянный «караул». Правда, никто их нищих на выборы не торопит. – А зачем? И без нас все ясно. В общем, если смогу, пойду, если нет – не пойду, – говорит немолодой потрепанный Володя. – Вот если денег дадите, рублей 50, пойду. Правда, даже за деньги Володя и его товарищи готовы отдать голос далеко не за каждого. К примеру, он согласен проголосовать только за Жириновского.*

– Жирик не обманет. За коммунистов – нет, не буду, за Путина – тоже нет... Меня не купишь! Ну что, пойдём голосовать? Дашь денег?..

Безусловно, внимание читателя привлекают реплики нищих. Особенно запоминается то, как *немолодой потрепанный Володя* продает свой голос: *Вот если денег дадите, рублей 50, пойду.*

Последнюю минимальную смысловую единицу мы назвали «Ход события». Журналист *информирует читателя* об итогах прошедшего события. Но при этом он умышленно драматизирует результаты голосования: *Выборы состоялись. Явка избирателей достигла 67%. Правда, сложно сказать, сколько из них – голоса вот таких «принципиальных» бродяг и использовали ли они вообще право голоса.* Глубинный смысловой уровень данного высказывания представлен тактикой «драматизация события».

Итак, в ходе анализа данного текста нами был выявлен следующий перечень микроцелей:

- проинформировать читателя о прошедшем событии;
- привлечь внимание читателя;
- повысить статус события.

Выявление микроцелей помогло сформулировать основную цель текста. Нам видится, что «конечный результат», на который всегда рассчитана речевая стратегия, можно представить в виде реализации цели *внушить читателю особую важность незначительного события.* Соответственно, речевая стратегия текста – это стратегия «внушения читателю особой важности незначительного события».

Данная стратегия включает ряд тактик:

- «именование события»,
- «контраст»,
- «уточнение отдельных параметров события»,
- «описание личных ощущений участника события»,

- «сообщение интересных подробностей события»,
- «драматизация события».

С помощью этих тактик журналист представляет описываемое событие (каким образом голосовали бомжи) как важное и значимое для читателя. Однако на самом деле данное событие таковым не является.

2. Стратегия «показа значимости события для общества»

Тактики:

1. «именование события»,
2. «апелляция к авторитету»,
3. «усиление значимости события»,
4. «уточнение отдельных параметров события»,
5. «контраст»,
6. «описание личных ощущений участников события»,
7. «сообщение интересных подробностей события»,
8. «описание события в логической и хронологической последовательности»,
9. «акцентирование важных деталей события»,
10. «формирование положительного отношения адресата к предмету речи».

Пример анализа.

№ МСЕ	Микроцель	Тактика	Текст
1. Время и место совершения события	Проинформировать читателя о прошедшем событии	«именование события»	Министр здравоохранения и социального развития РФ Татьяна Голикова побывала в Челябинской области. Она посетила строящийся в столице Южного Урала кардиоцентр и пообещала, что вскоре будет принят новый закон о защите пострадавших в результате аварии на ПО «Маяк».
2. Главный участник события	Придать значимость событию	«уточнение отдельных параметров события» «описание личных ощущений участника события»	Практически сразу по прибытии Татьяна Голикова отправилась на строительную площадку кардиоцентра. Работы здесь идут с опережением графика. Министру понравилось, что центр находится в красивом месте, рядом с лесом, который можно облагородить и сделать местом прогулок для пациентов и врачей.

№ МСЕ	Микроцель	Тактика	Текст
3. Участник события о предмете речи	Повысить статус события	«усиление значимости события»	– Надеюсь, что кардиоцентр в Челябинской области удастся ввести в строй уже до конца этого года, – заявила Татьяна Голикова. – Мы высоко оцениваем усилия областных властей по организации строительства. В свою очередь, федеральная сторона берет на себя обязательства по своевременной поставке модульных блоков из Германии. Всего на строительство надземной части центра и поставку оборудования предусмотрено выделить более 2,4 миллиарда рублей.
4. Прогноз развития события	Проинформировать читателя о прошедшем событии	«уточнение отдельных параметров события»	Что касается закона о социальной защите пострадавших на ПО «Маяк», то он, вероятно, будет принят уже в ноябре текущего года. Пожалуй, в первую очередь южноуральцев интересует, кто из жителей получит право на такую защиту. Увы, министр призналась, что работа по зонированию территорий, пострадавших от радиации будет завершена лишь к 2011 году, так что даже новый закон не решит все вопросы.

Данный текст состоит из четырех минимальных смысловых единиц. В первой МСЕ – «Время и место совершения события» – автор *информирует читателя о прошедшем событии* и отвечает на ряд стандартных вопросов: что за событие произошло? кто участник? где? и когда? В высказывании **Министр здравоохранения и социального развития РФ Татьяна Голикова побывала в Челябинской области. Она посетила строящийся в столице Южного Урала кардиоцентр и пообещала, что вскоре будет принят новый закон о защите пострадавших в результате аварии на ПО «Маяк»** реализуется тактика «именование события».

Следующая минимальная смысловая единица «Главный участник события» содержит микроцель *придать значимость событию*, которая реализуется при помощи двух тактик: «уточнение отдельных параметров события» и «описание личных ощущений участника события».

Информация о посещении министром здравоохранения и социального развития РФ Татьяной Голиковой строящегося кардиоцентра обладает социальной значимостью. Поэтому использование тактики «уточнение отдельных параметров события» продиктовано необходимостью дать читателю наглядное представление о событии. Тем не менее, автор для реализации микроцели *придать значимость событию* в рамках данной тактики использует неординарное речевое оформление: ***Практически сразу по прибытии Татьяна Голикова отправилась на строительную площадку кардиоцентра. Работы здесь идут с опережением графика.*** Данные выражения, по мнению журналиста, должны репрезентировать значимость события для общества.

Тактика «описание личных ощущений участника события» вербализуется в высказывании *Министру понравилось, что центр находится в красивом месте, рядом с лесом, который можно облагородить и сделать местом прогулок для пациентов и врачей.* При помощи косвенной речи автор передает позитивные чувства участника события, что, несомненно, повышает значимость самого события.

Микроцель *повысить статус события* формирует следующую минимальную смысловую единицу: «Участник события о предмете речи». Она представляет собой интервью с министром: – ***Надеюсь, что кардиоцентр в Челябинской области удастся ввести в строй уже до конца этого года, – заявила Татьяна Голикова. – Мы высоко оцениваем усилия областных властей по организации строительства. В свою очередь, федеральная сторона берет на себя обязательства по своевременной поставке модульных блоков из Германии. Всего на строительство надземной части центра и поставку оборудования предусмотрено выделить более 2,4 миллиарда рублей.***

Журналист приводит, вероятно, ту часть интервью, в которой министр положительно оценивает строящийся объект и говорит о планах. Это повышает значимость события и свидетельствует о том, что за данной речевой формой стоит тактика «усиления значимости события».

Заключительный смысловой блок получил название «Прогноз развития события». Микроцель *проинформировать читателя о прошедшем событии* реализуется в высказывании: ***Что касается закона о социальной защите пострадавших на ПО «Маяк», то он, вероятно, будет принят уже в ноябре текущего года. Пожалуй, в первую очередь южноуральцев интересует, кто из жителей получит право на такую защиту. Увы, министр призналась, что работа по зонированию территорий, пострадавших от радиации будет завершена лишь к 2011 году, так что даже новый закон не решит все вопросы.*** Данный отрывок является вербализацией тактики «уточнения отдельных параметров события». Хочется отметить, что в этом МСЕ автор уходит от темы описания строящегося кардиоцентра и затрагивает тему принятия нового закона. Но, несмотря на это, описываемое событие не теряет актуальности, так как читатели, особенно те, кого коснется новый закон, наверняка, захотят узнать обо всех тонкостях законопроекта. А в этом тексте читатель получает информацию «из первых рук».

В тексте автор реализует микроцели:

- проинформировать читателя о прошедшем событии;
- придать значимость событию;
- повысить статус события.

Выявление микроцелей помогло сформулировать основную цель текста. Мы считаем, что адресант, создавая для адресата данный текст, хотел *показать значимость события для общества*. Соответственно, речевая стратегия данного текста – это стратегия «показа значимости события для общества».

Данная стратегия включает ряд тактик:

- «именование события»,
- «уточнение отдельных параметров события»,
- «описание личных ощущений участника события»,
- «усиление значимости события».

№ 16. К практическим занятиям № 16-18:

Ливанова, М.В. Коммуникативные стратегии текста-сенсации / М.В. Ливанова. // Современные методы анализа художественного произведения. Материалы научного семинара 2-4 мая 2003 г. – Гродно, 2003.- С. 160 – 167.

В современном газетном дискурсе главное место отведено текстам-новостям, являющимся одной из жанровых разновидностей информационной речи. Она представляет собой «сообщение о явлениях действительности, их существовании или свойствах, отвлеченное от непосредственного наблюдения, чувственного опыта и поданное как осмысление говорящим этой действительности».

Сущность новости составляет ранее неизвестный аудитории факт, имевший место во времени и пространстве, инвариантный по природе (в отличие от вариативных интерпретаций). Невозможность зафиксировать абсолютно все факты и события, происшедшие «сегодня и сейчас», требует от СМИ осуществления их отбора и дифференциации. В основе стратегии активного отбора лежит изначально присущая массовой коммуникации диалогичность, так как «информация – это прежде всего диалог. Она предполагает наличие ответной реакции». В наибольшей степени на читательский интерес ориентирована такая разновидность текста-новости, как сенсация. Она обладает специфическим эффектом «нового ошеломляющего», это «новость врасплох», неожиданная и необычная.

Отношение к сенсации среди исследователей дискурса массовой коммуникации сегодня неоднозначно. В сфере политологии она рассматривается как одна из манипулятивных технологий, обеспечивающая фрагментацию проблем и дробление информации так, чтобы аудитория не получала завершающего знания. В сенсационных сообщениях событиям придается столь высокая важность и уникальность, что на них концентрируется и нужное время удерживается почти все внимание публики: «Непрерывная

бомбардировка сознания действующими на чувства сенсациями, особенно «плохими новостями», выполняет важную функцию поддержания необходимого уровня нервозности... Ощущение непрерывного кризиса резко повышает внушаемость людей и снижает способность к критическому восприятию». Иное мнение о сенсации сложилось у современных исследователей теории и методики журналистской деятельности: «Лишенная всплесков непредсказуемости (капризов жизни) панорама новостей будет выглядеть расчетливо-тенденциозной. Запрет сенсационности на деле искажает действительность, обедняет представление о картине дня из-за преимущественного внимания к одной из ее сторон. Новость-сенсация активнее ориентирует читателя, подогревая интерес к отдельному событию».

Несмотря на полярность приведенных оценок, очевидно признание той особой роли, которую играет сенсация в информационном дискурсе. Способы же достижения сенсационности при общей ориентации на запросы аудитории различаются в зависимости от целей и функций конкретного издания. Они, в свою очередь, определяются его типологической спецификой, то есть принадлежностью к качественной (элитарной, респектабельной), массовой или бульварной прессе (таблоидам). Сегодня очевидно, что, выстраивая информационно-новостной дискурс, к сенсации в равной степени обращаются издания всех перечисленных типологических групп, ведь любое новое, по сути, сенсационно.

Журналистская практика выработала классические элементы новости. Это: «своевременность происшествия», то есть важность его оперативной подачи; близость ситуации читателям конкретного издания; явная значимость события для всех; необычность происшествия, создающая эффект «эмоционального толчка»; конфликтность, особая яркость; связь с известным именем или влиятельным лицом; «человеческий интерес», то есть обстоятельства, к которым равнодушен каждый («жизнь», «смерть», «любовь» и т.п.). Данные критерии действуют при создании двух основных типов новостей – «жестких» (с сильным новостным элементом в происшествии, повышенной оперативностью и подчеркиванием основных параметров события) и «мягких» (с перенесением акцента с итогов на детали и обстоятельства при недостаточной важности факта). Стратегии создания и презентации «жесткого» и «мягкого» варианта текста – новости существенным образом различаются. В первом случае цель – по возможности точное и объективное оперативное отражение действительности, во втором – внушение читателю особой важности незначительного или рядового факта с определенным этическим риском навязать его тенденциозное восприятие.

Поскольку сенсация является специфическим вариантом новости, представляется возможным рассмотреть ее «жесткую» и «мягкую» разновидности. Их общая черта – опора на документальный факт.

В качестве основных этапов коммуникативной стратегии текста – новости любого типа можно выделить следующие:

1) выбор факта в соответствии с классическими элементами новости (или иными критериями – вкусовыми, политическими и т.п.);

2) локализация факта (отделение от связи с другими фактами и последующее его «заострение»);

3) атрибуция новости (использование вспомогательных элементов: ссылок на источник, цифровых данных, цитат – для подтверждения точности и достоверности сообщения);

4) включение авторских оценочных суждений (в том числе стилистически маркированных) в структуру текста.

В зависимости от содержательного наполнения указанных составляющих реализуются две ранее обозначенные полярные цели – отражение или внушение. Первый тип коммуникативной стратегии, присущий качественной прессе, и станет предметом дальнейшего рассмотрения.

Основная функция прессы этого типа – «информировать и анализировать события для небольшого числа читателей, представляющих интеллектуальную элиту (у нас – интеллигенцию), высокопрофессиональных менеджеров и предпринимателей, политиков, принимающих решения». Периодика данного сегмента информационного рынка еще весьма немногочисленна. Среди наиболее заметных газет – «Ведомости», «Известия», «Московские новости», «Век», «Независимая газета», «Коммерсантъ».

При *выборе фактов* предпочтение отдается тем, которые тематически близки читателям: сфера финансов, бизнеса, предпринимательства («Приостановлена лицензия крупнейшему интернет-брокеру: компанию подозревают в манипулировании ценами»). Однако эти приоритетные по значимости темы уравниваются другими в силу критерия общезначимости: внешняя («В Копенгагене Путина не ждут: планировавшийся саммит Россия-НС и визит Президента РФ в королевство Дания сорваны») и внутренняя («Обнаружены доказательства контактов российских политиков с чеченскими боевиками») политика; культура («Найдены остатки кельи преподобного Серафима Саровского»). Отмечены обращения к событиям сферы «человеческого интереса»: светской хронике («Графу Толстому грозит шесть месяцев тюрьмы»), криминалу («Клинику подорвали сумкой», «Гендиректору не дали дожить до совета директоров»). Присутствует и интерес к событиям, связанным с известными лицами («Главный инспектор Счетной палаты России пострадал от воров-домушников»). Состав предпочитаемых тематических сфер «жесткой» сенсации, несмотря на отдельные совпадения, разительно отличается от преобладающей тематики сенсаций бульварных газет, где ведущее место занимают шоу-бизнес, светская жизнь, магия и оккультизм, криминал, природные и техногенные катастрофы, экзотика, частная жизнь известных людей, а обращение к сферам политики, бизнеса, культуры направлено лишь на их закулисную сторону. В отличие от бульварной прессы, «жесткая» сенсация всегда ищет и выбирает факт с эффектом самоочевидности, в силу объективных причин становящийся содержанием необычной новости.

Локализация факта неизбежно связана с его рассмотрением вне связи с другими фактами, а значит, со своего рода «укрупнением», «подсвечиванием». Сенсация в качественной прессе осознанно выделяется из потока сообщений и маркируется специальными рубриками («Чудо», «Конфликт», «Скандал»). Тем

самым достигается уровень приемлемой правдивости: неожиданное, необычное и в силу оперативной подачи иногда еще необъяснимое событие дополняет общую панораму происходящего, предлагаемую аудитории. Дискурс качественной периодики представлен не только новостями (в том числе сенсационными), а в первую очередь аналитическими текстами с их взвешенностью и аргументированностью суждений, компетентными экспертными оценками, стремлением отразить в общественном диалоге весь спектр разнообразных мнений и позиций. Поэтому «жесткий» событийный и самоочевидный (в силу природы факта) текст-сенсация воспринимается как важная часть многообразной и многополярной картины мира. В бульварной прессе практически весь информационный дискурс превращается в сенсационный («газета сенсаций»), тем самым искажая реальную картину.

Предъявляя новость как сенсацию, качественная пресса снабжает ее всеми возможными *видами атрибуции* (установленности, адресности). Среди них выделяются ссылки на надежные источники информации. Эти ссылки особенно важны, когда речь идет о сенсационном факте, в который верится с трудом и необходимо убрать налет сомнительности. Реальность фактов и их значимость для большинства подтверждается ссылками на ведущие мировые и региональные информационные агентства, сообщения местной прессы и электронных версий газет, а также на известных и авторитетных лиц («Как заявил пресс-секретарь Федеральной комиссии по ценным бумагам, приостановлена лицензия крупнейшему интернет-брокеру России: компания подозревается в манипулировании ценами»). Реже используются косвенные ссылки на источник сведений («Как сообщили в Таможенном комитете...») или случайные свидетельства. Практически не используются в качественной прессе ссылки на затемненный источник («по слухам», «в кругах, близких правительству», «по просочившейся информации»). Более того: если газета не располагает подробностями происшествия, о котором экстренно сообщает читателям, то предупреждает об этом («На борту лайнера, по предварительным данным, находилось более 250 человек. Их судьба на момент сдачи номера в печать оставалась неизвестной. «Коммерсантъ» будет следить за развитием событий»).

Точность усиливается и за счет резюмирующей цифры («Пенсионная реформа зависла. Частные управляющие компании получают реальный доступ к пенсионным накоплениям граждан не раньше 2005 года»; «Вынесен первый приговор по делу о терактах 11 сентября. Марокканский студент получил 15 лет за ненависть к США»). Особая роль в подаче сенсации отводится, в силу объективных причин, цитате – если речь идет о неожиданных или спорных высказываниях известных персон («Лобачева и Авербух: «Хотим ребенка»: триумфаторы европейского первенства по фигурному катанию уйдут из любительского спорта»). Авторство всегда точно обозначено, и цитируемое высказывание является не случайным, а концептуальным. Вынужденная краткость в новостном цитировании не приводит к нарушению или «корректировке» смысла, что вызывает доверие аудитории.

К максимально возможной объективности качественная пресса стремится и в процессе включения в текст *авторской оценки*. Нормы информационного газетного дискурса и, в частности, текста-новости, не противоречат использованию определенного репертуара выразительных средств. Отношение к факту неизбежно обозначается автором еще на этапе его локализации, хотя основная модальная рамка для высказываний информирующей речи, а, значит, и для текста-сенсации – «известно, что...». Оценочные элементы выражены как словесными, так и невербальными средствами (например, изменением порядка слов с последующим смещением логических акцентов на самый важный, по мнению автора, смысловой компонент). Но при этом «количество таких элементов не является подавляющим, а прагматическая роль их сопутствующая по сравнению с ведущими объективированными конструкциями... В систему экспрессивной информирующей речи входят средства выразительности, узуально выполняющие функцию субъективной оценки, которая сопровождает ведущую функцию – информирования». Констатация факта достигается использованием структурно-номинативных предложений с указанием темы и предиката («Пассажиры сгорели по халатности»; «Взорвали рынок»).

К числу специфических экспрессивных новостных текстов относится сочетание существительных с обобщенным значением и оценочных определений: «главное событие», «угрожающая ситуация», «сложное положение» и т.п. В эту же группу входят предикативные существительные с оценочным значением: «трагедия», «паника», «катастрофа» и т.п. Предложения с подобными сочетаниями и словами по форме напоминают нейтральные высказывания, но семантика оценочных слов переводит их в разряд стилистически маркированных. Поэтому такие предложения, как правило, не встречаются в текстах-«жестких» сенсациях в одиночной позиции: их сопровождают констатирующие факт высказывания («Трагедия в Иране. Разбился украинский пассажирский самолет, летевший из Турции в иранский город Исфахан»).

Но при всем стремлении к объективной подаче информации в текстах-сенсациях качественной прессы может осуществляться и акт прямой субъективной оценки происшедшего. Она вводится с помощью стилистически окрашенных лексем («Умер классик панк-рока»; «Одаренные дети будут учиться бесплатно»). Отмечено употребление в этом качестве также разговорной и даже внелитературной лексики («Свидетеля порезали перед процессом»; «Главный инспектор Счетной палаты России пострадал от воров-домашников»). Реже в функции оценочных средств выступают метафоры («Краснодарская битва: партизаны-наркоторговцы вступили в бой с регулярной армией»). Для аналитического или художественно-публицистического дискурса прямая субъективная оценка – текстовая норма. Для информационного, новостного – средства экспрессии нарушают общий объективно-логический строй изложения. Здесь особенно важна «допустимая степень риска при выходе на сенсацию, способы заострения новости как сенсации, так сказать, мера беззгливости, характеризующая издание».

Этические регулятивы, сдерживающие процесс искусственного создания сенсаций, свойственный бульварной прессе, трансформирующей в сенсационную практически любую новость, реализуются для качественной периодики в таком важном типологическом параметре, как репутация. Под репутацией обычно понимается авторитетность, ответственность, взвешенность взгляда, респектабельность издания. Высокую устойчивую репутацию качественной прессы можно считать результатом ее влияния на аудиторию, реакцией на эффективный учет ее интересов и потребностей.

Выбор факта, исходя из его важности и самоочевидности, локализация без преувеличения значимости, атрибуция с использованием надежных сигналов достоверности, приемлемый уровень оценочности отличают коммуникативную стратегию текста-сенсации в качественной прессе (отражение) от стратегии внушения, присущей таблоидам. В качественных изданиях «отчетливо проявляется тенденция к формированию и закреплению познавательных ориентации посредством информирования, просвещения и анализа, что подтверждает свойство качественной прессы быть информационным навигатором». Неожиданная и ошеломляющая новость становится неотъемлемой частью информационной картины, адекватной реальному событийному ряду.

РАЗДЕЛ IV. КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Тесты

1. Какая из современных научных школ, исследующих дискурс, наиболее популярна на сегодняшний день?

- а) когнитивная
- б) прагматическая
- в) семиотическая
- г) французская

2. В каком аспекте дискурс определяется как особое использование языка для выражения особой ментальности, которое влечет за собой активизацию грамматики и лексики, что в свою очередь создаёт особый "ментальный мир"?

- а) в когнитивном
- б) в семиотическом
- в) в прагматическом
- г) данное определение подходит для всех аспектов изучения дискурса

3. Социально обусловленная организация системы речи и действия – это ...

- а) текст
- б) дискурс
- в) концепт
- г) когезия

4. Какая из пар «потребность – вид дискурса» не соответствует существующей классификации?

- а) потребность в материальных благах – деловой, воровской дискурс
- б) потребность в продолжении рода – бытовой, альковно-интимный дискурс
- в) эстетические потребности – презентационный дискурс
- г) потребность в вере – религиозный дискурс

5. В качестве единицы дискурса выделяется...

- а) денотат
- б) концепт
- в) речевой поступок
- г) действительность

6. Психологический статус дискурса обеспечивается...

- а) интересубъектностью
- б) динамичностью и линейностью
- в) деятельностью
- г) восприятием всеми органами чувств

7. Что не является признаком дискурса?

- а) статичность и иерархичность
- б) объемное восприятие процесса взаимодействия всеми органами чувств
- в) процесс означивания

г) речемыслительная или коммуникативная деятельность

8. Дискурс – протекающая в реальных координатах пространства и времени, ситуативно и социально обусловленная коммуникативная деятельность, одним из продуктов которой в результативной сфере является ...

- а) денотат
- б) концепт
- в) текст
- г) сценарий

9. Фрейм – это...

а) мыслительная типовая структура, предназначенная для упорядочения, организации некоторых данных, информации

б) это упорядоченная последовательность действий, контролирующая как выбор специфического (определенного) набора слотов, так и последовательность их активизации

в) целенаправленность и прагматическая установка

г) это сообщение, в устной или письменной форме, характеризующееся смысловой и структурной завершенностью, определенным отношением автора к сообщаемому, целенаправленностью и прагматической установкой сообщения

10. Фрейм может быть вербализован...

- а) только словом
- б) только словосочетанием
- в) только предложением
- г) любым средством: от слова до текста

11. Полностью структуру фрейма можно увидеть через анализ...

- а) фрагмента текста
- б) высказывания
- в) одного текста
- г) многих текстов

12. Дискурс построен по правилам, которые мы познаем...

- а) интуитивно
- б) благодаря объяснениям преподавателей
- в) благодаря объяснениям родителей
- г) благодаря объяснениям друзей

13. Мыслительная единица, содержание которой зависит от изменений в культуре и массовом сознании, – это...

- а) мотивация
- б) замысел
- в) концепт
- г) континуум

14. Некое речевое действие, направленное на решение одной задачи в рамках одной стратегической цели – ...

- а) речевая тактика
- б) речевой поступок
- в) мотивация

г) дискурс

15. Сколько частей выделяет большинство ученых в структуре концепта?

а) 3

б) 4

в) 5

г) 1

16. Мотивация – это...

а) операция, приводящая к установлению соответствия между обозначаемым и обозначающим знака

б) импульс, который запускает механизм речемыслительной деятельности

в) знания носителя языка о принципах ведения коммуникации

г) отражение средствами языка некоторой ситуации, реальной или вымышленной

17. Мыслительный план общения, направленный на достижение общей коммуникативной цели в речевом событии – это...

а) речевая стратегия

б) речевая тактика

в) ментальность

г) слот

18. Укажите ученых, работающих в рамках текстоцентрического подхода к изучению текста.

а) Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова

б) Л.Г. Бабенко, Н.И. Жинкин

в) А.И. Новиков, К.А. Долинин

г) И.Р. Гальперин, Е.В. Падучева

19. Текстоцентрический подход к изучению текста ...

а) основан на представлении о тексте как уникальном речевом произведении, имеющем набор собственных текстовых категорий и свойств

б) основан на изучении функционирования языковых единиц в условиях художественного текста

в) основан на изучении концепта текста

г) это осознание цельности текста, которая видна в наборе ключевых слов

20. При каком подходе к изучению текста актуален аспект соотносительности «автор – текст – читатель»?

а) текстоцентрическом

б) когнитивном

в) антропоцентрическом

г) лингвоцентрическом

21. При каком подходе к изучению текста актуален аспект соотносительности «язык – текст»?

а) текстоцентрическом

б) когнитивном

в) антропоцентрическом

г) лингвоцентрическом

22. В структуру модели порождения любого текста не входит...

а) мотивация и замысел

б) восприятие

в) осуществление замысла

г) редактирование замысла

23. В перечень важнейших составляющих деятельности по созданию текста не включается...

а) читатель

б) автор

в) жизненный опыт

г) отображаемая действительность

24. Укажите текстовую категорию.

а) замысловатость

б) интонационность

в) членимость

г) несвязность

25. Всякое речевое произведение обязательно содержит в себе...

а) содержательно-фактуальную информацию

б) содержательно-подтекстовую информацию

в) содержательно-концептуальную информацию

г) все виды информации

26. Содержательно-фактуальная информация – это...

а) ключевые слова в тексте

б) часть содержания высказывания, которое отвечает за истинность или ложность высказывания

в) ретроспекция

г) то, что содержит сообщение о фактах, событиях, процессах, происходящих, происходивших или которые будут происходить в окружающем нас мире, действительном или воображаемом.

27. Содержательно-концептуальная информация – это...

а) графическое отображение действительности

б) сопоставление фактов, их характеристики, предложения, возможности решения поставленных вопросов

в) представляет собой скрытую информацию, извлекаемую из СФИ благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения.

г) сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами СФИ

28. Подтекст – это своего рода «диалог» между такими видами информации, как...

а) содержательно-фактуальной информацией и содержательно-концептуальной информацией

б) содержательно-фактуальной информацией и содержательно-подтекстовой информацией

в) содержательно-подтекстовой информацией и содержательно-концептуальной информацией

г) содержательно-фактуальной информацией, содержательно-подтекстовой информацией и содержательно-концептуальной информацией

29. Слово или словосочетание, которое несет основную смысловую нагрузку текста, называется...

а) главное слово

б) зависимое слово

в) ключевое слово

г) интонационное слово

30. Опыт информатики и психолингвистики показывает, что наиболее удобный набор ключевых слов содержит...

а) 8 – 10 слов

б) 5 – 15

в) 10 – 12

г) 2 – 3

31. Опыт информатики и психолингвистики показывает, что оптимальный набор ключевых слов содержит...

а) 20 – 30 слов

б) 10 – 12

в) 8 – 15

г) 9 – 14

32. Коннотация – это...

а) совокупность человеческих знаний

б) отношение говорящего к действительности

в) массовое сознание

г) комплекс языковых средств

33. Пропозиция – это...

а) подтекст

б) часть содержания высказывания, непосредственно связанная с описываемым положением дел и отвечающая за истинность и ложность высказывания

в) денотат

г) глобальная ситуация

34. Когезия – это...

а) особые виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность, взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий

б) декодирование информации

в) изотопия

г) результат речетворческого процесса

35. В каких текстах чаще всего находит себе место ассоциативная когезия?

- а) в научных
- б) в художественных
- в) в публицистических
- г) текстах делового характера

36. Какая форма когезии главным образом является достоянием поэзии?

- а) ритмикообразующая
- б) образная
- в) стилистическая
- г) образная

37. Какая форма когезии труднее всего поддается выявлению?

- а) стилистическая
- б) логическая
- в) образная
- г) ритмикообразующая

38. Какая форма когезии реализуется приемом параллелизма, т.е. идентичностью структур предложений, ССЦ (СФЕ) и абзацев?

- а) ассоциативная
- б) композиционно-структурная
- в) стилистическая
- г) образная

39. Категория, выражающая различные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого – это...

- а) модальность
- б) ретроспекция
- в) проспекция
- г) когезия

40. Какие существуют разряды частиц по функциям?

- а) смысловые, эмоционально-экспрессивные, модальные, словообразующие, формообразующие
- б) оценочные, текстообразующие, устаревшие, первообразные
- в) эмоционально-экспрессивные, оценочные, пассивные
- г) эмоциональные, экспрессивные, диалектные, устаревшие

41. Какие из приведенных междометий относятся к семантически-диффузным?

- а) Тьфу!
- б) Увы!
- в) Ой!
- г) Ура!

42. Нерасчлененный поток движения во времени и пространстве – это...

- а) подтекст
- б) сентенция
- в) когезия

г) континуум

43. Проспекция – это...

а) отношение говорящего к действительности

б) микроотступление

в) грамматическая категория текста, объединяющая различные языковые формы отнесения содержательно-фактуальной информации к тому, о чем речь будет идти в последующих частях текста

г) категория, обеспечивающая конкретность, реалистичность описания

44. Предложения внутри высказывания, которые, прерывая последовательность изложения фактов, событий, описаний, представляют собой некие обобщения, лишь косвенно связанные с этими фактами, событиями, описаниями – это ...

а) подтекст

б) сентенция

в) континуум

г) автосемантизация

45. Интеграцией является...

а) объединение форм языкового выражения

б) членение текста

в) понятие теории систем, означающее состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое, а также процесс, ведущий к такому состоянию

г) повторение приема

46. Аббревиатура ССЦ в лингвистике текста расшифровывается как...

а) синтаксическое сверхфразовое целое

б) сложное синтаксическое целое

в) системное субъективное целое

г) самостоятельное синтаксическое целое

47. Каким образом в устной речи можно отграничить одно ССЦ от другого?

а) интуитивно

б) с помощью перевода устной речи в письменную

в) это сделать невозможно

г) отметив нарушение преемственности темы, изменение интонации в сторону увеличения высоты тона.

48. Под концептом текста понимают:

а) глубинный смысл, являющийся воплощением намерений автора, приведших к порождению текста

б) сознательно организованный результат речетворческого процесса

в) сообщение о фактах, событиях, процессах, происходивших или которые будут происходить в окружающем нас мире

г) синтаксическую единицу, состоящую из двух предложений, характеризующихся смысловой, коммуникативной и структурной завершенностью и отношением автора к сообщаемому

49. Правила дискурса нельзя изучить через анализ...

- а) событий и персонажей
- б) концептов, идеологем, символов
- в) разновидностей позиций адресанта и адресата и специфических, дополнительных характеристик коммуникации
- г) континуума

50. Что не является достоинством дискурсивного анализа?

- а) позволяет увидеть/выявить закономерности текстообразования, которые не зависят целиком от сознательных устремлений коммуникантов
- б) позволяет уйти от сосредоточенности на каком-либо одном звене коммуникации – на адресанте, тексте или адресате
- в) освещает культурно-исторические аспекты изучения текста
- г) позволяет уловить дискурсивное

Перечень вопросов к зачету по всему курсу

1. Направления лингвистических исследований, определившие современное понимание текста и дискурса.
2. Современные трактовки понятия «дискурс».
3. Текст и дискурс: специфика соотношения понятий.
4. Виды дискурсов.
5. Проблема выделения и описания единицы дискурса.
6. Категории дискурса.
7. Текст: основные признаки, определение понятия.
8. Основные направления и аспекты текстовых исследований.
9. Возможные интерпретации понятия «текст»: широкое и узкое толкования.
10. Проблема выделения и описания единицы текста.
11. Textoобразующие категории.
12. Виды текстовой информации в концепции И.Р. Гальперина. Отличие содержательно-фактуальной информации от содержательно-концептуальной и подтекстовой. Отличие содержательно-концептуальной информации от содержательно-подтекстовой.
13. Способы воплощения содержательно-фактуальной информации. Методика денотативного анализа.
14. Способы воплощения содержательно-подтекстовой информации. Методика контекстного анализа.
15. Способы воплощения содержательно-концептуальной информации. Методика когнитивного анализа.
16. Категория модальности. Определение понятий «фразовая модальность» и «текстовая модальность», «объективная модальность» и «субъективная модальность». Средства выражения модальных значений.
17. Базовые составляющие временного и пространственного континуума.
18. Понятия «ретроспекция» и «проспекция» и средства их выражения в тексте.
19. Виды членения текстов в концепции И.Р. Гальперина. Понимание терминов *сложное синтаксическое целое (сверхфразовое единство)*, *абзац* в современной лингвистической науке.
20. Основные виды автосемантизации отрезков текста.
21. Категория связности. Понятие «когезии».
22. Категория интеграции и завершенности. Сходство и отличие понятий «интеграция» и «завершенность».
23. Разграничение устных и письменных текстов как специфическая лингвистическая проблема.
24. Филологический анализ текста: цель, задачи, специфика.
25. Концептуальный анализ текста: цель, задачи, специфика.
26. Методика дискурсивного анализа: специфические черты.

27. Анализ событийной структуры дискурса.
28. Анализ структуры «поля персонажей» дискурса.
29. Анализ концептуального поля дискурса.
30. Анализ риторического поля дискурса.

РАЗДЕЛ V. ТЕЗАУРУС

Автосемантизация – формы зависимости и относительной независимости отрезков текста по отношению к содержанию всего текста или его части.

Автосемантический – состоятельный с семантической точки зрения.

Высказывание – это последовательность фраз, заключенных между двумя семантическими пробелами, двумя остановками в коммуникации.

Грамматическая категория – понятийная категория, имеющая в языке обязательное формальное выражение и проявляющаяся в противопоставлении двух и более однородных граммем.

Денотат – это объект действительности, знания о котором выражаются различными языковыми и речевыми единицами, в том числе и текстом.

Дискретный – членимый на элементы.

Дискурс – протекающая в реальных координатах пространства и времени, ситуативно и социально обусловленная коммуникативную деятельность, одним из продуктов которой в результативной сфере является текст.

Дискурсивный код – это система знаков, своеобразный след, воплощающий дискурсивные правила производства текстов.

Завершенность текста – исчерпанность авторского замысла.

Интеграция – состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое, а также процесс, ведущий к такому состоянию.

Имплицитный – скрытый, неявный, невыраженный.

Информация – это содержание текста как некоего законченного целого.

Категория – это понятие, в котором отображены наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов и явлений объективного мира.

Когезия (от английского cohesion – сцепление) – это формы связи – грамматические, семантические, лексические – между отдельными частями текста, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.

Когнитивная лингвистика – направление в лингвистике, исследующее и описывающее языковые феномены с точки зрения когнитивных механизмов, лежащих в основе мыслительной деятельности человека.

Коммуникативная интенция – коммуникативное намерение, потребность в вербализации для решения коммуникативной задачи.

Коннотация – это отношение автора к предмету речи.

Контекстно-вариативное членение текста – одно из средств приближения читателя к сообщаемым событиям, оно делает его как бы соучастником этих событий.

Концепт текста – глубинный смысл, являющийся воплощением мотива, намерений автора, приведших к порождению текста.

Концептосфера – совокупность концептов.

Культурный концепт – мыслительная единица, содержание которой, а также ее взаимодействие с другими концептами зависят от изменений в культуре и, соответственно, массовом сознании.

Ментальный – относящийся к сфере мышления.

Модальность – функционально-семантическая категория, выражающая различные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого

Подтекст – подразумеваемый, не выраженный эксплицитно смысл высказывания.

Прагматика текста – характеристика текста в терминах целей его произнесения/написания, предполагаемых эффектов и т.п.

Пропозиция – часть содержания высказывания, непосредственно связанная с описываемым положением дел и отвечающая за истинность и ложность высказывания.

Проспекция – категория текста, отсылающая читателя к тому, о чем будет идти речь в последующих частях текста.

Пространственно-временной континуум (лат. *continuum* – непрерывное, сплошное) – нерасчлененный поток движения во времени и в пространстве.

Репрезентация – представление.

Ретроспекция – категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации.

Речевая стратегия – это мыслительный план общения, направленный на достижение общей коммуникативной цели в речевом событии.

Речевая тактика – это некое речевое действие, направленное на решение одной задачи в рамках одной стратегической цели.

Речевой поступок – это эмпирически воспринимаемая единица речевого поведения, с которой говорящий и слушающий имеют дело в устной коммуникации.

Сложное синтаксическое целое – это синтаксическая единица, состоящая как минимум из двух предложений, характеризующихся смысловой, коммуникативной и структурной завершенностью и отношением автора к сообщаемому.

Слот – элементы фрейма, содержащие некоторый тип информации, релевантной для соответствующего объекта действительности.

Сценарий – это упорядоченная последовательность действий, контролирующая как выбор специфического (определенного) набора слотов фрейма, так и последовательность их активизации.

Текстовая категория – это признак, который свойствен всем текстам и без которого не может существовать ни один текст.

Фрейм – это мыслительная типовая структура, предназначенная для упорядочения, организации некоторых данных, информации.

Эксплицитный – выраженный формально.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адмони, В.Г. Грамматика и текст / В.Г. Адмони. // Вопросы языкознания. 1985. № 1.
2. Акулова, Е.В. Русские и немецкие объявления о знакомстве: трехкомпонентная фреймовая модель / Е.В. Акулова. // Жанры речи: Сборник научных статей. – Саратов, 2007. С. 424 – 429.
3. Ашукин, Н.С., Ашукина, М.Г. Крылатые слова / М.Г. Ашукина, Н.С. Ашукин. – М., 1986.
4. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М., Екатеринбург, 2004.
5. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текстов. Теоретические основания и практика / А.Н. Баранов. – М., 2007.
6. Белянин, В.П. Психолингвистика / В.П. Белянин. – М., 2004.
7. Богуславская, В.В. Моделирование текста. Лингвокультурная концепция. Анализ журналистских текстов / В.В. Богуславская. – М., 2008.
8. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н.С. Болотнова. – Томск, 2006.
9. Борисова, И.В. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.В. Борисова. – Екатеринбург, 2001.
10. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М., 2003.
11. Валова, Л.В. Аспектуальная ситуация как текстовая единица / Л.В. Валова. // VERBUM: язык, текст, словарь: Сб. науч. тр.: Посвящается юбилею Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург, 2006. – С. 359 – 363.
12. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Три лингвистические концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров; под. ред. Ю.С. Степанова. – М., 2005.
13. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М., 2002.
14. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М., 2009.
15. Дементьев, В.В. Аспекты проблемы «жанр и культура» / В.В. Дементьев. // Жанры речи: Сборник научных статей. – Саратов, 2007. – С. 5 – 21.
16. Демьянков, В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века. / В.З. Демьянков. – Электронная версия, <http://www.infolex.ru>
17. Ильенко, С.Г. Русистика: Избранные труды / С.Г. Ильенко. – СПб., 2003.
18. Краткий словарь лингвистических терминов. – М., 1995.
19. Лазарева, Э.А. Телевизионный дискурс: общая характеристика объекта / Э.А. Лазарева. // VERBUM: язык, текст, словарь: Сб. науч. тр.: Посвящается юбилею Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург, 2006. – С. 300 – 313.
20. Лазутина, Г.В. Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для вузов / Г.В. Лазутина. – М., 2001.

21. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания: Монография / А.А. Леонтьев. – М., 2007.
22. Ливанова, М.В. Коммуникативные стратегии текста-сенсации / М.В. Ливанова. // Современные методы анализа художественного произведения. Материалы научного семинара 2-4 мая 2003 г. – Гродно, 2003. – С. 160 – 167.
23. Лихачев, Д.С. Текстология / Д.С. Лихачев. – СПб., 2001.
24. Лосева, Л.М. Как строится текст / Л.М. Лосева. – М., 1990.
25. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003.
26. Матвеева, Т.В. Непринужденный диалог как текст / Т.В. Матвеева. // ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ – КУЛЬТУРА: Коллект. монография / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 125 – 140.
27. Матвеева, Т.В. Предметно-логическая тема как субъективно-модальное средство разговорного диалога / Т.В. Матвеева. // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1996. – С. 167 – 180.
28. Матвеева, Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В. Матвеева. – М., 2003.
29. Мельник, Г.С., Тепляшина, А.Н. Основы творческой деятельности журналиста / Мельник Г.С., Тепляшина А.Н. – М., 2008.
30. Михалева, О.Л. Основы психолингвистики: учебно-методический комплекс / О.Л. Михалева. Иркутск, 2005.
31. Михалева, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – Иркутск, 2005.
32. Мурзин, Л.Н. Язык, текст и культура / Л.Н. Мурзин. // Человек – текст – культура: Коллект. монография / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 160 – 169.
33. Неудачина, Л.В. Прагматика языка «застолья» (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Л.В. Неудачина. – СПб, 2007.
34. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2003.
35. Олешков, М.Ю. Лингвопрагматический аспект системного моделирования дискурса / М.Ю. Олешков. // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всеросс. науч конф., 14 – 16 апр. 2005 г., Екатеринбург, Россия / Под ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург, 2005. – С. 290 – 294.
36. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса / А.В. Олянич. – М., 2007.
37. Паршина, О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика / О.Н. Паршина. – М., 2007.
38. Пронин, Е.И. Разомкнутый текст / Е.И. Пронин. // Социальная практика и журналистский текст / Под ред. Я.Н. Засурского, Е.И. Прониной. – М., 1990. – С. 31.

39. Пронин, Е.И., Пронина, Е.Е. Сборник учебно-методических материалов по курсу «Психология журналистики» / Е.И. Пронин, Е.Е. Пронина. – М., 2006.
40. Прохоров, Ю.Е. Действительность; Текст; Дискурс: Учебное пособие / Ю.Е. Прохоров. – М., 2006.
41. Русская грамматика – М., 1980.
42. Русский семантический словарь: В 6 т. / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1998.
43. Сахарный, Л.В. Человек и текст: две грамматики / Л.В. Сахарный. // Человек – текст – культура: Коллект. монография / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 7 – 59.
44. Сибирякова, И.Г. Стандарты тематического развертывания в разговорном диалоге / И.Г. Сибирякова. // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург: «АРГО», 1996. – С. 115 – 135.
45. Сиротинина, О.Б. Тексты, текстoidы, дискурсы в зоне разговорной речи / О.Б. Сиротинина. // Человек – текст – культура: Коллект. монография / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 105 – 124.
46. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1984.
47. Современный русский язык в таблицах и схемах. Ч 3. Учеб. пособие / Р.С. Астрина, А.М. Дмитриева, Л.Г. Коротаева и др. – М., 1985.
48. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика / Г.Я. Солганик. – М., 2007.
49. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю.А. Сорокин. – М., 1985.
50. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М., 2004.
51. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж, 1985.
52. Тимонина, И.В. Коммуникативные стратегии и тактики: учебно-методический комплекс/ И.В. Тимонина, О.Е. Чернова. – Магнитогорск, 2006.
53. Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Складчиковой. – М., 2001.
54. Федорова, И.Р. Информация и интерпретация в жанре современной газетой хроники и заметки: К вопросу о модальности «авторской пристрастности» / И.Р. Федорова. // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии и синхронии. – Сб. науч. тр. – Калининград, 2004. – С. 107 – 120.
55. Филиппов, К.А. Лингвистика текста. Курс лекций / К.А. Филиппов. – СПб., 2003.
56. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. М.В. Горбаневского. – М., 2002.
57. Чепкина, Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995 - 2000) / Э.В. Чепкина. – Екатеринбург, 2000.

58. Черникова, Е.В. Литературная работа журналиста / Е.В. Черникова. – М., 2007.
59. Чернова, О.Е. Язык в контексте культуры: учебно-методический комплекс / О.Е. Чернова. – Магнитогорск: МаГУ, 2006.
60. Чернова, О.Е. Методика анализа речевых стратегий и тактик (на материале газетного репортажа) / О.Е. Чернова. // Вестник МаГУ : периодический научный журнал. – Магнитогорск : МаГУ, 2009. – Вып. 11. – С. 86 – 89.
61. Чернышова, Т.В. Лингвокогнитивные структуры, обеспечивающие взаимодействие автора и адресата в сфере СМИ / Т.В. Чернышова. // Человек – коммуникация – текст: Сб. статей, вып. 6. / Под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул, 2004.
62. Чурилина, Л.Н. Лингвистика текста: учебно-методический комплекс / Л.Н. Чурилина. – Магнитогорск, 2007.
63. Шевченко, Н.В. Основы лингвистики текста / Н.В. Шевченко. – М., 2003.
64. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография / Е.И. Шейгал. –М., 2004.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА ПО ДИСЦИПЛИНЕ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ «ТЕКСТ И ДИСКУРС» ДЛЯ СТУДЕНТОВ ОТДЕЛЕНИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

1. Организационно-методический раздел

1.1. Цель курса:

Курс «Текст и дискурс» призван сформировать целостное научно обоснованное представление о тексте и дискурсе, их конститутивных признаках и специфических категориях, о различных аспектах их анализа.

1.2. Задачи курса

Задачи курса состоят в: 1) знакомстве с основными направлениями текстовых исследований, представленными в современной мировой лингвистике; 2) формировании представления о различных подходах к понятиям «текст» и «дискурс»; 3) изучении конститутивных признаков и основных категорий текста и дискурса; 4) знакомстве с некоторыми частными методиками текстового и дискурсивного анализа.

1.3. Место курса в системе освоения профессиональной образовательной программы

Данная дисциплина является составной частью блока общепрофессиональных дисциплин, изучается студентами на 2 курсе, поскольку способствует получению систематического филологического, в частности лингвистического, образования.

1.4. Требования к уровню освоения содержания курса

По окончании курса студент должен знать:

- объем и соотношение понятий «текст» и «дискурс»;
- современные научные подходы к изучению текста и дискурса;
- принципы выявления и исследования текстовых категорий;
- принципы выявления дискурсивных правил, организующих живую речь в условиях реального общения.

По окончании курса студент должен уметь:

- осуществлять анализ текстовых категорий;
- выявлять качественные тексты из всего многообразия материала, представленного в СМИ;
- осуществлять дискурсивный анализ.

2. Содержание курса

2.1. Разделы курса

1. Место функционализма в современной лингвистике.
2. Базовые понятия: *функционализм, формализм, текст, дискурс, текстовые категории, коннотация, концепт, фрейм, сценарий, речевые стратегии, речевые тактики.*
3. Исследовательский инструментарий: *филологический анализ текста, концептуальный анализ текста, дискурсивный анализ.*

2.2. Темы и краткое содержание

- 1. Становление дискурсивного подхода к анализу коммуникации.** Направления лингвистических исследований, определившие современное понимание текста и дискурса. Противопоставление функционализма формализму как причина изменения взглядов на природу языка. Междисциплинарные исследования коммуникативной деятельности (и ее двух форм – дискурсивной и текстовой деятельности).
- 2. Феномен дискурса в современных научных исследованиях.** Проблема дефиницирования понятия. Специфика соотношения понятий «текст» и «дискурс».
- 3. Основы теории дискурса.** Типы дискурсов. Проблема выделения и описания единицы дискурса. Категории дискурса.
- 4. Основные направления и аспекты текстовых исследований.** Современные подходы к изучению текста. Неоднозначность предлагаемых в лингвистике толкований понятия «текст». Широкое и узкое толкование.
- 5. Основы теории текста.** Проблема выделения и описания единицы текста. Textoобразующие категории.
- 6. Особенности анализа текстовых категорий.** Категория информативности: денотативный анализ, контекстный анализ, когнитивный анализ. Выявление текстообразующего потенциала категории модальности.
- 7. Определение статуса устных произведений.** Разграничение устных и письменных текстов как специфическая лингвистическая проблема. Текстовые категории в устных текстах. Особенности выявления текстовых категорий в устных текстах.
- 8. Исследовательский инструментарий.** Филологический анализ текста. Концептуальный анализ текста. Методика дискурсивного анализа. Анализ новостного дискурса.

3. Распределение часов курса по темам и видам работ

№ n/n	НАИМЕНОВАНИЕ РАЗДЕЛОВ КУРСА И ТЕМ	ВСЕГО (часов)	Аудиторные занятия (час), в том числе		Самостоя- тельная работа
			Лекции	Семинары	
I.	Место функционализма в современной лингвистике.				
1.1	Становление дискурсивного подхода к анализу коммуникации	2		2	
II.	Базовые понятия				
2.1.	Феномен дискурса в современных научных исследованиях. Специфика соотношения понятий <i>текст</i> и <i>дискурс</i>	2		2	
2.2.	Основы теории дискурса. Типы дискурсов. Проблема выделения и описания единицы дискурса. Категории дискурса.	2		2	
2.3.	Основные направления и аспекты текстовых исследований	2		2	
2.4.	Основы теории текста. Проблема выделения и описания единицы текста. Textoобразующие категории.	4		4	
2.5.	Особенности анализа текстовых категорий. Текстовая категория информативности.	6		6	
2.6.	Особенности анализа текстовых категорий. Текстовая категория модальности.	4		4	
	Определение статуса устных произведений. Разграничение устных и письменных текстов как специфическая лингвистическая проблема.	4		4	
III.	Исследовательский инструментарий				
3.1.	Филологический анализ текста.	2		2	
3.2.	Концептуальный анализ	2		2	

№ n/n	НАИМЕНОВАНИЕ РАЗДЕЛОВ КУРСА И ТЕМ	ВСЕГО (часов)	Аудиторные занятия (час), в том числе		Самостоя- тельная работа
			Лекции	Семинары	
	текста.				
3.3.	Методика дискурсивного анализа. Анализ новостного дискурса.	6		6	
	Итого	36		36	

4. Форма итогового контроля – зачет

5. Учебно-методическое обеспечение курса

Список основной литературы

1. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М., Екатеринбург, 2004.
2. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текстов. Теоретические основания и практика / А.Н. Баранов. – М., 2007.
3. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н.С. Болотнова. – Томск, 2006.
4. Борисова, И.В. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.В. Борисова. – Екатеринбург, 2001.
5. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М., 2003.
6. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М., 2009.
7. Демьянков, В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века / В.З. Демьянков. – Электронная версия, <http://www.infolex.ru>
8. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003.
9. Матвеева, Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В. Матвеева. – М., 2003.
10. Михалева, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – Иркутск, 2005.
11. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса / А.В. Олянич. – М., 2007.
12. Тимонина, И.В. Коммуникативные стратегии и тактики: учебно-методический комплекс / И.В. Тимонина, О.Е. Чернова. – Магнитогорск, 2006.
13. Филиппов, К.А. Лингвистика текста. Курс лекций / К.А. Филиппов. – СПб., 2003.
14. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. М.В. Горбаневского. – М., 2002.
15. Чепкина, Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995 - 2000) / Э.В. Чепкина. – Екатеринбург, 2000.
16. Чернова, О.Е. Язык в контексте культуры: учебно-методический комплекс / О.Е. Чернова. – Магнитогорск: МаГУ, 2006.

17. Чурилина, Л.Н. Лингвистика текста: учебно-методический комплекс / Л.Н. Чурилина. – Магнитогорск, 2007.
18. Шевченко, Н.В. Основы лингвистики текста / Н.В. Шевченко. – М., 2003.
19. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография / Е.И. Шейгал. – М., 2004.
20. Паршина, О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика / О.Н. Паршина. – М., 2007.

Список дополнительной литературы

1. Адмони, В.Г. Грамматика и текст / В.Г. Адмони. // Вопросы языкознания. 1985. № 1.
2. Валова, Л.В. Аспектуальная ситуация как текстовая единица / Л.В. Валова. // VERBUM: язык, текст, словарь: Сб. науч. тр.: Посвящается юбилею Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург, 2006. – С. 359 – 363.
3. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Три лингвистические концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров; под. ред. Ю.С. Степанова. – М., 2005.
4. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М., 2002.
5. Дементьев, В.В. Аспекты проблемы «жанр и культура» / В.В. Дементьев. // Жанры речи: Сборник научных статей. – Саратов, 2007. – С. 5 – 21.
6. Лазарева, Э.А. Телевизионный дискурс: общая характеристика объекта / Э.А. Лазарева. // VERBUM: язык, текст, словарь: Сб. науч. тр.: Посвящается юбилею Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург, 2006. – С. 300 – 313.
7. Олешков, М.Ю. Лингвопрагматический аспект системного моделирования дискурса / М.Ю. Олешков. // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всеросс. науч. конф., 14 – 16 апр. 2005 г., Екатеринбург, Россия / Под ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург, 2005. – С. 290 – 294.
8. Федорова, И.Р. Информация и интерпретация в жанре современной газетой хроники и заметки: К вопросу о модальности «авторской пристрастности» / И.Р. Федорова. // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии и синхронии. – Сб. науч. тр. – Калининград, 2004. – С. 107 – 120.
9. Чернышова, Т.В. Лингвокогнитивные структуры, обеспечивающие взаимодействие автора и адресата в сфере СМИ / Т.В. Чернышова. // Человек – коммуникация – текст: Сб. статей, вып. 6. / Под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул, 2004.
10. Чернова, О.Е. Методика анализа речевых стратегий и тактик (на материале газетного репортажа) / О.Е. Чернова. // Вестник МаГУ : периодический научный журнал. – Магнитогорск : МаГУ, 2009. – Вып. 11. – С. 86 – 89.

Учебное текстовое электронное издание

Чернова Оксана Евгеньевна

ТЕКСТ И ДИСКУРС

Учебное пособие

1,67 Мб

1 электрон. опт. диск

г. Магнитогорск, 2021 год
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»
Адрес: 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск,
пр. Ленина 38

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
Кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации
Центр электронных образовательных ресурсов и
дистанционных образовательных технологий
e-mail: ceor_dot@mail.ru